

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ

Евстаф
Михайков

рыцарь
нашего времени

Annotation

Все называли его Ланселотом. Он и правда был рыцарем нашего времени – благородным, бесстрашным, ценящим мужскую дружбу и любящим женщин. Но почему ему кажется, что мир вокруг него незаметно меняется? Ведь он не сумасшедший...

Их было четверо – взрослых состоявшихся людей, сохранивших дружбу с далеких школьных времен и всегда готовых прийти друг другу на помощь. Но почему Полина так тревожится о судьбе брата, если у него есть надежные друзья?

Расследуя дело об убийстве крупного бизнесмена, частный сыщик Сергей Бабкин не предполагал, что вдова убитого окажется... его собственной бывшей женой. Неужели бывают такие странные совпадения?

Когда не связанные на первый взгляд события сплетаются в гордиев узел, не спешите его разрубать. Ведь простые решения могут оказаться самыми сложными...

- [Елена Михалкова](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Эпилог](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)

o [4](#)

Елена Михалкова

Рыцарь нашего времени

И одним только был я недоволен, дописав последнюю строку, – тем, что самому непроницательному читателю быстро стало бы очевидным, кто преступник в этой странной истории.

Э. Лири. «Тот, кто спрятался за тисом»

Глава 1

Нестандартный клиент – так сказал Макар. Но объяснять, в чем именно заключается нестандартность, не пожелал, ограничившись коротким «сам увидишь». И, как обычно, оказался прав, хотя Сергей с недоверием отнесся к его диагнозу, поставленному после короткого телефонного разговора.

Гость наклонил голову, прищурился, и Сергей подумал, что тому не хватает секиры и шлема. «Получился бы гном, настоящий рыжий гном. Один взмах секирой – одна голова долой». Силотский взглянул на него, и Бабкин отогнал дурацкие мысли: нужно работать, а не фантазировать.

На самом деле Дмитрий Арсеньевич походил не на гнома, а на русского богатыря, поскольку был высок и статен. Вместо полагавшейся кольчуги на нем была короткая кожаная куртка-косуха, которую он не снял, даже войдя в квартиру, и кожаные же штаны – старые, с благородными потертостями на коленях. Шлем Ланселот положил на стол, и тот отсвечивал красноватым светом, когда из-за весенних темных туч проглядывало солнце и лучи падали на блестящую поверхность.

Крепко сбитый, широкоплечий, с рыжими волосами, бородой и курчавыми бакенбардами, обрамлявшими его широкое загорелое лицо так, что, казалось, оно выглядывает из рамки, Дмитрий Арсеньевич с порога сообщил, что его можно называть Ланселотом, потому что с пятого класса его по-другому не зовут. Он вообще быстро перехватил инициативу, без подсказок разобрался, кто из двоих Сергей Бабкин, а кто Макар Илюшин, выбрал себе не стул, на который обычно сажали клиентов и который Макар именовал инквизиторским, а удобное кресло, не поленившись передвинуть его от окна к столу. «Непринужденный товарищ», – подумал Бабкин, рассматривая гостя. Пока он еще был гость – не клиент, и неизвестно, перейдет ли во вторую категорию. В этом вопросе все зависело от Илюшина, который внимательно слушал Силотского, время от времени покашливая и морщась – на апрельском ветру он простудил горло, к врачам идти категорически отказался и лечился какими-то пастилками – без малейшего успеха.

Они уже знали, что сидящий перед ними веселый рыжий бородач, прикативший на мотоцикле, – глава компании «Броня».

– Двери я выпускаю, бронированные двери, – говорил Дмитрий, наклонившись к Макару и рисуя для убедительности указательным

пальцем прямоугольник в воздухе. – Хорошие, скажу честно. И ставлю разнообразные охранные сигнализации, от незамысловатых до самых сложных. За пять лет с нуля фирму поднял, теперь думаю, что дальше делать. Надоедает на одном месте сидеть, одним делом заниматься. Кем я только не был!

Ланселот начал загибать пальцы, поросшие красноватыми волосками.

– Начал я с того, что в театре «кушать подано» говорил. Хотел актером стать, да быстро раздумал.

– Что вы заканчивали? – поинтересовался Макар.

– Театральное училище в Нижнем. Пока учился, освоил фортепьяно, гитару, тромбон... В общем, на чем угодно могу помаленьку играть. Говорят, неплохо получается. В театре повертелся, приняхался и решил бросать это дело, пока не затянуло. Устроился лабухом в ресторанчике. Ох, и лихо мы тогда играли! – Силотский довольно усмехнулся в бороду. – Деньги начали зарабатывать, а на самом пике я снова не выдержал – бросил группу, устроился – вы не поверите! – грузчиком. Ей-богу, не вру! Захотелось себя попробовать, силу свою, что ли... Ну да идиотское это занятие я бросил через неделю, подался на юга с археологической экспедицией. Им как раз люди нужны были. Интересно до чертиков! А затем вернулся – и официантом в ресторан.

– Эх, как вас пошвыряло, – не удержался Сергей.

– Нет, это не меня швыряло, – покачал головой человек, называвший себя Ланселотом. – Это я сам себя швырял. Я, знаете, с юности чувствовал, что не могу долго на одном месте находиться, душно мне становится, тяжело. Как будто трясина засасывает, стоит осесть где-нибудь. Потихоньку научился всякие подсказки из воздуха ловить. И ведь ни разу они меня не обманули!

– Какие подсказки из воздуха?

Гость задумался, но ненадолго, и поднял на Макара веселые голубые глаза.

– Раз про официанта речь зашла, скажу вот что: трудился я в «Нимфе», это был ресторанчик полубандитского пошиба с соответствующей клиентурой. Если и захаживали туда люди приличные, то исключительно по незнанию, и второй раз возвращаться не торопились. Хотя кухня была отменная, да и нас, официантов, вышколили так, что все по струнке перед клиентами ходили. Сколько я там типажей насмотрелся, каких разговоров наслушался – об этом можно отдельную книгу написать. Может, когда и напишу. Так вот, работал я там, и на чаевых неплохо жил. Откладывал помаленьку – была у меня одна задумка... Ну да сейчас не о том. Я для себя

так решил: еще полгода продержусь – и буду что-то новое подыскивать. А в тот вечер несусь заказ – как сейчас помню, котлету по-боярски заказали, – и возле одного столика нога у меня – раз! – и едет по полу. Там, оказывается, кто-то случайно плеснул воды, а убрать не успели. Чувствую, сейчас упаду на клиента, и котлетка моя будет у него за шиворотом.

– Упали?

– Удержался! – с гордостью ответил бородач. – И тарелку удержал, как циркач, ей-богу. Так ловко сманеврировал – клиент на меня и внимания не обратил. Я возле него задержался и слышу, он говорит приятелю: хватит баловаться, иначе у нас с тобой могут быть кривые проблемы. Слово-то какое подобрал неподходящее, царапающее – «кривые»! И, знаете, мне показалось, будто он мне это говорит. Даже не по себе стало. Обслуживаю я другие столики и чувствую – колотит меня, руки трясутся. Паршиво-препаршиво, и в голове крутится: «иначе у нас с тобой могут быть кривые проблемы». И так на меня это подействовало, что я не выдержал: остановился возле одного клиента, который собирался стопочку перед салатом опрокинуть, вынул у него рюмку из рук и выпил сам. До того мне паршиво стало.

– Вас должны были расстрелять на месте, – рассмеялся Макар.

– Это точно! Метрдотель потом кричал: «Ты что же, сволочь, до кухни не мог подождать?! Я б тебе там лично налил, раз невтерпеж!» А что я ему объяснил бы? Что у меня в животе словно гирию свинцовую уронили после того, как я слова того мужика услышал? В общем, расстрелять не расстреляли, но вышибли, конечно, пинком под зад.

– Полагаю, вы не очень огорчились? – любопытствовал Илюшин, приглядываясь к возможному клиенту. – У меня как-то не вяжется ваш облик с образом официанта. Отчего вдруг вы решили поработать в ресторане? Из интереса, изучать типажи посетителей?

– Так и у меня не вязался! – хохотнул Силотский. – Нет, не для интереса, признаюсь. Это я себя испытывал – смогу через такое испытание пройти или нет. Испытание – потому что мне, признаться, не по вкусу других обслуживать, а в те годы я и вовсе считал это унижением. С возрастом-то поумнел, конечно... А тогда мне пришлось себя заставлять, и я даже некоторое удовольствие стал находить в том, чтобы угождать другим. Что-то вроде игры с самим собой, знаете... Но закончилась моя игра после той выходки с водкой!

– И что же было потом, после того как вас уволили? – спросил Бабкин, с интересом слушавший рассказ.

– А потом вот что, – посерьезнел Силотский. – На следующий вечер,

как раз когда моя смена была, остановились три джипа возле «Нимфы». Вышли из них люди с автоматами, зашли в ресторан и постреляли.

– В воздух, попугать, или...?

– Кто в воздух, а кто «или». Восемь трупов вынесли потом из «Нимфы», из них четверо официантов. Вот так-то! Хозяин ресторана кому-то не угодил, я уж в этом не разбирался. С тех пор я к таким подсказочкам ой как серьезно отношусь! Они, можно сказать, всю мою жизнь направляют.

– Вы поэтому обратились к нам? – проницательно спросил Макар.

Силотский бросил на него быстрый взгляд и кивнул.

– Да. Меня многие считают странным – вроде как несолидно бизнесмену косить под байкера и увлекаться фантастикой. – Он улыбнулся во весь рот, пожал плечами. – Ну что ж поделать, вот такой я человек. Мои сотрудники про меня думают, что я слегка чокнутый, а я на них смотрю и не понимаю: как можно такой скучной жизнью жить? Каждый день десять лет подряд одно и то же – ну и кто после этого чокнутый, я или они?

– А почему они так считают? – не понял Сергей. – Из-за мотоцикла? Из-за того, что профессии часто меняли?

– Да нет, – поморщился Силотский. – Объясню: я с детства люблю читать. Раньше все подряд глотал, а лет восемь назад подсел, как сейчас принято выражаться, на фэнтэзи и фантастику. И в один прекрасный момент вдруг понял: это ж все правда!

– Что – правда? – осторожно уточнил Бабкин.

– Да все, что в книгах описано. В хороших, само собой. Ничего там авторы не выдумывают, а списывают, как говорится, с натуры.

В комнате повисло молчание. Силотский безмятежно смотрел то на одного сыщика, то на другого, ожидая их реакции. Сергей подумал было, что их клиент действительно нестандартен в том смысле, насколько нестандартны могут быть шизофреники, но в следующую секунду признал, что Дмитрий Арсеньевич на сумасшедшего ничуть не похож.

– Вы хотите сказать, что существует мир Дозоров, который описывает Лукьяненко? – совершенно серьезно спросил Макар. – И существует не потому, что его описал хороший фантаст, а изначально, сам по себе?

– Именно! И Тайный Город Вадима Панова – тоже! – обрадованно подхватил Силотский, довольный тем, что его так быстро поняли. – Вот что хотите со мной делайте, а я знаю наверняка: есть он, есть. Некоторым людям дано видеть кое-что... особенное. Если среди таких людей попадается писатель, он начинает описывать то, что увидел или почувствовал. Так и получается фэнтэзи. Вы же не будете отрицать, что

мир Среднеземья существует? Конечно же, Толкиен его не выдумал, а срисовал практически с натуры, но с натуры, видимой лишь ему одному!

«Толкиенутый, – поставил Бабкин свой собственный диагноз. – В свободное от бронированных дверей время бегают по лесам и отлавливают эльфов. Ролевик».

– Вот только не нужно причислять меня к ролевикам, – немедленно попросил рыжебородый, словно прочитав его мысли. – Эти суррогаты мне не интересны. Мне достаточно чистого знания о том, что рядом с нами существуют параллельные миры, и этих миров неисчислимо множество.

– У вас есть какие-то доказательства, кроме голоса интуиции? – заинтересовался Илюшин.

– Как вы думаете, почему Вадим Панов недавно сменил квартиру? – в ответ огорошил его Силотский. – Отличную просторную квартиру в хорошем районе... Почему, а? Да потому, что рассказал то, что *не стоило* рассказывать. Навы не любят, когда рассекречивают их адреса, а Панов в своих книгах не удержался и был откровенен, слишком откровенен.

– Вы хотите сказать, – медленно спросил Бабкин, – что писателя Вадима Панова преследуют те, кого он описывает? Дмитрий Арсеньевич, вы серьезно?

– А вы знаете, что его машина увешана артефактами? – усмехнулся тот. – Настоящими артефактами, дающими защиту в том числе и от проникновения. Почему, вы думаете, никто не смог ее угнать? Хотя пытались, я знаю точно, пытались неоднократно! Нет, Панов *знает*, о чем пишет.

Бабкин пригляделся к Силотскому внимательнее, надеясь уловить в его глазах нездоровый блеск или хотя бы намек на одержимость, но перед ним сидел спокойный улыбающийся человек, производивший впечатление вполне здравомыслящего.

– Так, – помолчав, сказал Макар. – Давайте вернемся к причине, по которой вы обратились к нам.

– Жамэ вю. Это – первая причина.

– Что? – не понял Сергей.

Он взглянул на напарника, но тот понимающе кивнул.

– Вы не думаете, что с этим стоит обращаться к психологам, а не в частный розыск? – спросил Илюшин.

– Уверен. – Силотский потерел бороду, хотел добавить что-то еще, но сдержался. – Вам кажется, что я не в себе? Может быть, это именно та причина, по которой я пришел к вам, а не к врачам. Я не уверен, что это – только у меня в голове.

– Прошу прощения, что такое «жамэ вю»^[1]? – не выдержал Бабкин.

– Противоположность «дежа вю»^[2], – объяснил Макар, откашлявшись. – Знакомые ситуации кажутся незнакомыми. Человек может тысячу раз ходить одной дорогой, а на сто первый почувствовать, что он никогда не был в этом месте.

– Вот-вот, вы все правильно объяснили, – обрадовался Дмитрий Арсеньевич. – Это именно то, что происходит со мной. У меня ощущение, что я ставлю мотоцикл на стоянку, но дорога до подъезда – не та, которой я проходил позавчера. Подъезд – не мой, незнакомый. Вроде все то же самое, но я чувствую, что стою в другом месте, где не был раньше.

– Давно у вас это началось?

– Не очень... должно быть, с месяц назад. Я в последнее время размышлял над тем, чтобы продать фирму, – она стала слишком благополучной, катится ровненько по рельсам, которые я для нее проложил, и больше ничего не требует. А мне это скучно. Честно говоря, я ждал, как обычно, чего-то вроде подсказки из тех, о которых я вам рассказывал, но подсказки не было, и я решил, что оно и к лучшему: в конце концов, мне тридцать пять лет, и, возможно, уже стоит остепениться. И тут начались эти фокусы с «жамэ вю».

– А мы-то чем можем вам помочь? – не выдержал Бабкин.

– Вы – независимые люди, – не задумываясь, ответил Силотский. – Не пойдете у меня на поводу, потому что я ваш босс. Не будете мне противоречить, как моя жена или друзья, из одного только принципа.

– Мы не можем подтвердить или опровергнуть то, что у вас в голове.

– Вы можете дать объективную оценку: вот на этой улице, товарищ Ланселот, все в полном порядке. Тогда я решу, что у меня и в самом деле началось расстройство, и пойду ко врачу. Но до этого я хочу проверить все-все! К тому же есть еще кое-что, и это – вторая причина, почему я обратился к вам.

– Что? – насторожился Илюшин.

– Мой заместитель пропал два дня назад. Бесследно исчез. Если меня правильно информировали, вы беретесь за розыск пропавших людей, не так ли?

* * *

Сергей Бабкин шел осторожно, сторонясь редких машин, из-под колес

которых летела жирная грязь – дорога на этом участке была вся в рытвинах.

– Самому не нравится здесь ходить, – подал голос Силотский, бодро шагавший позади него. – А что делать? Район новый, переехали сюда с женой недавно. Вот и топаю каждый день от стоянки до подъезда, путь срезаю.

Бабкин злился про себя на роль, навязанную ему Макаром, – Илюшин настоял на том, чтобы напарник прошел до дома с потенциальным клиентом и обратил внимание на все необычное, что попадетя по пути. Зачем – не объяснил, и Сергей, старательно осматривая окрестности, теперь чувствовал себя глупо.

Кирпичные новостройки – неплохой район, но совершенно безликий, как и десятки ему подобных. Желтый кубик детского сада, вокруг которого толпятся, нависая, дома. Скромные палисадники, где среди начинающей зеленеть травы торчат невысокие кустики с красноватыми ветками и тонкие саженцы березок и рябин. Рекламный щит с девушкой, улыбающейся отбеленной улыбкой. Магазины под вывеской «Мини-маркет», а рядом с ним химчистка. Все стандартно, все как обычно, и ничего не привлекает внимания, кроме бездомной дворняги, лежащей на асфальте, разрисованном мелками неумелой детской рукой.

– Каждый день вижу эту собаку – ее подкармливают жильцы и дворник, – глухо сказал сзади Дмитрий Арсеньевич. – И всю последнюю неделю мне кажется, что они кормят другого пса, а не того, первого. Я понимаю, что этого не может быть, но ничего не могу с собой поделать. Он отзывается на кличку... и выглядит так же...

Бабкин бросил изучающий взгляд на пса, но промолчал.

– Может быть, один из тех соседних миров, о которых я вам говорил, приоткрывается и мне? – задумчиво бормотал Силотский в рыжую бороду. – Черт возьми, неужели это и в самом деле та подсказка, которой мне так не хватало? И зря я впутываю вас в это дело...

«Зря, конечно, – подумал Сергей, но благоразумно промолчал. – Тебе бы врача впутывать, а не частных сыщиков».

– Но Вовка... Вовка-то пропал! – продолжал Дмитрий Арсеньевич. – Что прикажете с этим делать?

– Думаете, ушел в параллельный мир? – не сдержался Бабкин.

Бородач в ответ хохотнул, ничуть не обидевшись, покачал головой.

– Вовка не из таких. Такой в параллельный мир не уйдет, даже если перед ним открыть дверь. Он, как и мой хороший друг Дениска Крапивин, – человек без фантазии. Ни капли воображения нет! Пытался я

ему что-то объяснить, показать – бесполезно. Но мужик он отличный, просто замечательный.

Сергей остановился, посмотрел на Силотского. Приняв его взгляд за одобрение, тот начал, жестикулируя, рассказывать о своем заместителе и дошел до какой-то забавной истории, приключившейся с ними перед последними праздниками, но тут пес возле подъезда встал, потянулся, далеко вытянув передние лапы, и потрусил к соседнему подъезду. Проследив за ним взглядом, Ланселот оборвал свой рассказ, и улыбка исчезла с его лица.

– Не мог Володька просто так исчезнуть, – сказал он, прямодушно глядя на Бабкина яркими голубыми глазами. – Ей-богу, не мог! Он человек хороший, порядочный, хоть и бука известная. Что-то с ним случилось... Макара Андреевич – дельный специалист, правда ведь?

– Очень, – искренне ответил Сергей, внутренне ухмыльнувшись «дельному специалисту». – Дмитрий Арсеньевич, где ваш подъезд?

– Да вот он, мы почти пришли. – Силотский показал на выкрашенную в ярко-зеленый цвет дверь.

– И у вас по-прежнему есть это ощущение... жамэ вю?

– Нет, сейчас исчезло. Возможно, это оттого, что мы с вами разговаривали.

– Возможно. Ну что же, давайте посмотрим на вашу квартиру.

Набирая код на двери, бородач на секунду задумался и неожиданно беспомощно взглянул на Сергея.

– Забыли? – спросил тот.

– Нет-нет, я вспомню! Просто...

Он наугад ткнул в две кнопки, и домофон отозвался сердитым писком. Ланселот выругался.

– Код сменили два дня назад, как по заказу!

– Вы говорили, у вас дома жена?

– Да не хочу я ей звонить, – Силотский поморщился. – И так чувствую, что дураком перед вами выгляжу. Рассуждаю о параллельных мирах, а сам не могу код на двери запомнить.

Он набрал, наконец, нужный номер и открыл дверь.

– Нет, – покачал головой Сергей, одновременно и сочувствуя, и недоумевая, – не выглядите.

Он вошел в подъезд, поздоровался с консьержкой и огляделся. На существование параллельного мира, откуда звали неясными намеками господина Силотского, ничто не указывало. Разве что необычайная чистота – так и это не было удивительным, учитывая хозяйственную старушку-

консьержку, в комнатке которой зеленели и цвели растения в горшках.

Сергей вопросительно взглянул на своего спутника, тот пожал плечами. «Ничего. Ну, раз ничего, идем дальше».

Грузовой лифт, открывшийся, как только они подошли, словно ждал их, выпустил двух хихикающих девчонок лет тринадцати и, глуховато и ровно урча, повез Сергея с Ланселотом наверх. Лифт, по мнению Сергея, тоже ничем не отличался от таких же грузовых лифтов в похожих домах, разве что на его стенах еще не успели появиться незатейливые надписи.

– Вы не замечаете ничего странного? – спросил у него Силотский, когда они вышли из лифта и оказались перед дверью с номером сто один.

– Пока нет.

Тот кивнул, будто и не ожидал другого ответа, и три раза коротко позвонил. Стукнул засов, дверь открылась, и невысокая женщина с тюрбаном на голове, накрученным из желтого махрового полотенца, замерла, уставившись на Бабкина.

– Дорогая, не беспокойся, – увидев жену, Силотский заговорил с другими интонациями, в голосе появилась кошачья бархатистость. – Это один из сыщиков – помнишь, я тебе рассказывал?

– Помню, – сказала его жена, не сводя с Сергея зеленых глаз. – Здравствуйте.

– Добрый день, – выдавил Бабкин, думая, что погорячился, сказав Ланселоту, что не видит ничего странного.

Перед ним стояла его бывшая жена, Ольга Репьева.

* * *

Сергей Бабкин женился, когда ему было двадцать четыре года, а Ольге – двадцать. Она была миловидной блондинкой с немного заячьими чертами лица: оттопыренная нижняя губа, чуть раскосые зеленоватые глаза и носик пуговкой. Любовь к кокетству, готовность рассмеяться над любой шуткой и живой характер делали ее привлекательной в глазах мужчин, а предусмотрительно выбранный строительный институт гарантированно обеспечивал ее поклонниками – мальчиков на курсе было в два раза больше, чем девочек.

Оля Репьева знала, что женское счастье – в правильном замужестве. С чисто женской расчетливостью она оценивала приятелей, отвергая тех, кто не подходил на роль потенциального жениха. Правилу «к каждому мужчине подходи так, будто собираешься выйти за него замуж» она

следовала буквально: сито ее было мелким, и в Олиной группе не осталось ни одного мальчика, на которого не были бы, пусть и кратковременно, примерены черный костюм жениха и торжественный галстук.

Оля вовсе не была стяжательницей, рассчитывавшей удачным замужеством обеспечить себе безбедную жизнь. Ей рисовались счастливые картины: вот она, в клетчатом фартучке, варит суп; вот младенец пускает слюнки в розовой кроватке; вот муж с усредненным лицом американского киногероя возвращается домой и дарит ей букет лилий со словами «ты прекрасна, как они»... Муж должен был стоять стеной между ней, хрупкой светловолосой Олей Репьевой, и окружающим миром, быть защитником, опорой, папой и другом.

Мать Ольги развелась со своим мужем, когда девочке было четыре года, но благоразумно внушила дочери, что отец по-прежнему остается отцом, только жить он будет с другой семьей. С тех пор Оля виделась с ним редко, и визиты его были ей в тягость – незнакомый человек, от которого странно пахло, который кололся щетиной и приносил ей такие подарки, что она терялась: нужно было изображать радость, но как можно радоваться конструктору?! Когда ей исполнилось одиннадцать, отец с новой семьей переехал в другой город, и с тех пор существовал в Олиной жизни в виде открыток под Новый год и маминых воспоминаний о том, при каких обстоятельствах ими был куплен тот или иной предмет. Культа ушедшего из семьи отца в доме не было, но тень его присутствовала постоянно, и оказалось, как ни странно, что жить с этой тенью куда удобнее, чем с настоящим человеком, покупавшим непонятную ерунду вместо правильных девчоночьих подарков.

Оля исподволь приучалась к мысли, что женщина не может жить одна, не должна. Что вовремя не вышедшая замуж девушка – неудачница, и путь ей один – в старые девы. К большой радости ее матери, Олю этот путь не ждал.

К окончанию института ей было из чего выбирать, но девушка колебалась. На горизонте появился новый поклонник – крепкий накачанный мрачноватый парень, с которым она познакомилась, провожая подругу в районный отдел милиции. Она быстро раскусила, что мрачность служит ему панцирем. Но панцирь был незатвердевшим, и под ним обнаружили нежность, которую он плохо умел выражать словами, и доброта, которую он хорошо выражал поступками. Его снисходительно-покровительственное отношение ко всему тому, что было меньше его по размерам, не имело ничего общего с сентиментальностью. Скорее – с ответственностью, которая свойственна некоторым очень сильным людям,

полагающим, что они в ответе за все, что творится вокруг них.

Бабкин очень нравился Оле. Правда, он был совсем не ее круга – оперативник!.. Но, здраво поразмыслив, девушка решила, что работа оперативника – это временно, и постепенно ее муж выбьется в люди. Она вовсе не была глупой и к своим двадцати годам примерно представляла, какой карьерный рост может ожидать ее будущего мужа: от начальника отдела до заместителя прокурора, а там, с ее амбициями и его способностями, он сможет стать и главным прокурором города! Значит, будет хорошо зарабатывать и обеспечит ей и их ребенку достойную жизнь. В конце концов, она не требует всего сразу – очевидно, что для карьеры и хороших заработков нужно время. Но Оля и не торопилась никуда, кроме как выйти замуж.

Сергей, которому его родители твердили, что ни одна девушка в здравом уме не свяжет с ним жизнь, пока он работает оперативником, был влюблен и счастлив. С девятнадцати лет – после того, как родители переехали из Москвы в Крым и увезли с собой его младшую сестру, – он чувствовал себя одиноким, хотя никому никогда не признался бы в этом, и заполнял свою жизнь работой, общением с коллегами и спортивным залом. Теперь у него появилась Оля – Оля, которая порхала вокруг него, как бабочка, строила совместные планы на ближайшие десять лет, и в этих планах были поездки на Горьковское водохранилище, палатки, песни у костра и налаженный быт: семья, которую ему всегда хотелось иметь и какой у него никогда не было.

Они расписались, и Сергей увез молодую жену на медовый месяц в Крым, к родителям. Со второго же дня они начали ссориться из-за ерунды, и Бабкин запоздало выяснил, что его жена придает невероятно большое значение ритуальным танцам его родителей вокруг нее, поминутно обижаясь на «неправильное» обращение, выискивая оскорбление в любом, даже самом невинном, замечании.

Вернулись они, вдребезги поссорившиеся, и следующие два месяца припоминали друг другу неудачную поездку. С этого и началась их семейная жизнь.

Сергей любил свою работу. Он был хорошим оперативником, честным, в меру терпимым к людям, привыкшим отдавать работе все свое время. Теща, Марина Викторовна, искренне недоумевала, почему бы зятю не заняться наконец нормальной деятельностью, раз он женился на ее Оленьке. Под нормальной подразумевалась та деятельность, которая позволила бы семье не перебиваться от зарплаты к зарплате, а жить так, как «люди живут».

По стечению обстоятельств все Ольгины подруги вышли замуж удачнее, чем она, с точки зрения Марины Викторовны. Одна была замужем за бизнесменом, летала за границу два раза в год и уже готовилась родить второго ребенка. Вторая – за врачом, трудившимся в частной клинике. Финансовое благополучие третьей обеспечивали тесть с тещей, заодно принимая все важные решения в ее жизни, но подругу это вполне устраивало.

И только Ольга с Сергеем жили «как нищие». Наибольший гнев у Марины Викторовны, а за ней и у Ольги, вызывало то, что сам Бабкин отказывался это замечать: его все устраивало, он был доволен тем, что занимается любимым делом и женат на любимой женщине.

Оля понемногу начала склонять Сергея к тому, что ему необходимо зарабатывать: философскими разговорами, конкретными примерами, намеками. От разговоров муж зевал, примеры его не убеждали, намеков он не понимал. Оля злилась, а Сергей недоумевал, пока в пылу очередной ссоры она не вывалила на него все свои планы и не убежала, вся в слезах.

Бабкина огорошило то, что он услышал от жены, – до сих пор ему казалось, что их жизнь нравится Ольге. Она приходила из своей конторы куда раньше его, варила супы, украсив себя бесполезным клетчатым фартучком, как и мечталось, и ждала уставшего после тяжелого рабочего дня мужа. А муж занимался тем, что он называл «делать дело», и вкладывал в это дело душу. Его ценило начальство и уважали коллеги, он чувствовал удовлетворение от работы, несмотря на все непривлекательные ее стороны, которые Бабкин прекрасно видел. Он был простым – куда проще жены, – но без простоватости, а значит, и без сопутствующей ей обычно хитрости, не имеющей отношения к уму.

Их первая серьезная ссора – намного сильнее размолвок в медовый месяц – случилась, когда Ольга, снова заведя разговор о доходах мужа и находясь в уверенности, что теперь он выслушает ее и задумается, обнаружила, что супруг не собирается отступать ни на йоту.

– Чего ты хочешь? – спросил Сергей прямо, когда ему надоело, что жена ходит по кругу, повторяя одни и те же избитые истины.

– Я хочу, чтобы мы жили как нормальные люди!

– Но мы и живем как нормальные люди!

И вот тут Оля не выдержала. Обведя рукой скудную обстановку их комнаты, спросила с металлом в голосе:

– Ты считаешь, что жить в таком убожестве – это жить как нормальные люди?! То, что мы на телевизор полгода копили, – это нормально?! То, что я дубленку хорошую не могу себе купить, – это нормально?! А?!

Светлые волосы надо лбом растрепались, губы изогнулись не капризно, а зло, и Оля стала похожа не на зайца, как ласково звал ее муж, а на птицу, у которой по недоразумению оказался короткий клюв вместо хищного, заостренного. Сергей, не готовый к такому преображению супруги, на минуту замолчал, пытаясь разобраться в ней и в себе.

– Ты – мой муж! – Ольга поторопилась закрепить успех, которого, как ей казалось, она наконец-то достигла своими бронебойными аргументами. – Ты мужчина, знаешь ли! И жить на ту зарплату, которую ты получаешь... это смешно и унижительно! В первую очередь для тебя самого! Ну... и для меня тоже.

– Не живи, – поразмыслив, сказал Сергей.

– Что?!

– Если жить на мою зарплату для тебя унижительно, начни зарабатывать сама. А со своим унижением я сам как-нибудь разберусь.

Он говорил спокойно, даже мягко, но за его спокойствием Оля почувствовала непреклонность.

– Как? – часто моргая, спросила она. – Ты хочешь... хочешь жить за мой счет?!

– Я хочу заниматься тем, к чему у меня есть способности. Может быть, я не выдающийся оперативник, но мне нравится моя работа. В ближайшие три года я собираюсь работать «на земле», хочешь ты этого или нет.

Несмотря на кажущуюся твердость, Сергей вовсе не был настолько уверен в себе, как казалось Ольге. Она расплакалась бы, если б узнала, как мало он услышал из того, что она пыталась до него донести многочисленными поучениями и рассказами: призыв немедленно изменить что-то в их жизни Бабкин воспринимал только как иллюстрацию к жизни чужой, и не более.

Однако Сергей оценил серьезность намерений жены и смутно ощутил, что их семейная жизнь окажется под угрозой, если он не начнет прислушиваться к Ольге. Жена скандалила, плакала, упрекала его, просила, взывала к его совести, и по всему выходило, что в их стремительно портящихся отношениях виноват именно Бабкин. Обдумав все основательно, он решил, что и в самом деле был эгоистом и руководствовался лишь своими интересами, в то время как Ольга радела об интересах семьи.

– Ты хочешь, чтобы я зарабатывал или чтобы я делал карьеру? – спросил он жену, когда накал ее обиды понемногу снизился.

Оля хотела это совместить, но понимала, что совместить поначалу не получится.

– Заработай хоть что-нибудь! – бросила она в сердцах.

Спустя две недели Бабкин уволился из своего отдела и перешел на работу в службу безопасности крупного банка.

Глава 2

Сергей быстро двигался по кухне Макара – кухня была маленькой, но светлой и очень уютной, – а Илюшин сидел на диванчике, поджав длинные ноги и сочувственно наблюдая за другом. Горло он обвязал серо-зеленым шарфом, травяной оттенок которого гармонировал с цветом его глаз; Бабкин бросил взгляд на шарф, края которого вольготно разлеглись по спинке дивана, но промолчал. Он достал из шкафа турку, открыл коробку с кофе, щелкнул по кнопке чайника, включил горелку.

– Не суетись ты, – успокаивающе сказал Илюшин, хотя Бабкин и не думал суетиться: движения его были быстрыми и точными.

Сергей плавно распахнул дверцу шкафа, наугад вытащил два пакетика, оказавшиеся именно теми, которые и были нужны, отсыпал по щепотке из каждого и сунул пакетики обратно.

– Сколько раз тебе говорил, – буркнул он, не оборачиваясь. – Специи так не хранят.

– Я специи вообще не храню, – напомнил Илюшин. – Это ты их хранишь в моей – заметь, моей! – кухне, потому что варишь с ними кофе. Зачем тебе мускатный орех? Если хочешь успокоиться, лучше выпей валерьянки.

– У тебя нет валерьянки. – Сергей налил в турку воды, поставил на огонь. – Водка – и та закончилась.

– Зато у меня есть хороший кофе!

– Который я тебе привез, прошу не забывать.

– Хорошо, хорошо, мой дотошный друг. Именно ты привез мне этот прекрасный кофе, который сейчас почему-то варишь на себя одного, хотя и я бы не отказался почаевничать. Кстати, как правильно выразиться, если собираешься пить кофе? Покофейничать?

– Покофействовать. Нет уж, кофе – детям и больным.

– Угу. Со временным помрачением рассудка. Серега, я никогда не был женат, и поэтому не могу оценить всю степень твоей озабоченности. Скажи мне, неужели встреча с бывшей супругой так подействовала на тебя, что ты стал похож на человека, укушенного гремучей змеей и вливающего в себя галлоны спирта, то есть кофе, чтобы избавиться от яда? Ты когда-то наступил ей на хвост и теперь боишься мести? С момента твоего возвращения прошло двадцать минут, а ты ни словом не обмолвился о деле. С порога вывалил на меня новость о встрече с любовью твоей юности и

умчался на кухню врачевать душевные раны...

Бабкин, ссутулившись над конфоркой, выключил газ, перелил кофе из турки в чашку, и по квартире поплыл крепкий пряный аромат, в котором разборчивый нос угадал бы и душистый перец, и мускатный орех, и не любимую Макаром гвоздику.

– Нет никаких душевных ран. – Сергей отпил чуть-чуть кофе и прикрыл глаза, успокаиваясь. – Просто я выбит из колеи этой встречей. Но ты прав, давай сначала о деле.

– Ты заметил что-нибудь возле дома или в квартире?

– Нет. Совершенно ничего.

– Уверен? – Илюшин наклонился вперед, чуть нахмурившись.

– Уверен, Макар, уверен. Рыцарю Ланселоту нужно обратиться к психологу, как мы с тобой ему и советовали. Не знаю, что он хотел найти с нашей помощью, но я не увидел ничего особенного. Район как район, высотный дом, совсем мало людей. Детский сад недостроенный, собака... Макар, что я тебе рассказываю?! Можно выйти на любой станции где-нибудь подальше от центра, и ты увидишь то же самое.

Илюшин потянулся, казалось, с облегчением, но в глазах у него осталась озабоченность. Поначалу Сергей объяснил эту озабоченность беспокойством за него, Бабкина, но, подумав, признал, что такое объяснение никуда не годится. Макар мог сочувствовать напарнику, окунувшемуся на время в неприятные воспоминания, мог подсмеиваться над ним, но он ни на секунду не озаботился бы этим.

– Что не так? – спросил Бабкин, допивая кофе. – Что тебя смущает? Моя бывшая жена?

Тот отрицательно покачал головой, побарабанил тонкими пальцами по столу.

– Сам не знаю, – признался он наконец. – Понимаешь, самым простым и верным кажется списать выдумки нашего рыжего бизнесмена именно на его неумную фантазию и забыть о его визите. Занести Ланселота в разряд сумасшедших. Но что-то мне мешает это сделать...

– Мысли о гонораре? – поддел его Бабкин.

– И это тоже, – невозмутимо кивнул Макар. – Правда, я не представляю, как мы будем отчитываться о выполнении задания... Поймаем хитрого барабашку и покажем клиенту? Или дух его бабушки из стеклянной банки, куда мы ее заточим, провозгласит о желании пообщаться с рыжебородым внучком?

– Давай откажемся, – попросил Бабкин, с дрожью вспомнив бывшую супругу с желтым полотенцем на голове – почему-то больше всего его

удручало именно это несчастное полотенце. – Сам видишь, мужик не совсем в себе. Точнее, совсем не в себе. Кстати, когда он вез меня на своем «Судзуки», я видел какие-то шаманские связки на руле. Голову даю на отсечение, что он повесил пару артефактов вроде тех, которые описывает Панов. Где только, интересно, Ланселот их достал?

– Ну что ж... Тогда предлагаю потустороннее оставить господину Силотскому, – согласился Илюшин. – Пусть сам ловит барабашек и духов бабушек, защищается артефактами от «жамэ вю» и ищет двери в другие миры. Мы ему ничем помочь не можем.

– Дмитрий Арсеньевич, мы ничем не можем вам помочь, – деликатно, но непреклонно повторил по телефону Макар десятью минутами спустя. – Нет, не потому, что не верим вам, а потому, что мой помощник не нашел ничего, на чем мы могли бы строить свое расследование. Думаю, вы сами понимаете: в таком положении браться за дело было бы непорядочно с нашей стороны.

«Молодец Макар, – думал Бабкин, вслушиваясь в разговор. – „Мой помощник не нашел ничего, что подтверждало бы ваши слова“ – вот что он имеет в виду. А говорит совсем другое, чтобы не оскорбить тонких чувств клиента».

Он вспомнил, каким мягким, кошачьим голосом начал разговаривать Силотский, когда Ольга открыла ему дверь. «Интересно, она держит его в ежовых рукавицах? Рыжий не похож на человека, которого женщина сможет придавить каблуком». Перед глазами его встало лицо бывшей жены – ровное, ухоженное, которое он назвал бы красивым, не будь оно таким заурядным. Выражение ее лица было насмешливо-пренебрежительным, и Бабкину стало неприятно.

Тогда он представил Машу. Представил целиком, охватив ее мысленным взглядом всю сразу – тонкую, слегка загорелую, с вьющимися рыжевато-золотыми волосами, играющими на солнце медовыми оттенками. И как она поднимает на него серые глаза, а под глазами у нее от постоянного сидения перед компьютером проступает бледная синева, которая очень огорчает саму Машу и отчего-то трогает Бабкина. Ресницы у нее росли, как она говорила, «бестолковые», рыжеватые, длинные, но редкие, прямые, как палочки, и у Маши была привычка легко дотрагиваться до них пальцем, словно пересчитывая в опасении потерять нужную ресничку.

Когда она задумывалась, лицо ее неуловимо менялось и вдруг проявлялось в нем что-то, отчего оно становилось похожим на лики с полотен старых мастеров. Сергея почти пугало это превращение молодой и

вполне современной женщины в незнакомку, которая смотрела куда-то, чуть улыбаясь не губами даже, а одними глазами, и чудилось, что место ей не в двухкомнатной квартирке в спальном районе Москвы, а на качелях среди цветущего сада с розами, раскидистыми дубами, буйными зарослями одичавшей смородины, во времени таком далеком и незнакомом, что даже представить страшно. Несмотря на эти странные ощущения, Бабкин замирал, боясь спугнуть и свое, и ее состояние, пытаясь угадать, о чем Маша думает, и в такие секунды она казалась ему чужой и очень уязвимой.

Он представил, как она улыбается, как щурит серые глаза, посмеивается над ним – время от времени спохватываясь, что может обидеть его, и тогда взгляды чуть растерянно и виновато. Иногда Сергей не мог удержаться и секунд десять сохранял на своем лице серьезное выражение, словно и впрямь обиделся. Но дольше не выдерживал, ухмылка расползлась от краешков губ по всей физиономии, и Машка тут же улыбалась облегченно и радостно, ныряла пушистой золотистой головой ему под мышку, бодалась – была у нее привычка к детской возне, которая поначалу удивляла Бабкина, а потом стала нравиться.

«А ведь мог бы остаться... Испугаться гадалки или просто пожалеть Ольгу, и так бы и жил с ней, и Машку бы не встретил»...

Он раздраженно дернул головой. Глупость это все. Как должно было случиться, так и случилось.

Уверенность Бабкина держалась не на фатализме, а, скорее, на страхе перед тем несбывшимся будущим, которое сегодня взглянуло на него зелеными глазами из-под желтого тюрбана. Лицо бывшей жены снова возникло перед мысленным взглядом Сергея, и он вдруг понял, что в нем изменилось.

– Нос! – изумленно сказал он вслух. – Она изменила нос!

Илюшин уже закончил разговор и с одного слова понял, что имеет в виду напарник.

– Пластику сделала? – осведомился он.

– Точно! У нее нос был такой, знаешь, круглый, маленький... и ноздри круглые, аккуратненькие. А стал прямой, точеный, как у актрисы.

– У всех актрис носы разные, – глубокомысленно заметил Макар. – Во всяком случае, поначалу, – добавил он, вспомнив одну из известных артисток, к пятидесяти годам изменившую прекрасный нос с горбинкой на нечто универсальное, прямое, шаблонное.

– Черт с ней, с Ольгой и с ее носом. – Бабкин с облегчением потянулся, запрокинул голову на спинку дивана. – И с ее Ланселотом тоже.

– Э-э-э... – протянул Илюшин, и Сергей тут же насторожился: «экать» было не в привычках Макара.

Он оторвал затылок от дивана и вопросительно посмотрел на друга.

– Разве ты не слышал наш разговор? – осторожно спросил Макар, постукивая ложечкой о пустую чашку из-под кофе и избегая глядеть на Сергея.

– Слышал... но не до конца. Вспомнил про Ольгин нос и задумался. А что?

– Силотский поменял нам задачу.

– Что значит «поменял»?

– Когда он понял, что мы отказываемся братья за его дело, то попросил забыть о «жамэ вю», которое его мучает, и заняться более земным вопросом. Мне кажется, что в данном случае потусторонние силы не замешаны.

– Каким вопросом? – нахмурился Бабкин, приподнимаясь с диванчика.

– Поисками его пропавшего заместителя.

Бабкин выругался и рухнул обратно на диванчик, в котором что-то тихо и печально хрустнуло.

– Я не мог ему отказать, – пожал плечами Илюшин. «И, если честно, не очень-то хотел», – добавил он про себя.

Сергей его понимал. В отличие от многих других частных сыщиков, основной специализацией которых был сбор компромата на неверных жен и мужей, они с Илюшиным этим не занимались. Раскрытие убийств тоже не входило в их компетенцию – оба были уверены, что при возможностях оперативной группы любой следователь раскроет убийство по горячим следам в десять раз быстрее, чем это сделают они сами. «Если дополнить эти возможности грамотной работой», – неизменно добавлял Бабкин, объясняя жене, что гораздо проще сверять полученные отпечатки с базой данных, имея эту самую базу, а не прося каждый раз о помощи кого-то из бывших коллег. Но никакая оперативная группа не могла потратить столько времени на поиск пропавшего человека, сколько могли позволить себе они с Макаром. Здесь преимущество было на их стороне, и, как говорил Илюшин, глупо было бы этим не воспользоваться.

– Значит, Силотский решил-таки найти своего пропавшего заместителя, – обреченно проговорил Бабкин, сам не понимая, отчего так не хочет братья за это дело. – Тогда нам нужна дополнительная информация.

– Он сюда уже едет. Любопытно, поставила ли господин Силотского твоя бывшая, а его нынешняя жена в известность о ваших прежних

отношениях.

– Понятия не имею, – угрюмо буркнул Бабкин, огромной лапой сгребая чашку и разглядывая застывающие кристаллики сахара на дне. – Сейчас мы это выясним во избежание недоразумений. Кстати, – спохватился он, обратив наконец внимание на шерстяной шарф, которым Илюшин обмотал шею. – Что ты на себя нацепил? Вытащил с антресолей, отобрав у моли?

– У меня нет антресолей. За молвь не ручаюсь. А шарф мне подарила Заря Ростиславовна.

– Ах Заря Ростиславовна! Я мог бы и сам догадаться... – Сергей беззлобно рассмеялся.

Заря Ростиславовна, соседка Макара, въехала в соседнюю с ним квартиру около полугода назад. В первый же вечер после своего переезда она позвонила к нему в дверь и, строго глядя на открывшего ей Илюшина, отрекомендовалась:

– Лепицкая. По мужу – Мейельмахер.

Точно так же она представлялась всегда и всем, как узнали потом Макар с Бабкиным. «Лепицкая. По мужу – Мейельмахер» – и обязательный короткий наклон головы, на которой росли нежно-сиреневые просвечивающие волосы, которые Лепицкая-Мейельмахер слегка подвивала и оставляла в художественном беспорядке, не утруждая себя расчесыванием сиреневых локонов.

Она сразу же предупредила Макара, взяв военно-приказной тон, что не потерпит непорядка рядом со своей квартирой и пьянок после одиннадцати – тоже. Что на лестничной клетке плевать нельзя, курить тоже, хлопать дверями квартиры – не рекомендуется. «И тогда, голубчик, – закончила она, сурово глядя на Илюшина, – возможно, мы с вами подружимся». Обещание дружбы из уст старухи звучало едва ли не более угрожающе, чем все остальное.

Макар заверил ее, что не курит, плевать не будет, а дверь у него бесшумная. Лепицкая погрозила ему пальцем и скрылась.

Вскоре выяснилось, что раньше она жила в Екатеринбурге, однако, похоронив мужа, решила перебраться в Москву, где у нее осталась одна-единственная подруга. Большая квартира, доставшаяся ей по наследству, была продана, и Заря Ростиславовна осела на старости лет в столице.

Характер у нее оказался добрейший. Суровость, проявленная ею при первом знакомстве, на этом же знакомстве и закончилась, и Лепицкая стала обычной, чуть суетливой, немножко не в меру болтливой старухой, всегда готовой помочь. Столкнувшись на лестничной клетке с покашливающим

соседом, она тут же заявила, что знает, чем облегчить его страдания, и вручила Илюшину собственноручно связанный шарф. «Его, мой дорогой мальчик, носил еще Мейельмахер!» – провозгласила она, убеждая Макара в удивительном лечебном действии шарфа.

– Если Мейельмахер, тогда не могу отказаться, – сдался Илюшин, покорно принял шарф, рассыпался в благодарностях, уверенный, что снимет шерстяную змею, как только войдет в квартиру. Однако шарф оказался мягким и грел горло, к тому же по странной причуде Макара, не отличавшийся сентиментальностью, подумал, что старая соседка не пожалела для него вещи, которая означала для нее куда больше, чем просто шарф. Он посмотрел на себя в зеркало и представил лицо Бабкина, когда тот увидит его с серо-зеленой тряпкой на шее, хмыкнул, но шарф не снял.

* * *

Проработав в банке полгода, Сергей Бабкин не то чтобы озверел, но был близок к этому. Ему не нравилась работа, не нравились люди, окружавшие его, и даже радость жены после того, как он получил первую зарплату, оказалась недостаточной компенсацией. Сергей чувствовал себя бездельником, получающим зарплату непонятно за что. Работа службы безопасности в банке была поставлена из рук вон плохо, но когда Сергей попробовал что-то изменить, его начальник, сам бывший опер – низкорослый мужик с жирными, как у бабы, ляжками, – попросил его умерить пыл и не лезть не в свою вотчину.

По утрам Сергей со страдальческой гримасой надевал костюм, долго возился с галстуком и про себя проклинал дресс-код банка, обязывавший каждого сотрудника выглядеть «прилично». В понимании Сергея приличными были чистые джинсы, которые он не ленился гладить после очередной стирки, майка или демократичная рубашка, короткая свободная куртка, не стеснявшая движений, но скрывавшая кобуру под мышкой. Теперь от любимой одежды пришлось отказаться, и даже в гости к своей маме Ольга просила его приходить в костюме – это подчеркивало, насколько ее муж изменился в лучшую сторону. «Повзрослел».

С новой деятельностью Бабкина немного примиряло то, что Ольга преображалась на глазах. Прежнее устойчивое недовольство уступило место приподнятому настроению, и в свободное от работы время, которого у нее было полно, Ольга декорировала квартиру, сама что-то на ходу выдумывая, готовила из таких продуктов, на которые раньше они только

смотрели, увлеклась спортом и регулярно ходила в тренажерный зал по соседству. Теперь ее семья становилась *правильной* – с мужем-добытчиком и женой, работающей не для заработка, а для общения с коллегами. И хотя Марина Викторовна по-прежнему выражала недовольство медленными карьерными успехами зятя, приводя в пример массу знакомых, которые к его возрасту успели добиться куда большего, Олю это мало трогало. Она чувствовала, что ведет супруга верной дорогой.

Как-то раз Сергей, выйдя из банка и направляясь в ближайшее кафе пообедать, услышал, что его окликают. Обернувшись, он увидел Мишу Кроткого – бывшего коллегу.

Миша Кроткий внешне соответствовал своей фамилии – среднего роста, полноватый и какой-то мягкотелый, всегда с красным лицом, так что казалось, будто он то ли долго бежал и запыхался, то ли обгорел на солнце. Его небольшие голубые глазки прятались за очками, и, снимая их, чтобы протереть, Миша тут же начинал моргать с беспомощным видом. Он редко смеялся в голос, но часто улыбался, и улыбка его была под стать ему самому – чуть нелепая, добрая, слегка извиняющаяся. Миша производил впечатление нескладного, но хорошего человека, который самому себе перед сном может пожаловаться «Меня девушки не любят», но вслух этого никогда не скажет.

Однако профессионалом Миша был превосходным. Он обладал способностью располагать к себе людей – отчасти потому, что внешность его была совершенно безобидна и от него не ждали подвоха. Человека, над которым можно посмеяться, бояться не стоит – вот Мишу и не боялись ни беспризорники, многих из которых в своем районе он хорошо знал, ни вокзальные бомжи. С ним они охотно разговаривали, рассказывали о том, что происходит в районе, и легко становились Мишиными осведомителями, а он их берег, как и полагается хорошему оперативнику.

Сергей уважал Кроткого за профессионализм и за то, что Миша удивительно мало изменился под влиянием своей работы. Бабкин видел, как приходившие в отдел молодые оперативники спустя полгода начинали рассуждать о жизни словно умудренные опытом люди, столкнувшиеся с самыми неприглядными ее сторонами, и ему это не нравилось. Ложная умудренность неизбежно влекла за собой цинизм, цинизм – полное равнодушие к людям, с которыми им приходилось иметь дело, и мало кто из оперативников был умен настолько, чтобы это равнодушие скрывать.

– Привет! – обрадованно сказал Миша. – Сто лет тебя не видел!

– Полгода, – уточнил Бабкин, пожимая красную клешневидную лапу Кроткого. – В спортзал заходил бы почаще, там бы и встречались.

– Где ж я время найду в зал ходить? – с притворным возмущением спросил Миша.

– И силы? – в тон ему заметил Бабкин. – И еще футболку чистую и тренировочный костюм?

Миша рассмеялся.

– Время есть? Хочешь, пойдем перекусим.

Сидя в забегаловке неподалеку от банка, Миша сообщал последние новости. Он почувствовал, что Сергею не хочется ни подробно рассказывать о новой работе, ни тем более хвастаться ею, и тактично увел разговор на проблемы, которые были хорошо знакомы Бабкину.

– В ОБЭП человек нужен, – сказал он, цепляя вилкой макаронину. Макароны лениво сползли и улеглись на грудку остальных, щедро политых кетчупом.

– Кто ушел?

– Все ушли. Ну, не все, но трое уволились. И начальника отдела поставили нового вместо Саранчука.

Сергей хотел спросить, что случилось с Саранчуком, но вместо этого поинтересовался:

– А кто новый? Я его знаю?

– Может, и знаешь. Перелесков – известен тебе такой?

Бабкин кивнул. Он знал Олега Перелескова, и отчего-то обрадовался, узнав, что именно тот стал новым начальником отдела по борьбе с экономическими преступлениями, сокращенно именовавшегося ОБЭП.

– Олег, кстати, недавно тебя вспоминал, – продолжал Миша, жуя макароны. – Хороший он мужик, только очень уж неторопливый.

– На том и стоит, – задумчиво сказал Сергей.

– Ну да, ну да... Кстати, не хочешь к нашим заглянуть? Заодно и Перелескова поздравишь. Он сегодня повышение обмывать будет.

– Где?

– У нас, где же еще.

Бабкин покивал, зная точно, что заходить он, конечно же, не будет, хотя повидаться с Олегом было бы здорово. Они посидели с Мишей еще минут пятнадцать и распрощались.

Но когда рабочий день закончился, Сергей, вместо того, чтобы поехать домой, незаметно для самого себя свернул на улицу, которая и привела его к серому четырехэтажному зданию, в двух крылах которого расположились прокуратура и районный отдел милиции.

Однако нового начальника отдела он нашел вовсе не празднующим повышение, а одиноко сидящим в кабинете и грустно рассматривающим

кипу бумаг на столе.

– Не понял, – сказал Бабкин, остановившись в дверях. – А где праздник?

– О, какие люди! Серега, заходи.

Тщедушный Перелесков с залысинами на лбу и вечной сигаретой в зубах бодро выскочил из-за стола и вразвалочку пошел к Бабкину. Он с удовольствием стиснул руку Сергея в крепком рукопожатии, приглашающим жестом указал на стул, плюхнулся сам и, отодвинув документы, без предисловия заявил:

– На ловца и зверь бежит. Ты-то мне и нужен. Пойдешь ко мне в отдел? Ты, как я погляжу, поправляться начал на банковских-то харчах, а у меня станешь поджарый, резвый... Девки заглядываться будут, зуб даю!

– То-то ты сам больно поджарый, – ухмыльнулся Сергей.

– Я начальник! Мне позволено! Вот послушай, что я тебе скажу...

Перелесков на секунду замолчал, выдохнул сигаретный дым, растекшийся над столом едким облаком, и спросил уже с другими интонациями:

– Или не будешь слушать? Ты только скажи, Серега, если тебе неинтересно, я тебя зазря грузить не стану.

Бабкин обвел взглядом прокуренный кабинет, задержавшись на невесть как попавшем сюда цветке в горшке – несчастном «декабристе», тосковавшем на подоконнике. Из горшка торчали сигаретные окурки – каждый куривший считал своим долгом сунуть бычок не в пепельницу, а в горшок, и казалось, что вокруг «декабриста» нырнула в иссушенную землю дюжина маленьких бесхвостых оранжевых рыбок.

– Интересно, – сказал Сергей. – Рассказывай.

Час спустя они вышли из кабинета.

– Пойдем, провожу тебя, – предложил обрадованный Олег. – В общем, Серега, договорились: в понедельник подходи к кадровикам, а потом ко мне. Лады?

– Лады. – Сергей махнул рукой знакомому дежурному и поймал себя на том, что расплылся в довольной улыбке.

Они вышли на улицу, и Бабкин вдохнул вечерний июльский воздух. Возле здания росла липа, начинавшая зацветать, и от нее тянуло медовой сладостью. Почему-то подумалось ему о том, что возле банка не росло ни одного дерева – здание располагалось на шумной улице, где даже саженцы по весне не приживались и чахли.

– Постой, – спохватился Перелесков, когда Сергей уже садился в машину. – Ты, когда зашел, спросил, где праздник. А какой праздник-то?

– Как – какой? Повышение твое. Я специально заехал, хотел тебя поздравить.

– Да нет, – пожал тот плечами. – Проставляться я буду на даче, в субботу. С чего ты решил, что я сегодня собирался?

Бабкин вспомнил честное лицо Миши Кроткого, выругался, но в следующую секунду расхохотался.

– Вот Кроткий, вот прохвост! Ну, попадись ты мне в тренажерном зале...

* * *

Подъезжая к дому, Сергей думал, как он объяснит свое решение жене. Но даже эти размышления не могли омрачить его радость и ограничить чувство свободы, внезапно охватившее его, когда он согласился на предложение Олега пойти оперативником к нему в отдел. Бабкин редко задумывался о том, какое удовлетворение приносит ему работа; он полагал само собой разумеющимся, что ему нравится делать то, что у него неплохо получается. Только уволившись, он понял, что потерял полгода назад, пойдя на поводу жены. Время, проведенное им в банке, словно высасывало из него жизненную силу и энергию, и хотя Перелесков пытался поддеть Сергея тем, что он растолстел на непьющей работенке, это было далеко от истины.

Ольга встретила его в собственноручно сшитом кимоно, за материалом для которого она ездила на другой конец города. Кимоно было ярко-красным – она полагала, что смотрится в нем необычайно соблазнительно. Бабкину сразу захотелось переключить цвет сначала на желтый, а затем на зеленый.

– Привет! Посмотри, какой я маникюр сделала, – Ольга кокетливо растопырила тонкие пальчики. – Сиреневый! Красиво?

– Как у трупа, честно говоря, – бухнул Бабкин, не задумываясь, потому что в голове его вертелись совсем другие мысли.

– Что-о-о?

Сергей спохватился, но дело было безнадежно испорчено. Поджав губы, жена прошла в ванную комнату и ожесточенно принялась стирать лак.

– Оль, прости, пожалуйста, – покаялся Бабкин, заходя за ней следом. – Я совсем не это хотел сказать. Красивые ногти, правда. И без лака тоже красивые.

– Знаешь, дорогой мой, у тебя профессиональная деформация сознания, – холодно проговорила Ольга, смыв лак на левой руке и принимаясь за правую. – Ты способен проводить сравнения только с трупами либо с преступниками. Не знаю, сколько времени потребуется, чтобы ты стал думать, как нормальные люди.

Сергей помолчал. Он знал, что, обидевшись или разозлившись, жена выходит из себя на долгое время, находя удовольствие и в своем состоянии, и в наблюдении за тем, каким виноватым себя ощущает муж. Ольга вышла из ванной, подчеркнуто не замечая его, и Сергей не выдержал:

– Я ушел из банка, – негромко сказал он ей вслед. – Возвращаюсь на прежнюю работу, только в другой отдел.

Жена резко повернулась к нему, и широкое кимоно завилось красной волной вокруг ее ног.

– Что ты сказал? – недоверчиво переспросила она.

– Я увольняюсь. Не могу там больше работать. Оля, пойми – в банке я деградирую, тупею.

Он хотел добавить, что понимает, насколько важна для них потеря в зарплате, и потому подумает о возможных подработках. И еще хотел как-то оправдаться перед женой, потому что видел: для нее неубедительны его аргументы. Будучи человеком, не умевшим работать по-настоящему – полностью отдаваясь своему делу и получая от него удовольствие, – Ольга не понимала этого и в других людях. Работают ради денег – это она знала твердо, и любой другой подход был для нее признаком слабого ума.

Но объяснить он не успел. Жена быстро подошла к нему, закусив тонкую верхнюю губу, и изо всей силы ударила по щеке. Сергей сдержал первую молниеносную реакцию и лишь перехватил вновь занесенную для пощечины руку.

– Ты! – зло крикнула Ольга, пытаясь вырвать руку. – Ты дурак! Опять решил стать никем?! По собственной воле?! Идиот! Боже, какой идиот...

– Мне жаль, что я не оправдал твоих ожиданий, – сдержанно сказал Сергей, отпустил ее запястье, закрыл за собой дверь в ванную и включил ледяную воду, чтобы ополоснуть горящую щеку.

* * *

Рассказ Силотского не занял много времени. Положив на стол фотографию, с которой неприветливо смотрел насупленный мужик с мешками под глазами, обнимавший за шею такого же неприветливого

насупленного боксера, Дмитрий Арсеньевич объяснил:

– Качков, Володька Качков. Отличный мужик, я его с детства знаю! Мы с ним в одном дворе росли, пока их семья не переехала. Как-то раз убежали компанией в овраг – на тарзанке полетать, а надо мной веревка возьми да оборвись. И ветка-то росла невысоко, но шмякнулся я – не дай бог никому! Как творог об землю – хлюп! – и растекся. А нас за тарзанку ругали, Володьку отец и выпороть мог, если бы узнал, а рука у того была тяжелая. Все парни вокруг меня собрались, а я лежу и еле дышу. Тут Качков меня сгреб – он на год старше был, здоро-о-овый! – Силотский руками показал, какой здоровый был Качков, – и потащил на себе к дому. Я ему шепчу: не говори, что ты с нами на тарзанке был. А он только пыхтит в ответ. Дотащил меня до моей квартиры, сдал бабушке и сам ничего скрывать не стал. Ну, я к тому времени отдышался, отделался легким испугом, и никого из нас не наказали... Но Володьке я надолго остался благодарен.

– Когда он исчез? – спросил Макар.

– Два дня назад. Или три?.. Нет, постойте-ка, сегодня среда, а он в понедельник не вышел на работу и мне не позвонил.

– У него есть жена, дети?

– Есть, но они сейчас у родителей гостят, в другом городе, а я их телефона не знаю.

– Качков мог сорваться к ним, не предупредив вас?

– Нет, – решительно покачал головой Силотский. – Вовка – человек ответственный и, главное, мне очень преданный.

– Почему? – заинтересовался Бабкин. – Потому что вы в детстве дружили?

– Да нет, мы и не дружили особенно – так, приятельствовали. Я его встретил много лет спустя, случайно. То есть со стороны кажется, что случайно, а на самом деле ничего случайного в нашей жизни, конечно же, нет. – Силотский весело подмигнул Илюшину и Бабкину, и последний в который раз подумал, что никакой Силотский не сумасшедший, потому что сумасшедшие не улыбаются так открыто и весело, словно подсмеиваясь сами над собой и приглашая других присоединиться к их иронии. – Ладно, не буду вас грузить своими убеждениями. На чем я остановился? А, как я Качкова встретил. Случайно мы с ним увиделись, разговорились, а положение тогда у него было, прямо скажу, бедственное. Он сидел в долгах, как лягушка в грязи, и выкарабкаться у него не получалось. А тут еще жена, ребенок... – Ланселот поморщился, почесал подбородок, отчего борода его встопорщилась. – Короче, я слегка его выручил. А как иначе?

Нельзя же было мимо пройти.

– Вы ему денег дали? – догадался Макар.

– Ну да. И с кредиторами его немножко побеседовал. – При этих словах Силотский вытянул вперед розовые руки и несколько раз выразительно сжал и разжал кулаки, словно разминаясь. – На этом от Володьки и отстали, тем более что долг он со всеми процентами вернул, как полагается.

– И после этого вы взяли его к себе заместителем? Он вас об этом попросил?

– Взял, да, – кивнул Силотский. – Но Володька не просил. Он, Володька, гордый такой, что просто страшно за него – как на свете-то живет? Ни попросить ничего, ни поклянчить лишний раз – мол, возьми меня, Ланселотушка, к себе в «Броню». Так что взял я его сам и ни разу об этом не пожалел.

Силотский вкратце рассказал, в чем заключаются обязанности Качкова, но на вопрос, где может быть пропавший заместитель, ответить не смог.

– Не хочется самое плохое думать, – мрачно сказал Дмитрий Арсеньевич, уже собираясь уходить и натягивая на руки черные мотоциклетные перчатки. – Но с Володькой никогда раньше такого не случалось, чтобы два рабочих дня прогулять и никому ничего не сказать. Мобильный его не отвечает, домашний телефон молчит... Вы уж найдите его, а?

– Мы постараемся, – пообещал Илюшин, в кармане которого лежал чек с приличным авансом, выписанный Силотским. – Нам нужно будет еще кое-что у вас узнать, но сначала придется поговорить с вашими сотрудниками.

Ланселот кивнул, коротко попрощался с обоими и вышел из квартиры.

– Не везет мужику, – прокомментировал Сергей, стоя у окна и глядя туда, где в апрельских лучах поблескивал казавшийся игрушечным мотоцикл. – То ему мерещится, что мир вокруг изменился, то заместители пропадают...

– И все это становится вдвойне интересным, если мы вспомним о том, что сказал нам господин Силотский, – добавил Макар, подойдя к окну и усевшись на подоконник. – А он сказал, что ловит подсказки мироздания и, поймав, строит свою жизнь в соответствии с ними. Кстати, тебе это никого не напоминает?

Сергей хотел ответить, что напоминает, и Илюшин прекрасно об этом знает, но тут из подъезда вышел Ланселот.

– «Рыжий, рыжий, конопатый»... – просвистел Макар.

Ланселот неторопливо пересек двор – шлем на его голове сверкнул кровавым бликом – и сел на мотоцикл. Прошло не больше пяти секунд, и вдруг с человеком на мотоцикле что-то случилось – Сергей даже не сразу понял, что именно.

Раздался глухой хлопок, и шлем Силотского раскололся – быстро, словно скорлупу ореха жестоко сжали в тисках. Сначала Бабкину показалось, что вся красная краска встала дыбом, зависла в воздухе, разлетелась мелкими брызгами, но в следующий миг он понял, что это такое. Еще один хлопок, громче предыдущего – и фигурка на мотоцикле стала заваливаться влево, а где-то под окнами раздался истошный, пронзительный крик – такой высокий и странный, что не понять было, мужчина кричит или женщина.

– Серега... – выдохнул побелевший Макар, и тотчас же, словно отзываясь на единственное произнесенное слово, внизу ударил взрыв.

Мотоцикл вместе с заваливавшейся фигуркой взлетел в воздух, будто подброшенная рассерженным ребенком игрушка, тяжело перевернулся и вдруг развалился, посыпался на землю кусками, охваченными огнем. По дому прокатилась дрожь, зазвенели стекла выбитых окон. К первому, неумолкавшему крику присоединился второй, за ним третий, и тут же звывли машины, словно отзываясь сигнализацией на случившееся.

Илюшин спрыгнул с подоконника, бросился к двери, но Бабкин перехватил его, рявкнул в ухо:

– С ума сошел! Не вздумай! Три взрыва было – ты уверен, что не будет четвертого?!

Макар, лицо которого постепенно приобретало нормальный цвет, перестал вырываться и на негнущихся ногах вернулся к окну.

Даже с двадцать пятого этажа было видно, что на том месте, где стоял мотоцикл, асфальт просел, будто продавленный огромной пяткой, и по нему растеклись потеки, сходящиеся в одной точке. Куски черного, смятого, перекрученного металла, догоравшие, как угли в костре, валялись поодаль, и ни Бабкин, ни Макар не могли различить среди них того, что когда-то было Дмитрием Арсеньевичем Силотским, искавшим выход в другие миры.

Глава 3

Владислав Захарович сам поставил картину на подрамник, отошел на два шага, наклонил голову и зачем-то прищурил левый глаз. «Что ж ты с двух шагов смотришь? – с досадой и горечью подумал Пашка. – Что так можно увидеть, старый ты хрыч?»

Чешкин сурово взглянул на него, словно подслушав его мысли, отошел еще шагов на пять, затем – на десять. Паша стоял молча, ожидая приговора, и старался представить, как бы он нарисовал старикана. Но в голову лезли только мысли о том, что свет в помещении никуда не годится, не даст этот свет возможности увидеть все так, как задумано, а если б и имелся правильный свет, то картина, по совести говоря, особенно не выиграла бы. Бездарность он, Паша Еникеев, и зря полез к Чешкину со своим творчеством. «Акварелист хренов... Тоже мне, талант! Сунулся в галерею, возомнил о себе бог весть что... Черт, до чего же неприятно, что он все молчит».

– Сюжет, значит, брейгелевский... – пробормотал Владислав Захарович, ворочая бровями.

Брови у Чешкина были широкие, косматые и странно выделялись на его морщинистом породистом лице. Со стороны казалось, будто актер решил нанести грим, готовясь играть Брежнева, начал с бровей, приклеил их, но затем почему-то передумал. Так и оставил: тонкий нос со скульптурными ноздрями хорошей лепки, высокий лоб, прорезанный одной-единственной глубокой морщиной, чуть запавшие карие глаза, сохранившие ясность, крепкий подбородок, самый кончик которого заострялся воинственно выдающейся вперед ухоженной бородкой... А между глазами и лбом – две щеточки вроде тех, которыми чистят брюки, но уменьшенных.

Полинка не раз предлагала деду привести брови в порядок, но Чешкин прекрасно понимал, что за аккуратным «привести в порядок» стоит банальное «выщипать», и внучку с пинцетом к себе не подпускал. По правде говоря, бровями он отчасти даже гордился.

– Занятно, занятно...

Владислав Захарович сперва осмотрел картину, затем прошелся взглядом по принесшему ее молодому человеку. Молодой человек был безус, полноват, небрежно одет и вид имел страдальческий, хотя страдание пытался скрыть.

– Кто подсказал вам повтор такого известного сюжета в акварели? – поинтересовался Чешкин, на носках разворачиваясь к Еникееву.

Тот промычал что-то невнятное, дернул головой, выговорил, запинаясь на каждом слове:

– Просто... мне акварелью нравится работать... эффект совсем другой. И покраснел, как школьник.

– Эффект... – задумчиво повторил Чешкин. – Да, эффект, разумеется...

Сгоравший от стыда Паша уже не хотел ничего, кроме как убежать, пусть даже и без картины, куда-нибудь подальше от испытующего взгляда этого властного старика. Кто там рассказывал, что старик Чешкин до того обаятелен, что работать с ним одно удовольствие? Может быть, с Феклисовым он и обаятелен, а вот его, Пашу, того и гляди размажет по стенке одним ударом кисти. Останется пятно коричневатого цвета, которое на следующее утро будет соскребать уборщица, грязно ругаясь. В том, что в нарисованном им мире уборщица будет ругать не Чешкина, а того, от кого это пятно осталось, Еникеев ни секунды не сомневался.

Хорошо еще, подумал он, что его позора не видит девушка, частенько забегающая в эту галерею. При ней он всегда вжимался в стену, и она не замечала его – здоровалась, но не замечала, мысленно оставалась в другом месте, с другими людьми, и по ней было видно – Паше, во всяком случае, – что при повторной встрече она не узнает никого из посетителей галереи. Рот ее улыбался, губы произносили «здравствуйте», и она проносилась мимо – летящая, похожая на черный огонек. Про черный огонек Паша сам придумал, и ему нравился этот образ. А потом огонек находил старикана, или старикан окликал его из дальнего конца галереи – «Полина!» – и тогда в глазах девушки вспыхивала радость, она тут же становилась *здешней*, и, нарочно замедляя шаг, шла навстречу деду.

– Вы молодец, мой мальчик, – неожиданно проговорил Владислав Захарович и улыбнулся. – Сколько вам лет, простите за нескромный вопрос?

– Восемнадцать. – Паша не был уверен, что над ним не издеваются, а потому ответил сухо.

– И вы любите Брейгеля?

– Я вообще голландцев люблю. А Брейгель... он так пишет, будто вытягивает к себе!

– Да, – согласился Чешкин, – детализация удивительная. А вы, значит, не побоялись пойти путем подражательства... И результат, как ни странно, оказался... М-да.

Голос старикана определенно звучал одобрительно, теперь у Паши не

оставалось в этом никаких сомнений. Он вопросительно взглянул на него и снова увидел улыбку на лице Чешкина.

– С вашего позволения, работа пока останется у меня, – мягко попросил тот. – Хочу кое с кем посоветоваться... показать.

– Значит... вам нравится?

– Нравится... не нравится, – пробурчал Владислав Захарович. – Дело не в личных пристрастиях, а в том, что я вполне могу объективно оценить уровень вашей работы. Достоин, я считаю, действительно достоин. И, конечно, идея... «Охотники на снегу», надо же!

Когда ошарашенный парень ушел, Чешкин набрал телефонный номер.

– Ну ты где? – ворчливо спросил он, не здороваясь. – Да. В галерее, конечно, где же мне еще быть! Тебя жду. Кто обещал пообедать вместе? Кстати, можешь заглянуть: сегодня был один мальчик, принес интересную вещицу. Не бог весть что, конечно, но свежая мысль присутствует, а для молодого автора сие необычайно ценно, как ты по себе знаешь. Все, жду через полчаса.

Он убрал телефон в карман и снова посмотрел на картину. Да, мальчик осознанно копировал Брейгеля, повторяя за ним композиционное расположение всех элементов полотна. Но там, где у великого мастера были живые, плотные, почти осязаемые люди, деревья, дома, собаки, у мальчишки неслось нечто размытое, прозрачное, словно всех брейгелевских охотников с собаками взмах его кисти перетащил в призрачный мир, насмешливое зазеркалье, волшебным образом преобразившее грузную зиму в просыпающуюся весну, земное и весомое – в ангельское, воздушное. Охотники не утопали в снегу, а бежали по нему легко и свободно, и собаки, словно почуяв тревожащий запах просыпающейся из-под мартовского снега земли, готовились взмыть в воздух, оставив лишь следы на подтаивающей хрустящей корочке.

Невесомый акварельный снег сиял теплыми оттенками («Мальчик переборщил с охрой, но это простительно»), облака перетекали в крыши домов, словно готовясь нырнуть в трубы. Чешкин постоял, обдумывая, кому из его ребят стоит показать работу, но тут в галерею вошла Полина.

С первой же секунды Владислав Захарович понял, что случилось что-то нехорошее, и пошел ей навстречу, меняясь в лице.

– Что? – начал он. – Что такое?..

Она остановилась, ничуть не удивленная его вопросом.

– Дима погиб, – негромко сказала она, глядя на деда потемневшими глазами. – Я только что в машине услышала новости.

– Дима? – переспросил он, хотя прекрасно понял, о ком идет речь. – Постой, какой Дима?

– Ты знаешь, какой. – Обмануть ее Владиславу Захаровичу было так же непросто, как и Полине его.

– Силотский? Скажи, Силотский?

Девушка молча кивнула, не сводя с него глаз.

– Но... как? Отчего? Разбился в аварии?

– Нет. Под его мотоцикл подложили взрывчатку. Кто – неизвестно.

Полина говорила бесстрастно, но Чешкин видел, знал, какая буря бушует сейчас внутри нее, как сложно ей сдерживаться и не выкрикнуть то, что само просилось с губ. Почувствовав внезапную слабость, он на негнущихся ногах дошел до стула, осторожно сел, словно боялся удариться.

– Слава богу!

То, что вырвалось у него, звучало неуместно и кощунственно, но Чешкину было наплевать.

– Слава богу, – глухо повторил Владислав Захарович, стирая ладонью внезапно выступившие капли холодного пота.

Полина смотрела на него, закусив губу, и думала о том, как бы сдержаться и не рассказать деду правду, не выдать своим лицом, о чем она думает. Но Владислав Захарович был слишком потрясен новостью, чтобы всматриваться в ее лицо.

* * *

«Очередной теракт или бандитские разборки? ФСБ не знает ответа».

«Новая жертва московского беспредела. Кто следующий?»

«Страшная смерть предпринимателя».

«Вдова опознала тело по шраму на ягодице».

– Не на ягодице, а на ноге, – с отвращением сказал Бабкин, закрывая на экране компьютера окно новостей. – Будь их воля, написали бы, что вдова по гениталиям его опознала. Кстати, странно, что журналисту не пришла в голову эта мысль. То-то была бы сенсация! Тьфу!

После бессонной ночи, проведенной за дачей показаний, он вернулся домой, успокоил взволнованную Машу, помылся, позавтракал и поехал к Илюшину. В отличие от него, Макар возвратился домой лишь полчаса назад, а потому вид имел помятый и вымотанный, несмотря на принятый душ. Как и всегда, он был похож на студента, но не на беззаботного прогульщика, лентяя и умницу, а на горемыку, завалившего сессию и

предчувствующего последующие за этим еще более крупные неприятности.

Вдобавок, когда Макар открывал дверь, его подстерегла Заря Ростиславовна и впилась в Илюшина клещом, выливая на него свои переживания, перемежавшиеся вопросами о самом Макаре.

– Голубчик, как вы? – бормотала Лепицкая-Мейельмахер. – Боже, какой ужас, какой страх! Дом буквально затрясся, я думала, что все оборвется! И я почти почувствовала, что оборвусь и полечу вместе с ним! Ох, голубчик, какие страшные времена настали, не передать словами. Но расскажите же мне, что произошло, как такое могло случиться?!

Макар с трудом отделался от соседки и ввалился в квартиру, думая, что зря согласился взять шарф. Теперь он полулежал в кресле, зевая каждую минуту.

– Одного не могу понять... – голос Илюшина был сонным, медлительным. – Зачем нужно было по двадцать раз заставлять меня повторять одно и то же? Или они надеялись, что на двадцать первом разе я собьюсь и признаюсь, что сам взорвал Силотского по мотивам личной неприязни?

– Макар, что ты хочешь? – возразил Бабкин. – Такое ЧП! Угроза теракта, как-никак. Оцепление нагнали, всех жильцов из подъезда вывели, газеты и телеканалы раструбили первую новость часа... Загляни в Интернет, – он кивнул на ноутбук, – там пережевывается не меньше двадцати версий. Одна из них – ссылаясь, заметь, на достоверные источники, – гласит, что Дмитрий Арсеньевич Силотский приезжал для выяснения отношений с любовником своей жены, известной актрисы.

– Почему актрисы? – без выражения спросил Макар.

– Потому что так интереснее. Если написать «инструктор по шейпингу», это будет скучно и не развлечет людей. А если актриса, это куда заманчивее. А может, – подумав, прибавил он, – журналист просто не знал, чем занимается Ольга, вот и написал первое, что пришло в голову.

Сергей сильно зажмурился, и перед глазами побежали тонкие белые росчерки. Как и Макара, его заставили многократно повторять подробности разговора с Силотским, отслеживать до минуты все, что происходило после того, как Дмитрий Арсеньевич рассказал о заместителе, вытягивали его впечатления от визита к рыжему бородачу. Естественно, и тему отношений Сергея с Ольгой Силотской не обошли вниманием, и некоторое время Бабкин всерьез опасался, что из него вздумают сделать козла отпущения. Однако не сделали – во всяком случае, пока.

– Ты полагаешь, это случайность, что он обратился именно к нам? –

спросил Илюшин, закрывая глаза. Светлая прядь упала ему на лоб, и Бабкин снова вспомнил желтый тюрбан на голове бывшей жены.

– Похоже на то. Во-первых, Ольга удивилась, увидев меня. Во-вторых, она вообще не ждала никого из посторонних.

– Это как раз ни о чем не говорит: не забывай, я настоял на том, чтобы ты поехал с Силотским. Его супруга могла и не знать, что ты заявишься к ним в квартиру.

– Согласен. Тогда остается первый пункт – она удивилась. Ей было неприятно меня видеть, но Оля постаралась тщательно это скрыть, и у нее почти получилось. У нее всегда получалось. – Бабкин криво усмехнулся. – И потом, если б я был на месте Ланселота, я бы в последнюю очередь обратился за помощью к бывшему мужу жены.

Макар задумчиво покивал, вспоминая веселого рыжего верзилу. «Разумеется, бабник, – думал он. – И притом собственник. Темпераментный, легко загорающийся, легко остывающий. Свою территорию оберегает на уровне животных инстинктов: нужно применить силу – применит, нужно пометить – пометит. Человек-фейерверк: цветы охапками, лимузин к подъезду, целование ручек. И при том отвечает за свою женщину, а вовсе не прыгает по постелям, бросая баб при первом же осложнении отношений. Да, нужно проверить Силотского на предмет предыдущих браков – не исключено, что Ольга вовсе не первая его жена. Это, конечно, выяснят и без нас, но все-таки...»

– Макар, что дальше будем делать? – прервал его мысли Сергей, втайне надеясь на то, что Илюшин после гибели клиента решит отказаться от дела.

– Расследовать исчезновение господина Качкова, – чуть удивленно отозвался Макар, приподняв бровь и вопросительно глядя на напарника. – Или ты надеялся, что смерть Силотского поставит для нас преждевременную точку в этом деле?

– Надеялся, – честно признался Сергей. – С кем мы будем работать? А главное – зачем? Силотский успел перевести деньги, но это всего лишь аванс. А ты, мой корыстный друг, – передразнил он Илюшина с очень похожими интонациями, – никогда не работаешь бесплатно!

Макар поморщился: Бабкин совершенно прав. Во-первых, они никогда не работают бесплатно, а во-вторых, со смертью клиента все расследование теряет смысл. Зачем искать пропавшего Качкова? Перед кем отчитываться, когда они его найдут, если найдут?

– Бессонница плохо подействовала на мой незаурядный мозг, – нехотя признался Макар. – К тому же в доме вторую неделю работает один лифт

из двух, сегодня я так и не смог его дождаться и поднимался пешком на двадцать пятый этаж, что не доставило мне ни малейшего удовольствия и окончательно истощило мои ресурсы. Ты прав, а я сглупил. Аванс возвращаем его жене, о расследовании забываем, ждем другого клиента. Повторения дела Вики Стрежиной не будет.

Сергей удовлетворенно хмыкнул и завалился на диван. Илюшин с кислым выражением смотрел в потолок. Бабкин покосился на него, хотел что-то сказать, но промолчал. Он понимал, что Макар выведен из себя тем фактом, что клиента убили во дворе перед окнами Илюшина, и, вполне вероятно, убийство связано с началом расследования. Однажды в их практике на человека, который очень хотел, чтобы они взялись за расследование, покушались, но тогда клиент выжил, не говоря о том, что деньги за расследование были переведены на их счет после первого же его визита^[3]. «Я вовсе не благотворительная организация, которая разыскивает людей, – не раз повторял Илюшин. – Я делаю свою работу и получаю за это деньги. Не вижу ни одной причины делать ее бесплатно, даже из большой симпатии к клиенту».

Раздражение Илюшина было связано не только с тем, что странное дело, так толком и не начавшееся, оборвалось с убийством Силотского. Его раздражало свое отношение к его смерти. Макар много лет приучал себя не привязываться к людям, не проникаться к ним внезапной симпатией, оставаться отстраненным от них по мере возможности. Вкладывать в дело интеллект – но только не душу. Интуицию – но не сердце. И долгое время у него это успешно получалось. Илюшин огородил себя со всех сторон не просто забором – пуленепробиваемой стеклянной стеной, сквозь которую он хорошо видел людей, но никто толком не мог разглядеть его самого. «Люди умирают, и смерть их причиняет такую невероятную боль, что нужно как-то защититься от нее», – вывел для себя когда-то двенадцатилетний Макар Илюшин. Шесть лет спустя – когда он уже решил, что боль осталась в прошлом – девушка, вытацившая его за шкуру из котла страхов, несбывшихся надежд и ночных кошмаров, погибла. А вместе с ней оборвалась и способность Макара привязываться к людям – точнее, он оборвал ее сам, навсегда решив для себя, что жизнь достаточно наигралась с ним.

Начиная работать с Бабкиным, которого он поначалу определил как отличного исполнителя, Макар опасался «покушений на дружбу» со стороны Сергея. Дружба была ему не нужна, и он испытал облегчение, обнаружив, что Бабкин не собирается переходить обозначенную Макаром границу рабочих отношений. Он не рассчитал одного: они общались так

тесно, что постепенно Илюшин поддадал под обаяние Сергея и проникался все большей симпатией к напарнику, тщательно скрывая ее под маской иронии. Он прекрасно знал, что умнее Бабкина, но иногда, наблюдая за ним, начинал думать, что доброта и отзывчивость в сочетании с душевной силой приносят их обладателю больше, чем интеллект. Макар чувствовал, что стеклянная стена, построенная им, постепенно истончается, как ледяная корка под слабым зимним солнцем, и отчаянно сопротивлялся этому.

Одной из сохранившихся в неприкосновенности заповедей было «не заботься о клиентах». Нет, о них, безусловно, следовало заботиться в профессиональном плане, но к ним нельзя было проникаться симпатией, чем порой грешил Сергей. Во всяком случае, симпатией настолько сильной, чтобы она могла влиять на ход расследования.

Но рыжий бородатый Силотский был симпатичен Макару, и от этого он злился на себя. Ему следовало перестать думать о смерти этого человека в том эмоциональном ключе, в котором он думал сейчас, но Илюшин не мог. Силотский был полон жизни – жизнь распирала его, электризовала, заставляла носиться на мотоцикле и громко хохотать, тряся бородой, заставляла верить в другие миры, как будто единственного ему было мало. Этому человеку было отпущено столько жизнелюбия, что его смерть казалась несурзностью.

– Должен был дожить лет до восьмидесяти, – пробормотал Илюшин вслух. – Наплодить детей от трех жен и пяти любовниц, рассказывать внукам истории о том, как его чуть не расстреляли в кафе. Вспоминать бандитские девяностые. Мемуары написать, в конце концов.

– Да, чертовски нелепо, – откликнулся Бабкин. – Здоровый мужик... молодой, в конце концов. И кому только... А! – он не закончил фразу, махнул рукой.

– Здоровый... – повторил за ним Илюшин, будто пробуя слово на вкус. – Здоровый... Здоровый, говоришь?

Он вскочил, сонливость и расслабленность слетели с него. Бабкин встрепенулся, вопросительно посмотрел на Макара.

– Собирайся, поедem вместе, – скомандовал тот.

– Куда?

– Туда, где вы с Силотским были вчера.

– Зачем?! Ты хочешь выразить соболезнования его вдове?

– Нет, я хочу осмотреть двор, по которому он ходил каждый день. Не спрашивай, зачем – сам не знаю. Считаю это моим капризом.

«Капризом»... Ворча, Сергей встал, доковылял до прихожей, надел

куртку.

– Возраст у тебя не тот, чтобы капризничать, – не удержался он, глядя, как Макар заматывает вокруг шеи полосатый щегольской шарф. – И пол, кстати, тоже.

* * *

Илюшин, обычно предпочитавший передвигаться по городу на метро, на этот раз согласился ехать на машине Сергея. Основные пробки рассосались, а те, которые остались, Бабкин объезжал переулочками и закоулками, поэтому сорок минут спустя он уже парковал машину, удивляясь на то, как быстро высохла грязь в рытвинах, только вчера залитых коричневой жижей.

Апрель и в самом деле выдался удивительно сухой и чистый. Малоснежная зима, ранняя теплая весна, на редкость солнечная для столицы... «Интересно, чего нам ждать от лета?» – подумал Бабкин, вспомнив тетушкин домик в деревеньке и прикидывая, на сколько месяцев можно будет вывезти туда Машу и Костю, а заодно и выбраться самому. Он неторопливо осмотрелся и убедился, что со вчерашнего дня вокруг ничего не изменилось. Даже пес лежал на том же месте, что и накануне.

Пахло землей и тем особенным запахом недавно закончившейся стройки, который бывает в новых районах. На пригорке вылезло семейство мать-и-мачех, наклоняя за апрельским солнцем желтые головки на серых чешуйчатых стебельках. Сергей уставился на цветы, стараясь отогнать ощущение, что на него смотрят с одного из балконов, и не заметил, как далеко отошел от него Макар.

Очнулся он от созерцания, лишь услышав второй окрик, и поспешил к Илюшину, на ходу отмечая, что лицо у того странное.

– Извини, задумался, – запыхавшись, сказал он. – Что такое?

Несколько секунд Илюшин смотрел на него с непонятым выражением, а затем показал рукой на рекламный щит с улыбающейся девицей.

– Что? – не понял Сергей. – Реклама, да. Ты меня звал, чтобы я оценил белизну ее вставной челюсти?

– Почти. Я тебя позвал, чтобы ты сосчитал количество зубов у нее во рту.

Бабкин недоумевающее взглянул на напарника, готовясь улыбнуться шутке, но Макар был абсолютно серьезен.

– Сосчитай, – повторил он. – Давай, давай.

Чертыхнувшись про себя на новый «каприз» Илюшина, Сергей уставился на зубы девицы. «Ну, зубы... Зубы как зубы. Первый, третий, пятый, седьмой...»

Минуту спустя он нахмурился, пересчитал заново. Затем еще раз, в обратную сторону. Потом в четвертый, начиная с нижнего ряда.

Зубов было сорок.

Приглядевшись, Сергей понял наконец, в чем дело: часть передних зубов на плакате была искусно разделена пополам, так что из одного большого зуба получалось два поменьше. Он видел тонкие линии, но не мог разобрать, нанесены ли они поверх изображения, либо же изначально были на фотографии.

– Заметил, – кивнул Макар. – Отлично. Больше ничего не видишь?

Бабкину стало не по себе. Он отошел подальше от столба, поднял глаза на плакат и снова начал его рассматривать. Ему потребовалось несколько минут, чтобы найти вторую странность. Она была куда менее заметна, чем проделка с зубами, да и понятно: не каждый человек запомнит, какого цвета тюбик в рекламируемой зубной пасте. Однако точно такой же щит с белозубой, как мультипликационная белка, девушкой, стоял возле гаража Бабкина, и, как выяснилось, Сергей, сам того не зная, запомнил его до мелочей.

– Тюбик желтый, – ошеломленно сказал он. – А должен быть красным.

Краска на тюбик был нанесена поверх фотографии. Крошечный потек, заметный только человеку, который стал бы пристально всматриваться в рекламный щит, выдавала того, кто это придумал. «Но никто не вглядывается в рекламные щиты. Во всяком случае, никто не смотрит на тюбик с пастой, если есть девушка».

– Могу предположить, что изменения произошли не сегодня ночью, – сухо зато проговорил сзади Илюшин. – Они появились примерно месяц назад, хотя не исключаю, что могли и позднее. Давай посмотрим, что еще вчера осталось незамеченным.

Ошарашенный Сергей быстро пошел за ним следом, чувствуя себя школьником, которого ткнули носом в мелкое и бестолковое вранье. «Как я мог накануне не заметить изменений на плакате?!»

В Илюшине появилось что-то от опасной гончей собаки, идущей по следу: он возвращался на то место, где они уже прошли, осматривал молодые деревца, окруженные невысокими деревянными заборчиками, и сами заборчики осматривал тоже. Он разве что не принюхивался к запаху, поднимавшемуся от земли. На Сергея Макара не оборачивался.

Второй раз они остановились возле собаки. Крупная серая дворняга растянулась на асфальте возле подъезда Силотского, прикрыв нос грязной лапой.

– Силотский говорил, что ему кажется, будто соседи подкармливают не того пса, что был раньше, – подал голос Бабкин, рассматривая дворнягу. – И добавил, что пес отзывается на ту же кличку, что и раньше.

– На какую, не сказал?

– Нет.

Макар присел возле насторожившейся дворняги, которая нехотя подняла голову и уставилась на него.

– Хороший пес, хороший, – успокаивающе проговорил Илюшин. Он протянул руку, провел по шерсти пса и осмотрел пальцы. – Грязный только... Погладить-то тебя можно, псина?

Псина не возражала, и Макар погладил ее по спине, по морде, внимательно вглядываясь в короткую светлую шерсть. На руке у него осталось несколько волосков, которые он тоже пристально рассмотрел.

– Нет, на первый взгляд никаких изменений не видно, – вслух подумал он. – Вряд ли стали бы подменять собаку... Скорее уж покрасили бы хорошей краской.

Он подошел к зеленой двери подъезда, зачем-то подергал ее. Отошел назад и обшарил глазами козырек и окна первого этажа. В самом ближнем к двери подъезда окне в горшках на подоконнике цвела густая герань – темно-красные соцветия перемежались розовыми и белыми. На следующем стояли старые детские игрушки: пупсики, куклы в когда-то нарядных, но выцветших платьях, и облезлый синий кот с глазами-пуговицами.

Пока Илюшин изучал окна, Бабкин рассматривал дверь. Что-то с ней было не в порядке, с этой яркой зеленой свежевыкрашенной дверью. Слишком ровно она покрашена, и этот зеленый цвет...

Подобрав валявшийся на асфальте ржавый гвоздь, Сергей подошел к двери и сделал гвоздем глубокую царапину. Наклонился, рассматривая борозду, и присвистнул.

– Что такое? – обернулся Макар. – Что ты нашел?

– Иди, посмотри сам, – мрачно ответил Бабкин. – Здесь два слоя краски.

Под наружным сочным травяным слоем проглядывал второй, отличающийся по оттенку – темнее, насыщеннее.

– Значит, все-таки дверь, а не собака... Интересно, они ограничились перекрашиванием или придумали что-то еще?

Вопрос Макара остался без ответа, потому что в следующую секунду

замок негромко пискнул, дверь распахнулась, и из нее выбежали, смеясь, те же самые девчонки, которых Бабкин видел накануне, зайдя в лифт с Силотским. «Теперь у меня дежа вю, – подумал он, глядя им вслед. – Да что здесь происходит?»

– Не стой, заходи. – Макар уже был в подъезде, придерживал дверь.

– Молодые люди, вы к кому?

Бдительная консьержка привстала со своего места, рассмотрела обоих через стекло.

– Мы в сто первую, – Бабкин вспомнил номер квартиры Силотского. – К Ольге.

– А-а... Ну-ну.

Женщина, успокоившись, села на стул. По-видимому, она не знала о смерти одного из жильцов, а может, не хотела об этом говорить.

Войдя в лифт, Илюшин с Бабкиным осмотрели его так же внимательно, как и все остальное, но либо здесь не было ничего вмешательства, либо они не могли найти следов. Когда двери лифта разъехались, Сергей на секунду испугался, что Макар собирается поговорить с Ольгой и им придется выражать соболезнования, утешать ее. От этого ему стало совсем паршиво, и Макар, словно почувствовав его состояние, сказал, не оборачиваясь:

– Не беспокойся, с его женой я не собираюсь встречаться. Я только хочу посмотреть...

Илюшин замер, глядя на номер двери.

– Точное попадание, – удовлетворенно кивнул он. – Я, правда, предполагал, что фишка будет в звонке, но и с номером тоже неплохая идея.

– В чем идея? – вполголоса спросил Сергей, разглядывая номер. – Где здесь фишка?

И вдруг увидел. Накануне он только мельком взглянул на золоченые цифры – две единички и нолик между ними – и отметил про себя, что номер написан не на табличке, а состоит из отдельных цифр, прикрепленных к двери. Цифры были изящные, красивые, и к ним просился маленький молоточек под стать, которым все проходящие могли бы негромко постукивать по двери. После слов Макара Сергей посмотрел на номер другими глазами, и тут же все стало очевидно.

– Среднюю цифру подменили. – Бабкин ощутил желание сесть, прислонившись к стене. – Черт бы их побрал, они подменили нолик!

Илюшин кивнул. Ноль между двумя единицами был чуть меньше и отличался от них, как могут различаться два очень похожих шрифта – разница была почти незаметной. Но она все же была.

– Поехали обратно, – сказал Макар, вызывая лифт. – Я совершенно уверен, что это еще далеко не все фокусы, которые проделывали вокруг Силотского.

Выйдя из подъезда, они не пошли к машине, как ожидал Сергей, а поднялись по лесенке, которая вела в салон-солярий. Им пришлось позвонить, чтобы открыли, и спустя несколько секунд на пороге появилась коротко стриженная девушка с загорелым лицом, точно служившая реклама заведения.

– Доброго дня, – сказал Макар, включив обаяние, что у него всегда хорошо получалось с молодыми девушками. – Не подскажите ли нам кое-что?

– Постараюсь, – улыбнулась девушка, скрывая за приветливостью настороженность.

– Насчет вашей герани. Мы с другом увидели ее с улицы и хотели узнать....

* * *

– Вот видишь, – сказал Илюшин двадцать минут спустя, когда они вышли из салона и помахали рукой двум похожим девушкам, обеспокоенно смотревшим в окно им вслед. – А ты говорил!

Бабкин ничего не говорил и в ближайшее время не собирался. Он чувствовал себя так, будто его окунули головой в бочку с противной вязкой холодной слизью, и подержали в ней. Ему было стыдно, что накануне он не увидел того, что заметил сегодня Макар, хотя его отправили именно для проверки рассказа Силотского, и к стыду прибавлялось ошеломление от увиденного и услышанного. Потому что исправленный плакат, перекрашенная дверь, перебитый номер на двери – все это было лишь частью изменений вокруг Дмитрия Арсеньевича Силотского.

– Да, мы переставляем герань, – не скрывая, рассказала девушка, открывшая им дверь. – Почему бы и нет? Деньги-то нелишние, а никому от этого не хуже.

– Вы переставляли герань с одного места на другое? – не понял Илюшин.

– Точно. Вроде как меняли ее, – вступила в разговор вторая, очень похожая на первую, кокетливо стреляя глазками в сторону Бабкина. – Тот мужик-то нам принес одни кусты, а у нас росли другие. Вот мы их и чередовали: день свои поставим, день – его. Он говорил, что девушку свою

хочет порадовать.

Бабкин пристально посмотрел на кокетку и по ее лицу понял, что в выдумку с девушкой она не поверила ни на секунду. Но им заплатили, еще и цветов принесли, а просьба казалась такой ерундовой...

– Разные сорта, – заметил Илюшин, рассматривая горшки. – Листья разные, соцветия отличаются оттенками... «Значит, они исходили из того, что Силотский – визуал, – добавил он про себя. – Пока все, что мы видели, основывалось только на изменении облика предметов».

– И еще кое-что... – добавила неожиданно первая девушка, поколебавшись.

– Что? – вскинулся Бабкин.

– Музыка мне пришлось другую ставить. То есть вроде как такую же, а вроде как и нет.

Видя непонимание на лицах гостей, девушка объяснила: каждое утро она включает диск, потому что хозяйка заведения запретила держать в салоне телевизор, а в тишине им скучно. Музыка играет довольно громко, но к этому времени все соседи уже уходят по своим делам, и никто не возражает, тем более что по настоянию хозяйки у них не попса какая-нибудь звучит, а самая что ни на есть классика – Эдвард Григ.

– Приходивший человек дал вам другой диск? – по-прежнему не понимая, спросил Бабкин.

– Другой, точно. Да вы сами посмотрите.

Она сунула Макару один диск, Бабкину – второй. На обоих была записана одна и та же симфония Эдварда Грига – «Пер Гюнт».

– Разные записи, – вполголоса сказал Илюшин. – Берлинский симфонический оркестр – и наш. Исполнение различается, естественно. Большое спасибо. – Он вернул диск и уставился на Сергея.

– Эй, чего отличается? – забеспокоилась вторая, забыв о кокетстве. – Мы ничего такого не задумывали!

– А что случилось-то?

Стриженная, заботливо расставив герань на подоконнике, обернулась к Бабкину и Илюшину.

– К вам, наверное, сегодня из милиции придут, – сказал Макар, не отвечая на ее вопрос. – Вы им расскажите то, что нам сообщили. Тот человек, который к вам приходил, – он такой невысокий, с мешками под глазами и хмурый?

– Такой, такой, – закивала девчонка. – Только почему же хмурый? Не хмурый он был, а очень даже веселый. Девушку свою хотел порадовать... – она поймала взгляд Бабкина и осеклась: – Подружку...

– Ладно, не расстраивайся, – бросил Макар, когда они сели в машину. – Все это действительно непросто было заметить.

– Ты же заметил, – возразил Сергей. – А я действовал по шаблону! И о герани я никогда в жизни бы не подумал... Как ты узнал, что цветы тоже подменяли?

– Потому что это яркое пятно, на котором останавливается взгляд. Эти люди – или один человек – использовали все обыденное, что окружало Силотского, но оно должно было быть заметным. Герань – заметна. Рекламный плакат тоже заметен. На дверном номере взгляд останавливается сам, как только выходишь из лифта. Про дверь в подъезд и говорить не буду. Полагаю, что всем перечисленным изменения не ограничились, но это то, что мы знаем точно.

Остаток пути они провели в молчании – каждый думал о своем. Сергей переживал вчерашний провал и старательно гнал от себя мысль, что, будь он внимательнее, Силотский мог бы остаться в живых. Макар мысленно повторял маршрут от стоянки до квартиры погибшего, намечая точки, в которых должны были быть дополнительные «изменения реальности», как он их назвал.

К Макару они поднялись, по-прежнему не говоря ни слова.

Год назад Илюшин купил себе самую обычную двухкомнатную квартиру на двадцать пятом этаже в одном из спальных районов Москвы. Офис им с Бабкиным был не нужен, и все клиенты приходили сюда. Окна выходили на парк, и Илюшин не раз говорил, что согласился бы и на вдвое меньшую площадь из-за прекрасного вида.

Кухонька и вправду была маленькая, но в ней помещались круглый стол, диван и куча разных шкафчиков, половиной из которых Макар не пользовался, а приобрел из-за игры света в разноцветных витражных дверцах. Они напоминали ему калейдоскоп – игрушку, которую он обожал с детства. Зато две другие комнаты оказались просторными, и вся квартира была очень светлой, залитой солнцем.

В обстановке проявлялся вкус Илюшина – любовь к беспорядочному чтению, фотографиям и комфорту. Сделанные на заказ вместительные, но не громоздкие шкафы были забиты книгами; на стенах висели фотографии, которые регулярно обновлялись; синие стулья и кресла необычной формы на поверку оказались очень удобными. Впрочем, в последнем клиенты редко могли удостовериться – для них в гостиной-«офисе» стоял

«инквизиторский» стул: с высокой спинкой, гнутыми ножками, обманчиво пышной подушкой, предательски проминавшейся под садившимся. Большинство клиентов в первый раз садились именно на него, хотя Илюшин никого не ограничивал в выборе места – в гостиной хватало кресел.

Телевизор был куплен Макаром первый попавшийся, маленький и далеко не новый, и большую часть времени он пылился в углублении шкафа, потому что включали его крайне редко. Зато ноутбук с огромным экраном постоянно работал, показывая всем желающим заставку: белый маяк на зеленом обрыве, под которым бушует море. «Ирландия», – как-то пояснил Макар, заметив, что Бабкин разглядывает заставку. На стене напротив висела фотография того же места, только ракурс был другой, и можно было рассмотреть красную черепичную крышу домика, пристроенного к маяку, и луг с желтыми цветами вокруг него.

Сергей уселся в кресло напротив пейзажа с маяком и уставился на него в ожидании, что, может быть, от созерцания его осенит какая-нибудь дельная мысль. Но мысль не приходила.

– Зачем?! – спросил он, поняв, что уже две минуты созерцает маяк впустую. – Зачем это все было нужно?

– Как – зачем? – Макар размотал шарф и плюхнулся на диван. – Серега, как можно создать у человека эффект «жамэ вю»? Как заставить его поверить в то, что мир вокруг него ощутимо изменился, но никто, кроме него самого, этого не замечает? Как, в конце концов, убедить его в том, что он *впервые* оказался на той улице, по которой проходил десятки раз? Изменить ее! Изменить мир в деталях. Но изменить совсем немного – так, чтобы человек *чувствовал* изменения, но не *видел* их. Грань здесь очень тонкая, но, очевидно, фокусник не перешел ее, раз Силотский явился к нам с рассказом о своих проблемах. Достаточно перекрасить дверь в тот же цвет, но другой оттенок – и человек будет стоять возле нее, не понимая, что изменилось. Сменить одну цифру в номере – виртуозно подобрав очень похожую, но другую – и он может сколько угодно смотреть на номер, но ничего не увидит. Идея с Григом и вовсе гениальна! Силотский обладал отменным музыкальным слухом – помнишь, он рассказывал, что играл в юности на разных инструментах, – и, конечно, будь источник звука рядом, он распознал бы, в чем дело. Но музыка играла в салоне, и он слышал ее то недолгое время, что выходил из подъезда и проходил мимо окна. Ему не хватало времени на то, чтоб отследить свои ощущения, сосредоточиться... Во всем, на что бы ни падал его взгляд, что-то менялось, но понять, что именно, было совершенно невозможно. Во всяком случае, если не задаться

целью найти эти изменения по одному, как это сделали мы.

– Почему ты решил туда поехать? – глухо спросил Сергей, все еще переживавший свой провал.

– Интуиция подсказала. – Макар усмехнулся. – На самом деле я вспомнил собственные впечатления от Силотского и окончательно осознал, что он вовсе не показался мне больным человеком. А «жамэ вю», друг мой, – это симптом болезни. И одно с другим никак не согласовывалось.

– Теперь согласовалось.

– Теперь – да. И мы даже знаем, кто был непосредственным исполнителем этой идеи. Господин Качков, которому Силотский так доверял. Поезжай, кстати, к девушкам с фотографией, убедись, что к ним приходил именно Качков, хорошо?

Бабкин кивнул. Он был уверен, что девушка в солярии описывала именно заместителя Силотского, но нужно было знать наверняка.

– Непонятно только, что нам теперь делать с этой информацией, – задумчиво проговорил Илюшин, зачем-то меняя местами две фотографии на стенах. – И кому, интересно, было выгодно убедить бедного Ланселота в том, что он, того гляди, окажется в совсем другом мире... Вся эта затея с «жамэ вю» – зачем? Для чего? И если Силотский поверил в то, что вокруг него происходит что-то иррациональное, зачем же нужно было его убивать?

– Макар, я должен кое-что тебе рассказать, – медленно произнес Бабкин, не глядя на него.

Илюшин посмотрел на него ясными глазами, в которых отразилась какая-то мысль, и кивнул с заинтересованным видом.

– Если должен, рассказывай.

Сергей вздохнул, потому что говорить об этом ему совершенно не хотелось, несмотря на то, что прошло много лет. И начал рассказывать.

* * *

Мария вытерла руки тряпкой, бросила ее на подоконник. Обернулась на скульптуру, прищурившись так сильно, что еле-еле различила контуры фигуры, зажмурилась, отвернулась, и только тогда открыла глаза. Это был ее ритуал, ее волшебное действие, которым Томша заканчивала каждую работу. Нечто суеверно-мистическое, во что она вкладывала глубокий смысл: увидеть скульптуру «полуслепым» взглядом, сохранить ее такой в памяти, запечатав смыканием век, а минуту спустя уже обнаружить готовую работу, в которую она, Мария Томша, вдохнула жизнь. Игра с

самой собой: из невнятных контуров получалась безупречная скульптура, к которой она словно бы и не имела отношения.

Гипсовая птица вышла очень удачной. Конечно, ничего серьезного, обыкновенная разминка для пальцев перед новой большой работой – Марию ожидал заказ, к которому она собиралась приступить на следующей неделе, – но Томше она нравилась. Это была сова, все детали которой вышли преувеличенно крупными: слишком огромные даже для совы глаза, похожие на очки, резко изогнутый клюв, как будто птице его сломали, длинные – фалдами сюртука – крылья, сложенные за спиной. Перьев не было, и сова производила впечатление голой.

– Посмотрим, что вы на это скажете... – пробормотала Томша, обращаясь к конкретному человеку.

Но он, Мария знала, ничего не стал бы ей отвечать. Он, этот человек, предпочитал деревянные скульптуры, а ее гипсовые и глиняные творения называл поделками, пряча за снисходительностью презрение и насмешку.

А она не любила дерево. Да, оно предоставляло такие возможности, которые были недоступны ей, работающей с камнем, глиной или гипсом, оно само подталкивало к тому, чтобы использовать выброшенные в разные стороны, словно руки, корни и ветви, позволяло прорезать его глубоко внутрь, забираясь в самую сердцевину. Но это и отталкивало Томшу. Чтобы работать с деревом, нужно изучить его характер, особенности, прислушаться к тому, что живет внутри, и осторожно высвободить это. С глиной и гипсом Мария ощущала себя чистым творцом – из ничего появилось «что-то», с деревом она была сотворцом природы. А делиться лаврами с кем-то, хотя бы и с природой, Мария никогда не любила.

И еще дерево было слишком живым. Любой исходный чурбан, который можно изрезать на куски, распилить, сжечь без остатка, являлся живым материалом, чувствующим ее руки, отзывающимся на прикосновения пальцев. И, как все живое, он диктовал свои правила – куда жестче, чем делал это самый капризный камень. Дерево нельзя было резать против волокна, оно реагировало на погоду и перепады температуры, оно трескалось и отказывалось воплощать ее замыслы. Дерево рвалось вверх – да, бессмысленный чурбан, даже заваливающийся набок, все равно тянулся ввысь, и скульптуры из него получались такие же, устремленные к небу. Работы самой Марии прижимались к земле, она распластывала их, подчиняла силе тяготения, как будто оно было в два раза больше, чем в действительности, усиливала плоскости, горизонтالي. Даже ее сова была овалом – но овалом, ориентированным горизонтально.

Томше это не нравилось. Она старалась презирать дерево, как

презирала все, что отвергало ее, и лепила из послушного материала, иногда берясь за камень. Мрамор... Она усмехнулась. Там были свои сложности, но сложности другого порядка, преодоление которых ей нравилось, заставляло ощущать себя бойцом. Хорошее чувство, насыщающее.

Она села на табуретку – единственный предмет мебели в комнате, давным-давно превращенной в мастерскую. Альбом с ее набросками валялся на полу, под ногами, и Мария лениво наклонилась, подняла его, перелистнула несколько страниц, пока не остановилась на портрете, нарисованном ею утром.

Не портрет – набросок. Стоило ей услышать утренние новости, как она, придя в себя, схватилась за карандаш по старой студенческой привычке, судорожно набросала знакомое до каждой морщинки лицо – вьющаяся борода, бакенбарды, широкий нос, немного вывернутые губы. Отшвырнула альбом в сторону и, раскачиваясь, принялась мерить широкими шагами мастерскую, лавируя между готовыми скульптурами, заготовками и материалом. В руки просилась красная пластичная глина, из которой пальцы, помнящие его лицо, могли бы слепить фавна, запрокидывающего в похотливом смехе косматую голову. Но она удержалась.

Вместо этого она подобрала альбом и изобразила скупыми штрихами две головы: первую – курчавую, горбоносую, вторую – с типичными, ничем не примечательными европейскими чертами лица и ненавидящим взглядом, устремленным на фавна. Закончив рисовать, Томша вырвала лист из альбома, с наслаждением смяла его, чувствуя ладонями шероховатость бумаги и углы сминаемых поверхностей, швырнула его рядом с печью для обжига. И растянула в довольной улыбке полные губы, так что обнажились короткие острые резцы желтоватого цвета.

Глава 4

Ольга не простила Бабкину ухода из банка. Поступок мужа она расценила как предательство – худшее, чем измена, поскольку самыми страшными последствиями измены считала нехорошие болезни. Болезни были излечимы. А вот отказ Бабкина вписываться в «нормальную жизнь» означал крах ее мечтаний. Семья превращалась не в уютное гнездышко, в котором ей отводилась роль защищенной со всех сторон птички, сидящей на яйцах и время от времени любовно декорирующей стенки гнезда цветными перышками, а во что-то непонятное, где она должна была сама о себе заботиться.

Такая семья Ольге была не нужна. Но все ее воспитание восставало против того, чтобы уйти от мужа. Во-первых, уходить было не к кому. Что бы ни говорила ее мать Марина Викторовна, какие бы примеры ни приводила, на Ольгином горизонте не слишком часто появлялись состоятельные бизнесмены или хотя бы частные врачи, готовые сделать ей предложение руки и сердца. Во-вторых, развод представлялся Ольге безусловным поражением – она оставалась одна, без мужа, без средств к существованию, поскольку сама зарабатывала недостаточно.

Весь следующий год их жизни был наполнен ссорами и скандалами. Ольга попрекала мужа всем: невозможностью купить хорошую еду, заплатить за поездку в Турцию, одеться в приличном магазине. Поначалу цель ее придинок была проста: руководствуясь поговоркой «вода камень точит», Ольга надеялась переубедить мужа и заставить его вернуться на стезю зарабатывания денег.

– Посмотри! – кричала она, тыча ему в лицо фотографию подруги – на снимке подруга нежилась в синем море, на заднем плане возвышались горы. – Мы даже паршивый Египет не можем себе позволить! Ты мужик или нет? Если мужик, так обеспечь семью!

– Оля, если тебе так нужен Египет, попробуй сама на него заработать, – не выдержал Сергей.

– Что-о?! Ты заставляешь меня идти на панель?

– Черт возьми, а другие способы заработать тебе в голову не приходят? В конце концов, у тебя хорошая специальность! Зачем ты тратишь время в своей конторе, если полученных денег тебе хватает только на булавки?

– Потому что это муж должен обеспечивать семью, а не жена! Муж, понимаешь?! А ты вместо этого...

Бабкин качал головой, уходил. Он уже знал, что значит «вместо этого»: выступления жены повторялись раз в две недели и не отличались разнообразием.

Ольга использовала все инструменты в борьбе за право самой распоряжаться судьбой мужа: прогоняла его из постели, лишая секса, не готовила еду и раздраженно швыряла на стол дешевые полуфабрикаты в ответ на просьбу Сергея разогреть ему ужин, надолго замолкала, уходя в себя, после звонка подруги, лишней раз убедившись: все живут хорошо, кроме нее, Оли Бабкиной. Постепенно в ее борьбе цель отступила на задний план, поскольку Ольга поняла, что не сможет ни переубедить, ни заставить мужа подчиниться ее желаниям. Но процесс был запущен, и остановиться она уже не могла. Глухая раздражительность постоянно сидела в ней, время от времени вулканом прорываясь наружу и заливая все вокруг черной лавой.

Очень быстро их семейная жизнь стала рутинной в худшем смысле, с предсказуемыми ссорами, беспричинными обидами, упорным глухим молчанием Сергея. Он постепенно возвращался в ту же броню, которая упала с него под воздействием влюбленности, и Ольга жаловалась подругам, что муж все менее ласков с ней.

Позже Сергей не мог внятно объяснить самому себе, почему он столько лет терпел рядом женщину, быстро ставшую ему чужой. Детей Ольга не хотела рожать, мотивируя это тем, что не собирается растить ребенка в нищете. Жили они в квартире Сергея, оставшейся ему от родителей, и ездили на его же старенькой безотказной «пятерке» (машина – еще один предмет насмешек Ольги, подруги которой давно обзавелись пусть подержанными, но иномарками). При несходстве их взглядов на семейную жизнь они были похожи на лошадей, тянущих одну повозку в разные стороны и время от времени лягающих друг друга копытами.

Ольга не желала слушать о работе мужа, и их редкие разговоры были наполнены бытовыми подробностями либо обсуждением знакомых и друзей. В одно мартовское утро Сергей проснулся и, слушая звук капли за окном, вдруг отчетливо понял, что больше так жить не будет. На второй половине их широченной кровати, как будто специально сделанной такой большой не для комфорта, а для увеличения расстояния между супругами, лежала Ольга, и при взгляде на нее Бабкин не испытал никаких чувств, кроме усталости.

За завтраком он сказал, что хочет развестись. И реакция жены в очередной раз его поразила.

Ольга разрыдалась. Она закатила истерику, грозилась вскрыть себе

вены, если он уйдет, вытащила телефон Сергея из сумки и пыталась найти в нем имя любовницы, ради которой он бросает ее. Затем на Бабкина посыпались обвинения. Он даже не пытался оправдываться, не в силах понять, из-за чего она так переживает.

– Оля, – потрясенно сказал он, когда в ее рыданиях наступила пауза. – Ты же меня не любишь! Года три уже не любишь, а может, и все четыре. Вспомни – когда мы с тобой последний раз любовью занимались?

– Если тебе нужен секс, так и скажи, – всхлипнула она.

– Да не в сексе дело! А в том, что мы с тобой не нужны друг другу!

– Ты мне нужен! Я... я не верю, что ты хочешь просто так уйти, похоронив все, что нас связывает.

– Да что нас связывает?! Что?!

– Прошу тебя, дай нам еще один шанс! Хотя бы месяц!

Глядя на ее содрогающиеся плечи, Сергей согласился, ни на секунду не поверив в то, что у них что-то получится. Перегорело.

Ольга, убежденная, что Бабкин никуда от нее не денется, потому что слишком ценит семейную жизнь, перепугалась. Мать внушала ей, что брошенная женщина – это клеймо на всю жизнь, и собственным примером убедительно доказывала, что от такого удара не оправляются. Каким бы неудачливым и никчемным ни был муж, он придает женщине статус и вес.

Боязнь разделить судьбу матери охватила Ольгу до такой степени, что она энергично принялась за восстановление семейного очага, не понимая, до какой нелепости доходит в своих попытках. Горячий ужин, красивое нижнее белье, нежные интонации в голосе и вопросы о том, успел ли муж сегодня пообедать... Если бы Бабкин хотел манипулировать женой, он был бы доволен. Но он не хотел.

Как-то вечером Сергей поставил «пятерку» в гараж и пошел к магазину, вовремя вспомнив, что Ольга просила купить вина к ужину. Пить вино он не собирался, но понимал, что бутылка «Токайского» – обязательная часть вечерней программы «прилежная жена встречает любимого мужа». Когда он вышел из магазина с бутылкой в руках, неподалеку раздался громкий голос, и краснолицая женщина лет пятидесяти направилась к Сергею с явным намерением о чем-то его попросить. На ней была длинная желто-красная юбка в цветах, зеленая шаль с бахромой такой длины, что она свисала ниже юбки, а на голове отчего-то кепка с длинным козырьком. Под козырьком пряталось лицо – отекавшее нездоровое лицо пьющей бабы, постаревшей раньше времени.

– Ма-а-аладой человек! – она подошла почти вплотную, уставилась на Бабкина нагловатыми серыми глазами, небрежно обведенными черной

подводкой. – Молодой человек, не откажите даме: одолжите червонец.

Секунду Сергей колебался, затем хмыкнул и полез в карман за купюрой. Он не любил попрошаек, но тем, кто просил для себя, подавал почти всегда.

– Молодой человек, я буду признательна вам до конца жизни!

Попрошайка взяла десятку, но в ту секунду, когда Бабкин собрался уходить, пригляделась и цепко схватила его за руку.

– Постой, красивый, – протянула она. – Давай я тебе хорошее дело сделаю.

– Я тебе сейчас сам хорошее дело сделаю, – пригрозил Сергей, решив, что дама хочет расплатиться натурой.

Но та, не слушая его, быстро перевернула ладонь Сергея и уставилась на нее, беззвучно шевеля губами. Бабкину стало смешно. «Банальный развод, значит. Можно было сразу догадаться».

– Брось, – сказал он. – На цыганку ты похожа так же, как я на папуаса.

Та подняла на него встревоженные глаза.

– Ты меня слушай, – сказала она, и Бабкин с удивлением заметил, что «пьяная» растянутасть ее речи куда-то делась. – Цыганка тебе правду никогда не скажет, а я все вижу.

– Руку отпусти, – мирно попросил Сергей.

Вместо того чтобы подчиниться, баба быстро провела толстым жестким пальцем с обкусанным ногтем по краю его ладони.

– Ты что-то серьезное задумал. – Она покачала головой, нахмурилась. – А твое серьезное плохим для тебя может обернуться. Хочешь жизнь свою изменить, только нельзя тебе ее менять, никак нельзя! Да подожди ты, не вырывайся! – она покрепче перехватила руку Бабкина: хватка у нее оказалась неожиданно сильной. – Что я, цыганка, чтоб голову тебе морочить?! Зайди во двор, тебе любой скажет: баба Люба, может, и непутевая, но врать никому не станет. Меня бабушка учила, как по линиям читать.

– Не выпустишь руку, отведу тебя в отделение, – предупредил Бабкин, которому вовсе не хотелось куда-то вести эту дурную бабенку. На цыганку она и в самом деле не походила, несмотря на свои юбки-шали, – лицо у нее было самое простецкое, курносое.

– Да ты смотри сам! – она поднесла ладонь Сергея к его лицу. – Видишь две линии? Вот, расходятся, как развилка. По этой линии пойдешь, повалятся на тебя несчастья! Три раза линия пересекается, а на четвертый – смотри! – рвется. Понял, что это значит?! Баба Люба тебе врать не будет!

На Бабкина пахло перегаром и еще каким-то странным духом от

шали, словно ткань вымачивали в грибном бульоне. Он невольно отвернул лицо в сторону, но выпивоха тут же дернула его за руку.

– Говорю тебе, смотри, потом благодарить меня будешь! Вторая линия у тебя чистая – пойдешь по ней, плохого у тебя не будет. Главное – ничего в своей жизни не меняй, она у тебя сейчас хорошая, хоть ты этого и не понимаешь. И зла никому не делай, не обижай никого, понял?

Бабкин, рассердившись вконец, выдернул у нее руку и быстро пошел прочь, ругая себя за глупость. Баба Люба рванула за ним, увиваясь вокруг.

– Не нужно, ничего мне не нужно! – быстро говорила она, забегая то справа, то слева. – Ты мне денег дал, я тебе за это благодарная, вот и хочу предупредить, хорошего человека от беды огородить! Вижу, что ты кого-то сильно обидеть хочешь! Дети есть у тебя? Жена у тебя есть? Не обижай их, слышишь? Добра тебе желаю, дураку! Если будешь зла им желать, оно к тебе же и вернется! Сначала мелкие неприятности будут, а потом все крупнее и крупнее, и остановить-то ты уже ничего не сможешь... Не беги, послушай! Тьфу!

Она наконец остановилась, но продолжала что-то кричать ему вслед, и Бабкин до самого дома слышал ее надрывающийся голос.

Нелепое происшествие вылетело у него из головы, как только он перешагнул порог квартиры, и он ничего не стал рассказывать Ольге – последние годы их брака отбили у него эту привычку. Следующие два дня он изредка вспоминал пьянчужку, сам себе удивляясь. Запах грибов от шали, казалось, впитался в его куртку, и Сергей, морщась, принохивался, пытаясь разобраться, так ли это на самом деле или ему только кажется.

На третий день после происшествия, выйдя утром из дома, он направился, как обычно, мимо детской площадки к гаражам. Стая собак – их было семь-восемь – нахально разлеглась в песочнице возле детского домика с облупившейся краской, и Сергей подумал, что давным-давно пора оградить площадку забором. Внезапно грязно-белый пес, самый крупный из стаи, вскочил и залаял, повернув к Бабкину вытянутую морду. Лаял он зло, напористо, и Сергею это не понравилось.

Он осторожно обошел площадку, стараясь не ускорять шаг, но спустя полминуты к лаю вожака присоединились хриплые голоса его товарищей, и, обернувшись, Бабкин увидел, что вся стая вскочила. Он успел подумать: не хватало еще, чтобы собаки бросились на него, – и в следующую секунду именно это и произошло.

Первым сорвался с места грязно-белый вожак. Он бежал быстро, целеустремленно, как бежит собака, которая собирается не испугать, а укусить. Больше пес не лаял. Длинную морду он опустил к земле, словно

сгорбившись, и короткая шерсть на его загривке стала дыбом. Остальные мчались за ним, и только самый мелкий пес отстал, будто понимая, что торопиться ему некуда.

Собаки окружили Сергея полукругом, остервенело лая на него. «Вот черт возьми! Как обидно, что я от подъезда отошел так далеко». Бабкин потянулся к кобуре, и вожак тут же прыгнул на него, норовя вцепиться в бедро. Бабкин отпрянул, желтые зубы лязгнули в воздухе, и пес отскочил в сторону, глядя на неожиданно появившийся в руке человека черный предмет.

– Пристрелю, как собаку, – пообещал Сергей, недобро усмехнувшись. – Пшел вон, шавка!

Стая продолжала оглушительно лаять, и Бабкин сделал резкое движение, словно наклоняясь и подбирая что-то с земли. Вожак отпрянул в сторону, за ним шарахнулись и остальные.

«Ага, это тебе знакомо лучше, чем пистолет».

Новый выпад – и собаки разбежались в разные стороны, продолжая гавкать, но без прежнего энтузиазма. Теперь моральный перевес был на стороне Сергея, и он незамедлительно воспользовался им, решительно шагнув к белому подстрекателю.

– А хочешь, собачка, я тебе шею сверну? – предложил он, не отводя глаз от оскаленной морды. – Ты животное дурное, нехорошее... Не дай бог, ребенка покусает.

Ярость, звучавшая в голосе человека, заставила жоака отступить. Стараясь не ронять достоинства, пес отбежал на несколько шагов, еще раз обляял Бабкина и наконец неторопливо затрусил прочь. Стая послушно побежала за ним, в одну секунду забыв об объекте несостоявшейся охоты. Сергей сунул пистолет в кобуру, проводил собак долгим взглядом и пошел к гаражу.

Вечером следующего дня, вешая в кухне оторвавшуюся штору, Бабкин немного натянул ее, и она с треском свалилась ему на голову. Не удержав равновесия, Сергей упал со спинки дивана, больно ударился плечом об угол комода и выругался, когда сверху его накрыла пыльная занавеска.

Выбравшись из-под нее, он осмотрел дырки в стене и вспомнил тетку у магазина. Происходящее нравилось ему все меньше и меньше.

Прошла неделя, и он почти выкинул из головы пьяную бабу с ее глупыми разговорами. В воскресенье Ольга вытащила его гулять, хотя Сергей никогда не любил просто так шататься по их району, обоснованно предполагая, что не стоит притягивать к себе неприятности. Он пытался убедить жену съездить куда-нибудь в центр, посидеть в кафе, но та

отказалась.

– Хочу просто пройтись с тобой рядышком, – сказала Ольга, заглядывая ему в глаза и робко улыбаясь. – Я, наверное, уже забыла, каково это – гулять, держа тебя под руку.

Они бесцельно шатались между домов, и Сергей изо всех сил пытался поддерживать разговор, внимательно слушая жену. Ольга вспоминала своих подруг, со смехом рассказывала о матери, купившей новый разноцветный чайник и боявшейся его использовать, осторожно делилась мыслями об отпуске. Внешне все выглядело как тогда, когда они только начали встречаться и были очень счастливы. Но в голове у Бабкина против его воли всплыли слова попрошайки: «Хочешь жизнь свою изменить... Только нельзя тебе ее менять, никак нельзя».

– Пойдем-ка домой, – предложил он, беря жену под локоть. – Мне ботинок ногу натер.

Ольга забеспокоилась, предложила присесть и отдохнуть на скамеечке под сиренью, но Бабкин был настойчив. Ощущение, что их мирный вечер закончится вовсе не так, как хотелось бы, гнало его домой, заставляло настороженно оборачиваться через каждые десять шагов, присматриваться к торопившимся прохожим.

Они почти успели. До подъезда оставалось не больше десяти шагов, когда Бабкина догнал гнусавый голос.

– Эй, мужик! Закурить не найдется?

Трое парней, совсем молодых, лет по восемнадцать каждому, торопливо догоняли их с Ольгой.

– Закурить, говорю, есть?

Двое были неуловимо похожи – оба с развитой мускулатурой, которую подчеркивали обтягивающие майки, с короткими стрижками, широкими нижними челюстями, равномерно перетиравшими жвачку. Третий, обладатель гнусавого голоса, в противоположность им казался червяком – тощим, вихляющимся из стороны в сторону, с землистым лицом, покрытым бугорками прыщей. У Сергея не было никаких сомнений, что именно он – главный.

– Не курю, – неторопливо ответил Бабкин, прикидывая, кто из двоих качков вступит в драку первым.

– Что, и кобылка твоя не курит? Врешь!

Сергей успел уйти от первого удара, потому что ждал его, но он все же не думал, что прелюдия к драке будет такой короткой. «Ритуал не выдержан», – мелькнуло у него в голове, потому что по обычному, хорошо знакомому ему сценарию жертва должна возмутиться, чтобы у нападавших

было полное моральное право ее избить. Эти трое не стали дожидаться его возмущенной реплики и ударили первыми.

Второй удар оказался неожиданно точным – в солнечное сплетение, и Бабкин охнул, согнувшись пополам. Завизжала Ольга и тут же замолчала, словно крик перерезали. Повалившись на асфальт, Сергей увернулся от ноги в тяжелом ботинке, перекатился, схватил первое, что попало под руку, и снова вскочил, оценивая ситуацию.

Гнусавый стоял возле Ольги, первый качок готовился ко второму раунду, а второй рассматривал Бабкина чуть удивленно, словно не ожидал, что ему окажут сопротивление. Сергей не ошибся – он и впрямь был удивлен тем, с какой легкостью мужик ушел от первого удара. «Тренированный, сволочь, здоровый и быстрый. Очень быстрый».

– Не трогайте его, у него пистолет! – выкрикнула Ольга каким-то не своим, визгливым голосом.

Пистолета у Сергея, конечно же, не было, но он получил выигрыш на долю секунды – старший из бойцов смерил его оценивающим взглядом, и Бабкин тут же молниеносно прыгнул на него, повалил, приложил кулаком и отскочил, пока на него не успел навалиться второй. Он уже разложил для себя ситуацию и стал совершенно спокоен – ясно, что серьезную угрозу представляет только тот, кому он только что, судя по стонам и ругательствам, сломал нос. Исход драки был вопросом времени, но тут гнусавый, видимо, догадался, что затея потерпела поражение, и, проворно отскочив от Ольги, бросился бежать. За ним исчезли в сгустившейся темноте и двое его приятелей. Сергей прикинул, не стоит ли их догнать, но понял, что не сможет.

– Оль, с тобой все в порядке?

Он наклонился над женой, которая беспомощно опустилась на корточки возле стены и тихо всхлипывала.

– Что ты плачешь? Эта сволочь тебе что-то сделала?

– Нет. – Она всхлипнула последний раз, вытерла слезы. – Я за тебя испугалась!

– Ничего, все в порядке. Пойдем домой.

Ольга не могла успокоиться до полуночи, цеплялась за него, просила прощения за то, что потащила его на улицу, переживала, не сломаны ли у Сергея ребра. Бабкин терпеливо успокаивал ее, но мысленно был далеко и от жены, и от нелепой короткой драки. Ему нужно было хорошенько все обдумать, а жена со своими переживаниями мешала, хотя он изо всех сил старался не дать ей этого понять.

– Ты дождался четвертой неприятности? – спросил Макар, когда Бабкин сделал паузу в рассказе.

– Нет, не стал. Я, знаешь ли, не мазохист.

– Значит, все происходившее с тобой ты отнес к последствиям своего решения развестись с женой, – задумчиво подытожил Илюшин. – Потому что это совпадало с тем, что напорочила тебе попрошайка возле магазина. Я правильно рассуждаю?

– Почти. Вот только я, Макар, реалист. И всю жизнь им был. Поэтому можешь сам догадаться, что я сделал потом.

Сергей Бабкин и впрямь был реалистом до мозга костей. С его точки зрения ситуация выглядела следующим образом: незнакомая женщина предупредила, что его ждут неприятности, если он вздумает изменить что-то в своей жизни. Поскольку решения развестись с Ольгой Бабкин не менял, и это была самая крупная ожидаемая перемена, то логично было бы объяснить последующие гадости сбывающимся пророчеством. Другой человек на его месте внял бы предостережениям судьбы, так решительно демонстрирующей нежелательность выбранного им пути.

Бабкин тоже им внял. Только немного не так, как хотелось судьбе или кому-то, кто действовал от ее имени.

«Бабу Любу» он и впрямь нашел в соседнем дворе, предварительно поговорив с участковым и описав ее. Он ожидал, что она окажется бывшей актрисой, но Люба-Голуба, по паспорту – Любовь Игнатьевна Голишко, не имела отношения к сцене: до того, как ее уволили, она работала поваром при крупной столовой.

Сергею не потребовалось много времени на то, чтобы убедить ее рассказать правду, – удостоверение оперативника и звонок участковому, подтвердившему недоверчивой Голубе слова Бабкина, сделали свое дело.

– Вот дура-то я, – суховато сказала Любовь Игнатьевна, положив трубку и вытирая руки о засаленный цветастый халат. – И впрямь поверила твоей супружнице.

– Что она сказала?

– Сказала, что ты вроде как не из самых бедных людей. Собрался, сказала, уйти к любовнице, а ее с грудным дитем бросить одну. Припугнуть тебя хотела, чтобы ты раскаялся, а не то ей одной с ребенком-то тяжело бы пришлось.

– Ну да. Одну бросить. В бочке, на волю волн, – кивнул Бабкин,

который ожидал чего-то в таком духе.

– Что дальше со мной делать будешь? – Неудавшаяся гадалка присела на табуретку и исподлобья посмотрела на оперативника.

– Да ничего не буду делать, – пожал плечами Сергей и, не удержавшись, добавил: – А ты артистка!

Обрадованная Люба приосанилась, запрокинула голову.

– Да-а-ай погадаю тебе, – предложила она, сдерживая усмешку. Голос ее изменился: стал нахальным, зазывным. – Честно тебе говорю, красавец – все хорошо будет у тебя в жизни, счастье будет, деньги будут!

Люба-Голуба обмахнулась воображаемым веером и подмигнула Бабкину хитрым глазом.

* * *

– Она призналась, что Ольга ей заплатила, – мрачно закончил Сергей, перекатывая между пальцами резиновый шарик и сжимая его в такт своим словам. – Тех троих идиотов, которые напали на нас вечером, тоже нашла Голишко – один из них оказался ее двоюродным племянником. Я потом с ними поговорил, – он недобро усмехнулся. – Мальчики, правда, никак не могли взять в толк, чем же я так недоволен: пострадал-то один из них, а не я. Оказывается, Оля их заверила, что серьезной драки не будет, потому что она почти сразу крикнет условную фразу о пистолете, и они убегут – сделают вид, что поверили и испугались. В общем-то, так оно и вышло, только я успел одному из них нос сломать, а они меня саданули под ребра. Про гардину, думаю, мне не нужно тебе объяснять – ослабить шурупы было проще простого. Что еще...

– Мне очень интересно, как был проделан фокус с собаками, – признался Илюшин. – Или это был элемент случайности, который удачно вписался в остальной план?

– Нет, Макар, не был.

– Хм. Дай подумать... Супруга подложила тебе в карман приборчик, который вызывает агрессию у животных?

Бабкин рассмеялся, покачал головой.

– Все куда проще. Если я скажу, что стаю прикармливала все та же Голишко, этого будет достаточно? Кстати, вожак, как я позже убедился, умнейший пес, хорошо понимающий команды.

– А, вот в чем дело! Она подала команду, когда ты вышел из подъезда?

– Совершенно верно.

– Откуда? Неужели ползла по-пластунски за песочницей?

– Пряталась в детском домике. Взрослый человек в нем легко помещается, если сядет на скамеечку, а через окошко она могла меня видеть и подать команду псу, когда я отвернулся.

– Понятно...

Илюшин побарабанил пальцами по столу, бросил короткий взгляд на хмурого Сергея, вспоминая события восьмилетней давности.

– И в результате ты с ней развелся.

– В результате я с ней развелся, – как эхо, откликнулся тот.

Бабкин вспомнил: когда он вернулся домой, открыв дверь своим ключом, Ольга ничего не услышала и не отреагировала, когда муж вошел в комнату. Она стояла возле окна, грызла светлую прядь, покачивалась с ноги на ногу – привычка, приобретенная ею в спортзале, – и на короткое время Сергей почувствовал угрызения совести от того, что собирался сказать и сделать. У него мелькнула догадка, что, возможно, он ошибается, Оля и в самом деле его любит, только за годы брака любовь ушла глубоко внутрь. А теперь, перед угрозой развода, проявилась снова, и жена не нашла другого способа, чтобы удержать его, кроме выдумки с гадалкой.

– Оля, – тихо позвал он, и жена резко обернулась.

Он отметил, что за пять лет их брака из анемичной девушки с неинтересными, но миловидными чертами лица она превратилась в женщину. Но не в такую, в которую превращаются иные анемичные девушки, приобретая заманчивую округлость форм и тот особый взгляд, который привлекает мужчин. Ольга стала похожей на закаленную даму, прошедшую сквозь тяготы семейной жизни и сформировавшую мнение обо всех мужчинах на свете, с ежесекундной готовностью к защите, а то и к нападению. Брови она не выщипывала тонко, как раньше, а оставляла широкими, и они придавали грубоватость ее лицу. Уголки губ чуть опустились, и больше не читалось на ее лице постоянной готовности улыбнуться чужой шутке, даже не самой смешной.

«Это со мной она стала плохая, а брал-то ее хорошую», – вспомнилось Бабкину. Сергей не собирался оправдываться: он искренне считал себя виноватым в том, что случилось с их браком и с Ольгиной жизнью. И в том, что не положил конец этому раньше.

– Я разговаривал с Любой Голишко, – сказал он.

В зеленых глазах Ольги что-то мелькнуло и тут же исчезло. Выражение лица осталось непроницаемым.

– Это... глупо это было, честно говоря, – добавил Сергей, с сожалением глядя на нее. – Зачем ты все это придумала? Я никогда бы не

купился на такое, ей-богу. Я же все-таки, как-никак, оперативник.

Он ждал, что жена начнет оправдываться, может быть, расплачется, попросит прощения... Вместо этого Ольга удивила его в очередной раз:

– Ты сам не замечаешь, как тупеешь на своей работе, – искривив губы, бросила она. – Я, может быть, недоценила твой профессионализм, но вовсе не твой ум.

Она подошла вплотную, обдав Сергея запахом духов, и он подумал, что никогда не любил парфюм, которым она изредка пользовалась.

– Надеюсь, ты не вздумаешь выгнать меня из квартиры прямо сейчас? – осведомилась она, глядя на него снизу вверх.

Озадаченный отсутствием ожидаемой им реакции, Бабкин молчал.

– Очень глупым с моей стороны было полагаться на порядочность мента, – добавила Ольга. – Не переживай, завтра я уеду. Я подумала, что ничего не может быть хуже, чем эта нищенская жизнь с тобой.

– Наверное, именно поэтому ты так старалась не выпустить меня из упряжи, – съязвил Бабкин, не сдержавшись.

Ольга помолчала, надменно вскинув голову и глядя на него со смешанным выражением презрения и насмешки. Несколько секунд назад она осознала, что муж не простит ее и все ее попытки удержать его оказались тщетными. Крепко вколотенные понятия о том, что «правильных женщин мужья не бросают», вступили в противоречие с остатками гордости, и гордость одержала верх. В ней загорелось желание напоследок как можно сильнее уязвить мужа, чтобы он испытал такую же боль, какую испытывала она сама.

– Дурак ты, Бабкин, – сказала наконец Ольга. – Мне *тебя* было жалко. Через восемь лет ты будешь спившимся, потасканным мужичком, с которым ни одна уважающая себя женщина не захочет лечь в постель. Или так и останешься горой мышц без намека на интеллект. Тебе придется перебиваться девочками на одну ночь. Ты так и будешь ездить на развалюхе, которую сам станешь ремонтировать, потому что денег на автомастерскую у тебя, конечно же, не найдется, и ходить в застиранных джинсах и старых трусах, потому что рядом с тобой не окажется женщины, которая поможет тебе прилично выглядеть.

– Я понял, – кивнул Сергей, придя в себя. – Короче говоря, я сдохну под забором, и ты придешь плюнуть на мою могилу.

Ольга дернула плечом, раздвинула губы в улыбке.

– Не льсти себе. Я не приду.

На следующий день она уехала к своей матери.

* * *

– М-да... – протянул Макар, впечатленный историей первого брака Сергея, – кто бы мог подумать, что женщина станет прикладывать столько усилий для того, чтобы удержать мужа, который ей давно не нужен. Помнишь фильм «Тот самый Мюнхгаузен»?

Он выразительно процитировал:

«– О чем это она? – Барона кроет. – И что говорит? – Ясно что: подлец, говорит, псих ненормальный, врун несчастный... – И чего хочет? – Ясно чего: чтоб не бросал».

Сергей не улыбнулся. Он прекрасно знал, какой вывод сделал Илюшин из его рассказа, потому что не сделать его было нельзя.

– Почерк, – нехотя проговорил он.

– Что – почерк?

– Не притворяйся, ты понял. Идея похожа и в первом, и во втором случае. «Подсказки судьбы», только для меня было сработано куда более топорно. Но люди меняются.

– Меняются... Умнеют, набираются опыта, выходят на новый виток развития в своей спирали – практически по Гегелю, – ты ведь это хочешь сказать? И, естественно, подобный ход мысли приводит нас к твоей бывшей супруге.

Мрачному Сергею не было нужды кивать в подтверждение слов Макара.

– Но, видишь ли, мой подозрительный друг, для нас с тобой – да-да, и для тебя тоже – это не имеет никакого значения. Поскольку нам не нужно, к счастью, расследовать гибель господина Силотского – я надеюсь, это успешно сделают и без нас. Полагаю, ты не испытываешь столь нежной, тщательно скрываемой привязанности к бывшей супруге, чтобы тебя сильно занимала ее судьба?

Бабкин выразительно посмотрел на него, и Макар кивнул.

– Так я и думал. В таком случае советую тебе выкинуть эту историю из головы. А заодно и ту, прежнюю.

* * *

Ольга вернулась домой, сидела, неторопливо перебирая мелкие предметы на столе, ощупывая их, как слепая, а перед глазами стояло то, что

с казенным, но в то же время заинтересованным видом предъявили ей в морге для опознания. Кусок. Это был фрагмент тела, довольно большой, и лежал он почему-то не на простыне, как она себе представляла, а в пластиковом контейнере – в похожих контейнерах она хранила фрукты и мясо, когда нужно было его разморозить, и оно перемещалось из морозилки на верхнюю полку холодильника. Лежало, подтаивало, постепенно утопая в розово-красноватой лужице, размягчалось... Она закрыла глаза и представила, как тот кусок тела с хорошо знакомым ей шрамом – она столько раз его видела... тоже положат в морозилку, а затем – оттаивать.

От этой мысли дурнота подкатила к горлу с такой силой, что Ольга бросилась к унитазу, но не добежала, и ее стошнило на шершавую красную итальянскую плитку. Плитку клал сам Дима, выбрав для этого свободную неделю и объяснив ей, что таким образом отдыхает, потому что ему нравится работать руками. В глубине души Ольга считала, что неделя проживания с развороченным полом в кухне – слишком большая плата за удовлетворение творческого зуда супруга, но вслух только хвалила своего рыцаря. Она многому научилась в первом браке.

Тогда, после развода, она впала в депрессию, ощущая себя буквально выкинутой за борт жизни, несмотря на всю осознаваемую ею пошлость этого сравнения. Но ей и впрямь виделся белый пароход, на котором уплыл бывший муж, оставив ее то ли в шлюпке, то ли на плоту, то ли вовсе на одном спасательном круге. Срочно нужно было куда-то плыть, но вокруг не оказалось ориентиров: мать считала ее неудачницей – такой же, как и она сама, и хотя дочери своего мнения не озвучивала, Ольга чувствовала ее настрой. Перед подругами ей не хотелось появляться в таком жалком виде: потерявшей мужа, пусть и не очень выгодного, дешево одетой, *староватой*. Увлечений и хобби у Ольги не имелось, театры и книги она не жаловала, и потому единственное, что ей оставалось, это еще активнее заняться спортом, чтобы убить все свободное время. Она стала приходить в зал не три, а пять раз в неделю, а по выходным плавала в бассейне до посинения, чтобы, вернувшись домой, тут же заснуть от усталости.

Через три месяца такой жизни Ольга почувствовала, что мужчины снова бросают на нее заинтересованные взгляды, как когда-то, лет десять назад. Это придало ей уверенности в себе. За время, прошедшее после развода, она похудела, а фигура, благодаря регулярным занятиям, подтянулась. Ольга и сама чувствовала, что выглядит аппетитно. Правда, постоянно не хватало денег, но когда один из тренеров, видя ее настойчивость, предложил ей попробовать себя в тренерской работе, она

поняла, что и эта проблема вскоре решится.

С Димой она познакомилась в зале, когда один из постоянных клиентов привел его на разовую тренировку. Оля сразу выделила его: рыжий, веселый, а сложен почти как ее бывший муж. Ей с юности нравились большие мужчины – не толстые, а крепкие, с буграми мышц, перекачавшихся под кожей, с широким разворотом плеч и мощной шеей. Бывший муж недотягивал до заданной ею планки, он тренировался не затем, чтобы появились кубики на животе или рельефно выделились грудные мышцы. А этот, рыжий, хотел держать свое большое тело в узде, лепить из него то, что хочется. Ольге это нравилось.

Подумав о теле, она снова вспомнила кусок, но на этот раз смогла удержать тошноту. Рассеянно включила телевизор, но неудачно наткнулась на новости и минуту расширенными глазами смотрела на обгоревшие куски мотоцикла, прежде чем догадалась нажать на кнопку. Телевизор стих, и в доме повисла тишина, нарушаемая только равномерным капаньем воды из незакрытого до конца крана.

– Не могу больше, – ровным голосом сказала Ольга.

Она пошла в другую комнату, ища глазами телефонную трубку, а когда отыскала ее, долго не могла вспомнить номер, хотя набирала его часто. Пришлось залезть в память телефона. Дождавшись, когда на другом конце ответят, она сказала тем же ровным безжизненным голосом:

– Денис? Это Оля. Мне нужна твоя помощь.

Глава 5

Денис Иванович Крапивин завязывал галстук виндзорским узлом, глядя на себя в зеркало. Дорогой английский галстук не хотел завязываться, и Крапивин с отвращением к самому себе встряхнул кисти рук, чтобы прогнать дрожь. «На руках его была не кровь... Просто след земляники». Цитата, произнесенная про себя, немного успокоила его. Он давно научился мысленно произносить фразы, иной раз самые дурацкие, которые действовали на него лучше любого успокоительного. Впрочем, успокоительного он не принимал.

Этой странноватой привычки Денис Крапивин стеснялся, как и большинства своих привычек, как и самого себя. Но никто никогда не догадался бы об этом, глядя на явно преуспевающего дорогостоящего клерка со скучноватым бледным лицом, одетого в безупречный темно-синий костюм в такую же безупречную полоску, с безукоризненно подобранным в тон рубашке галстуком, завязанным, конечно же, выверенным виндзорским узлом.

– Я опаздываю на работу, – вслух произнес Крапивин, и собственный голос пропал, не добравшись даже до второго яруса его прекрасной двухуровневой квартиры.

Эта огромная квартира Денису была не нужна, но осознал он это лишь после того, как купил ее. Обставлял ее дизайнер, и его работа, несомненно, понравилась бы Крапивину, если бы он увидел такой результат у кого-нибудь другого. Тогда бы он, конечно, искренне восхитился и подумал, что тоже хочет что-либо подобное. «Благородство и стиль» – под этим лозунгом дизайнер заботливо обставил квартиру, отдавая в декоре предпочтение оттенкам серого и холодного зеленого, разбавляя чрезмерную строгость всплесками яркого желтого и оранжевого. «Гармоничненько вышло», – говорил каждый раз Сенька Швейцман, оказываясь у Крапивина в гостях.

Однако «гармоничненькое» ежедневно подавляло Дениса Ивановича. Он ощущал себя так, будто живет в декорациях, выстроенных для кого-то другого. Объяснить, что именно ему не нравится, Денис не мог, да и гнал от себя это ощущение, но постепенно выделил для себя только одну комнату и проводил почти все время в ней. Комната эта находилась на первом уровне, рядом с гостиной, и по замыслу дизайнера предназначалась для гостей. Возможно, именно поэтому она была оформлена более небрежно, чем остальные комнаты, и в ней не чувствовалось «благородства и стиля» в той

степени, в которой они присутствовали на остальном пространстве квартиры. Обычная комната, обставленная просто и без излишеств.

– Опаздываю, – повторил Крапивин бессмысленно.

Он мог опаздывать сколько угодно – начальство знало о том, что у него трагически погиб друг (начальство говорило «товарищ»), и с пониманием относилось к тому, что Денис Иванович ближайшие несколько дней будет скорбеть по погибшему. Потом, конечно же, скорбь должна была если не утихнуть, то перейти в такую фазу, когда скорбящий уже не опаздывает на работу, следит за своим костюмом и завязывает галстук так, чтобы его можно было в любую секунду сфотографировать для солидной рекламы. Но пока эта фаза не наступила, Крапивину можно было не торопиться на работу.

Денис знал, что ничего страшного не случилось бы и в том случае, если бы он отпросился. Но самое неприятное заключалось в том, что ему нечего было делать дома и некуда было пойти. В офисе хоть можно изобразить видимость деятельности, а постаравшись, и найти для себя вопрос, в решение которого можно окунуться с головой, не думая ни о Ланселоте, ни о Сеньке, ни об Оле. Вообще ни о чем не думая, ничего не чувствуя.

– Здравомысл, – сказал с отвращением Крапивин. – Пресноводное.

Он вспомнил, как задела его в седьмом классе кличка, которую он услышал случайно, и как старательно он изображал равнодушие, когда кто-то окликнул его, не стесняясь. Прозвище моментально прижилось, и сейчас, столько лет спустя, Денис не испытывал ничего, кроме глухого удовлетворения, называя себя так.

Он знал, что всегда был скучен, но до определенного времени полагал, что у него есть достоинства, искупающие этот недостаток. Не зря же, в конце концов, они дружили втроем – он, Швейцарец и Ланселот. Ни бойкий Сенька Швейцман, ни артистичный Димка никогда не приняли бы его в свою компанию, если бы он не был им чем-то интересен. Но со временем он с присущим ему здравомыслием, во многом объяснявшим его прозвище, убедился, что нет в нем таких достоинств. Нет! Блестящие способности к учебе – есть. Неисчерпаемое занудство, ошибочно принимаемое некоторыми за профессиональную дотошность, – тоже. Ненужный багаж знаний, которые он никогда не применял, – имеется: вот он, перевязанный бечевкой, валяется в дальнем углу. Очень много устаревших моральных устоев – пожалуйста.

А больше ничего интересного в Денисе Крапивине не было.

Телефонный звонок выдернул его из медитативного состояния, в

которое он погрузился в попытки завязать узел.

– Денис, нам нужно встретиться, – без предисловий выпалил Сенька.

– Хорошо, – без эмоций согласился Крапивин. – Дело подождет до похорон или хочешь раньше увидеться?

– Я...

Крапивин зримо увидел, как толстый маленький Швейцман готовится вывалить на него груды обгоняющих друг друга слов, но запинается, услышав о похоронах, и нервно поправляет подтяжки – предмет насмешек окружающих еще со школы. Господи, кто в восьмом классе носит подтяжки?! Это не деталь гардероба, поддерживающая штаны, вовсе нет! Это несмыслимое презрение одноклассников, насмешки девочек и высокомерное недоумение учителей – при самом лучшем раскладе. Однако Сенька плевал на значение подтяжек для общества – их привез ему дядя из Швейцарии, где служил при дипломатическом корпусе, и они сразу стали для Швейцмана воплощением магической «забугорной» жизни, о которой он раньше только читал. Свидание с подтяжками – его собственными! – превратило смутные мечты в реальность, которая была далека, но достижима.

Что руководило дядюшкой Швейцмана, когда он выбрал для племянника-подростка темно-зеленые подтяжки с золотыми львами – неизвестно, но его странный подарок оказался самым подходящим для Сеньки. Наслушавшись дядиных рассказов, рассмотрев привезенные фотографии, Сенька заболел Швейцарией. Никакие Парижи и Лас-Вегасы не могли стать для него привлекательнее этой страны. Подтяжки, которые Сенька прицепил к брюкам, стали символом другой жизни и одновременно – швейцмановского стремления достичь этой жизни во что бы то ни стало.

Он таскал их в школу с удивительным упорством – особенно смешным оттого, что Сенькина мать прекрасно шила, и школьные брюки подгоняла на своего пузатого сына так, что они сидели на нем как влитые. На насмешки Швейцман реагировал пожатием плеч. Очень быстро все узнали, в чем причина любви Сеньки к подтяжкам, и издевки постепенно сошли на нет: оказывается, у толстячка Швейцмана была цель в жизни, и какая! Остались только безобидные подначки, да уважительно-насмешливое прозвище «Швейцарец», прилипшее к Сеньке на долгие годы.

– Что ты молчишь? – спросил Крапивин, осознав, что все это время Сенька только пыхтит в трубку.

– Ланселота вспомнил... – выдавил Швейцман. – Денис, что ж такое...

– Давай встретимся, – устало сказал Крапивин. – Встретимся и поговорим. Ко мне приедешь?

– Нет, давай в кафе.

Они быстро выбрали кафе, и Крапивин, повесив трубку, начал развязывать ненужный галстук. На секунду бросив взгляд в зеркало, он увидел за своей спиной крылатую тень, мелькнувшую и скрывшуюся в столовой. Выпуклая рама зеркала ощерилась гнилой ухмылкой, отражающаяся в нем стена раздвинулась, образовав непристойную щель с багрово-мясной плотью, и тут же сдвинулась снова. Только картина с причалом и лодками покачнулась и так и осталась висеть, накренившись вправо.

Денис приложил пальцы к вискам, сосчитал про себя до десяти и вышел из квартиры.

* * *

Утром пошел снег. Над городом растянулось серое грязное покрывало с редкими голубыми дырами, из него повалилось такое же серое, грязное, крупитчатое и тут же покрыло мокрой манкой сухие тротуары и дороги. Апрель, словно беря реванш за удивительно ясные и теплые предыдущие дни, вспомнил о том, что он – всего лишь середина весны, месяц капризный, и немедленно задул пронизывающим ветром, в котором не было ничего теплого и радостного, а была только противная зимняя промозглость.

К вечеру снегопад усилился. Газеты и радио сообщали, что на дорогах пробки и заторы; машины и пешеходы скользили по асфальту, потому что растаявшую манку прихватил легкий морозец, и город заледенел.

Сергей Бабкин сидел дома и мысленно ругал себя за то, что позволил Маше настоять на своем и поехать на метро. После завтрака она отправилась на свою киностудию, чтобы посмотреть в действии одну из новых кукол – медвежонка, а потом должна была встретить Костю после школы и вернуться. Последний раз жена позвонила Сергею из студии два часа назад, радостно сообщила, что записаны три передачи и она уже едет домой, и... пропала. Телефон ее не отвечал, и хотя особого предмета для беспокойства в этом не было – Маша часто забывала зарядить сотовый, – Бабкин почувствовал тревогу. Он взглянул в окно, за которым по-прежнему сыпал снег, и выругался.

Он подумал о том, чтобы встретить Машу и мальчика возле школы, но, взглянув на часы, отказался от этой мысли: уроки уже закончились, и они попросту могут разминуться. Он поставил на кухне чайник, сделал себе

бутерброд с ветчиной, хотя был не голоден – просто, чтобы убить время до возвращения Маши с Костей. Но с каждой минутой ожидания ему становилось все больше не по себе, и в конце концов, выключив возмущенно булькающий чайник и сунув приготовленную ветчину обратно в холодильник, Бабкин решил прогуляться возле подъезда. «Около дома точно не разминемся».

Выполнить свое намерение он не успел – в дверь позвонили, но как-то странно, робко. Костя всегда трезвонил отчаянно, словно созывал всех встречать себя, любимого; Маша стандартно нажимала «два коротких – один длинный», а этот звонок прозвенел и замолчал. За дверью на лестничной площадке что-то пронзительно выкрикнули, и Сергей метнулся в прихожую, поняв, что не зря тревожился.

Он распахнул дверь и увидел их, прижавшихся друг к другу. На белом Машинном лице глаза были как две впадины, скулы заострились, губы побледнели, сравнялись по цвету со щеками.

– Что?! – шепотом спросил Бабкин, торопливо ощупывая сначала ее, потом Костю прямо на лестничной клетке и с невыразимым облегчением убеждаясь, что оба совершенно целы. – Что случилось? Что?!

– Домой... – дернулась Маша. – Домой, закрой дверь!

Он быстро затащил их в квартиру, обшарив взглядом лестничную клетку, но в подъезде было тихо.

– Маша, что такое?

Костя вдруг заплакал – сначала тихо, а потом громко, подвывая и заикаясь. Он ревел перепуганно, как маленький ребенок, а не одиннадцатилетний мальчишка, и Сергей не мог этого выдержать.

– Что. Случилось. – отдельно спросил он, стоя над Машей, успокаивающей сына. – Скажи, наконец!

Маша подняла на него глаза и негромко ответила:

– На нас напали. Внизу, в подъезде. Прижали меня к стене, у одного в руках был нож.

Сергей почувствовал, как виски стиснуло обручем.

– Сколько их было? – Горло у него перехватило спазмом, и ему пришлось повторить, прежде чем она поняла.

– Трое. Все в масках.

– Что им было нужно? Маша, не молчи! Они ударили тебя? Издевались? Что-то взяли?

Костя всхлипывал, уткнувшись маме в живот. Маша закусилась бескровную губу, помолчала...

– Они хотят, чтобы ты не лез в расследование смерти Силотского, –

тихо сказала она.

Несколько секунду Бабкин стоял неподвижно, переваривая ее слова. Затем сел рядом с ними на пол, сгреб их в охапку, прижал к себе и гладил Костю по вихрастой макушке до тех пор, пока мальчик не перестал всхлипывать. И только тогда вспомнил о Макаре.

* * *

Илюшин поужинал в одном из тихих ресторанчиков в переулках возле Китай-города, надеясь переждать снегопад, а затем прогуляться. Однако надежды его не оправдались, и, выйдя из ресторана, он сразу пошел к метро, накинув капюшон. Прохожие торопились нырнуть в переход, толкая друг друга и ежеминутно поскользываясь на ледяной корке. Макар лавировал между ними, обгонял, пристраивался в хвост к быстро движущимся и широкоплечим, получая от движения в толпе некоторое удовольствие. В вагоне он встал возле двери и полуприкрыл глаза, рассматривая пассажиров и развлекая себя придумыванием историй, которые могли бы случиться с каждым из них полчаса спустя, по дороге домой.

Выйдя из метро, Макар обнаружил, что совершенно стемнело и снег летит даже не наискось, а перпендикулярно, словно задавшись целью причинить наибольший вред пешеходам. Резко похолодало, и ему пришлось замотать шарф вокруг шеи так, что незакрытыми остались одни глаза. Часто моргая от слепящего снега, Илюшин торопливо срезал путь и вскоре вышел к новостройке, мимо которой вела дорога к его дому.

Новостройка была незаконченной. Три высоких корпуса выросли в глубине района за несколько месяцев, и жители успели привыкнуть к постоянной размазне на дороге, которую регулярно вымешивали «КамАЗы». Дойдя до угла первой высотки, Макар, прищурившись, разглядел, что дорога перекрыта, и даже разобрал привычную фразу об извинениях за доставленные неудобства.

Нарисованная на бумажном плакате стрелка недвусмысленно указывала, куда застройщики рекомендуют идти неудачливому пешеходу. Проход между первым и вторым корпусами был узким и неосвещенным, но выбора у Макара не было. Перспектива возвращаться к метро и обходить квартал с другой стороны его не прельщала, и он, фыркнув под нос что-то недоброжелательное в адрес строителей, шагнул в темную щель между зданиями.

По обеим сторонам высились бетонные ограждения, изрисованные граффити. Под ногами у Макара хрустели обломки кирпичей, пару раз он чуть не споткнулся о доски, и мысленно выругал тех, кто догадался пустить пешеходов в обход ремонтируемого участка по столь неудачному маршруту.

Слово «пешеходов» почему-то кольнуло Илюшина. Он прошел еще пять шагов, пытаясь сообразить, что же в нем не так, и вдруг понял.

Кроме него, между строящимися домами не было пешеходов – лишь несколько рабочих в комбинезонах, стоявших к нему вполоборота – так, что он не видел их лиц.

Илюшин молниеносно подобрался, пытаясь понять, когда именно они на него нападут. Он не был силен от природы, но обладал ловкостью и быстротой реакции, хотя до Сергея ему было далеко. Приготовившись драться, Макар пропустил тот момент, когда обманчивая опора под его ногами ушла вниз, и не успел отреагировать на случившееся правильно.

Впрочем, он бы и не смог – настолько ошеломляющим оказалось то, что произошло в следующие несколько секунд. Только что Макар шел по асфальту – и вдруг асфальт сморщился, резко просел под его тяжестью, и Илюшин, потеряв равновесие, полетел вниз, тщетно стараясь в своем коротком полете за что-нибудь зацепиться.

Полет закончился очень быстро ударом об землю. Макар упал, но тут же вскочил, задрал голову вверх.

Он стоял в узкой яме глубиной около трех метров. Под ногами у него – теперь-то он мог это разглядеть – была ткань типа брезента – плотная, темная, обманчиво похожая на асфальтовое покрытие. Илюшин не успел удивиться тому, как ловко была устроена ловушка, потому что увидел темные фигуры, столпившиеся на краю ямы.

Их было много – не меньше восьми человек. Они стояли со всех сторон и молча смотрели на него сверху. Каждый второй держал в руках что-то вроде длинноствольного ружья, и Макар изумленно подумал, зачем же нужны длинностволки, если в наше время можно убрать человека куда менее шумным способом. Но движение одного из стоявших показало ему, что он ошибся. Человек поднял длинный предмет, который держал в руке, и Макар увидел, что это лопата.

Люди на краю ямы, в которую он угодил, как глупое насекомое к муравьиному льву, не говорили ни слова. Илюшин молчал, потому что гортань стиснул страх. Он видел, как размеренно поднимаются лопаты и грязь вперемешку со снегом летит прямо на него.

От первых комьев он увернулся, но следующие полетели более метко,

попадая ему в голову, в лицо, осыпаясь с его шарфа кусками мокрой глины. Его закапывали, и хотя очевидна была несоразмерность усилий, затраченных людьми на краю ямы, с объемом работ, который им предстоял, Макар не прислушивался к голосу рассудка. Извечный ужас человека – быть похороненным заживо – поднял голову и громко кричал внутри него, не давая рассуждать, не давая даже попытаться найти выходы.

– Что вам нужно?!

Люди продолжали делать свою работу молча. Жмуря глаза от летящего снега и грязи, Макар все же разглядел, что лица их закрыты масками, и на короткое время в нем ожила надежда – незачем прятать лица, если его собираются убить. Но в следующий миг здравый смысл подсказал, что маски могут быть защитой не от него, а от постороннего, вздумавшего сунуться в проход между домами.

– Стойте!

Они не останавливались, и Илюшин перестал кричать и начал действовать. В два шага оказался возле края ямы, подпрыгнул, ухватившись за скользкую землю, и еле успел отдернуть руки – острие лопаты рассекло землю в том месте, где секунду назад были его пальцы. Макар попробовал выбраться с другой стороны, но раздавшиеся над ним глухие смешки убедили его, что эта попытка бессмысленна.

«Они меня закопают». Эта мысль пульсировала у него в голове в такт слаженному движению лопат. Но тут по невидимому сигналу движения копателей прекратились, они замерли, облокотившись на свои лопаты. Снизу Макар видел темные фигуры, похожие на статуи, чувствовал запах мокрой земли и еще чего-то, вроде жженого пластика и краски. Он уже не обращал внимания на снег, слипшийся на ресницах, и машинально вытер его рукавом только тогда, когда на край ямы ступил еще один человек.

На несколько секунд воцарилась тишина, и Макар услышал шум машинного двигателя где-то неподалеку.

– Хватит тебе? – хриловатым насмешливым голосом спросил появившийся человек. – Хватит, я говорю?

Макар не ответил, прищурившись и пытаясь разобрать черты лица, не спрятанного под маской. Бесполезно. Даже если бы не валил снег, лицо говорившего находилось в тени.

– Чего молчишь, сыщик? Слышь, ребята, подбросьте ему еще!

Фигуры снова задвигались, но Илюшин даже не попытался закрыться. Холодная ярость от унижения вместе с уверенностью, что никто не будет его убивать, нахлынули на него, и он демонстративно выпрямился, ощущая, как сползает с шарфа очередной ком, а за шиворот из-под

капюшона протекает ледяная жижа, медленно просачиваясь сквозь свитер, словно кто-то неторопливо прижимает к его спине мокрые пальцы.

– Хорош молчать, чучело! Замерз там, что ли?

Мужик без маски наклонился, взгляделся в Илюшина.

– Посвети на него! – раздался хриплый приказ.

Секундная заминка – и в лицо Макару ударил луч света.

– Э, нет. Живой. Слушай сюда, сыщик! В дело Силотского больше не лезь. Понял? Сунешься еще раз – останешься в этой яме. А в соседней будут лежать твой приятель, баба его и ребенок.

Хриплый отступил назад, за ним и остальные растаяли в темноте, и минуту спустя Макар почувствовал, что в проходе больше никого нет. Вокруг него была навалена груда земли, доходившая до колена, куртка и джинсы перепачкались. Слева и справа вырастали темные башни корпусов, и в темноте казалось, что они пробивают небо и уходят в черную бесконечность, а не заканчиваются пятнадцатью этажами. По лицу стекала ледяная грязевая масса, воняющая бензином.

Он вытер лицо, медленно обошел яму по периметру, выбрал наименее высокую стену, подпрыгнул и схватился за край, но земля под руками поехала, и Макар сполз обратно. Ему удалось выбраться только с пятой попытки, и некоторое время он лежал плашмя на животе, переводя дыхание.

Затем встал, с отвращением сдернул сырой, пропитавшийся грязью шарф и огляделся. Никого, как он и думал.

* * *

– Они меня подозревают!

Это было первое, что выпалил Сенька, когда они встретились в кафе.

– Подозревают! Нет, ты можешь представить себе такую чушь? Чтобы я! Димку! И, понимаешь, это все всерьез, не игрушки-трали-вали... Денис, что делать-то, а?

Крапивин прикрыл глаза, прикасаясь губами к тонкому белому фарфору, нагревшемуся от кофе. Ощущение оказалось неприятным, и Денис открыл глаза. Напротив него сидел, перегнувшись через стол, насколько позволял живот, Швейцарец, и мелкие капли пота собрались у него на лбу, под курчавыми волосами.

Сенька был карикатурным евреем. Маленьким, толстеньким, носатым, с черной бараньей порослью на голове, живым и очень подвижным. С

годами растущее брюшко и оплывающие бока стали несколько затруднять подвижность, однако плавности Сенькиным движениям это ничуть не прибавило: он по-прежнему, по выражению его жены Риты, пытался скакать, словно молодой козлик. Иногда козлик спохватывался, что ему что-то мешает, удивленно созерцал свой живот, сетовал на то, что Рита его безбожно раскормила, и заказывал новую порцию бифштекса, «и попрожаристее!». Сенька был мясоедом, да и просто любил вкусно покушать.

Для полной карикатурности Швейцману не хватало картавости. Однако на этом природа решила остановиться, видимо, решив, что Сеньке и так отпущено чрезмерно много национальных черт. Швейцман говорил без московского «аканья», правильно, почти красиво, но только в тех случаях, когда не торопился. Если же его мысли начинали опережать темп речи, Сенька превращался в мелкий чернявый вулкан, еще не извергающий лаву, но уже плюющийся во все стороны, предупреждая о скором ее появлении.

Сейчас Крапивин наблюдал, как Сенька щедро разбрызгивает над столом запасы слюны, машет руками, чуть не задевая белый матовый кофейник, тычет пальцем в хлеб, оставляя вмятины в свежем мякише.

– Не порть мой завтрак, – попросил Денис, отодвигая блюдо с хлебом. – Что ты нервничаешь?

– Я нервничаю? Я не нервничаю! Боже упаси меня нервничать! – Швейцман выхватил платок, провез им по лбу, размазывая бисеринки пота. – Отчего, скажи на милость, мне предаваться этому непродуктивному занятию? Может быть, оттого, что мой друг взорвался, и завтра мы будем хоронить то, что от него осталось? Может, оттого, что меня обвиняют в его смерти, намекая, что я собирался купить его бизнес? А? Нет, ну что ты, у меня нет ни малейшего повода для волнения!

Швейцман нервно сунул руку в карман, чтобы вынуть пачку сигарет, но вовремя вспомнил, что Денис бросил курить, и достал руку обратно.

Крапивин помолчал, потом начал говорить. Говорил он не торопясь, веско, по делу, и его слова были совершенно справедливы. Он объяснил, что следственная группа попытается прижать всех, кто может иметь хотя бы минимальный мотив для убийства, что им будут предъявлять самые абсурдные обвинения, и к этому нужно быть готовыми, что никто не полагает всерьез, что лучший Димкин друг взорвал его для того, чтобы купить фирму «Броня». Это всего лишь часть работы тех, кто ищет настоящих преступников, и нужно отнестись к неприятному общению с ними философски. Как к дождю, когда ты без зонта: противно, мокро, но

скоро закончится. Денис занудно излагал то, что было очевидно и ему самому, и Сеньке, но что требовалось произнести вслух, чтобы Швейцману стало легче.

Глядя на его бесстрастное лицо, в котором взгляду не за что было зацепиться, Семен думал, что Крапивин не меняется – все такой же Здравомысл, что и в школе. Озвучиватель прописных истин, ходячая энциклопедия банальностей. Просто удивительно – при его-то способностях, при его эрудиции, оставаться ходячим белым воротничком, приносящим доход своей корпорации, занимающимся пустым выбросом энергии в пространство... Ланселота всегда отличало фонтанирование идеями; самого Сеню – способность к марш-броскам на пути к поставленной цели с выбором максимально короткого пути; Дениса Крапивина не отличало ни-че-го.

«Хоть бы книжку написал, что ли... мемуары... – странная мысль неожиданно пришла в голову Швейцману. – О нас бы рассказал. Как дружили, как росли...» В размышлениях о Денисе Сенька сам не заметил, как постепенно успокоился.

– Полине не звонил? – осторожно спросил он, когда Крапивин выдохся со своими успокоительными идеями и замолчал.

Тот быстро взглянул на него и отвел глаза. «Понятно. Не звонил».

– А Владиславу Захаровичу?

– А зачем? Наверняка он увидел новость в газетах, а если бы и не увидел, ему бы сказала... Ему бы сказали. Если он захочет пообщаться с нами, прийти на похороны – у него есть наши номера. Но я думаю, что Владислав Захарович не захочет.

Денис аккуратно промокнул губы салфеткой, тщательно сложил ее и засунул под кофейное блюдечко, так что снаружи остался белый уголок, напоминающий отутюженный платочек.

– Слушай, ты можешь хоть что-то делать не так идеально? – внезапно взорвался Швейцман, сам не понимая причины своего гнева. – Салфетку – и ту не можешь просто по-человечески скомкать! Обязательно нужно ромбиком ее сложить! Будь на столе ножницы, ты бы снежинку из нее вырезал!

Крапивин посмотрел на салфетку, потом на красного, потного Сеньку, и взгляд у него стал точно такой же, как в школе, когда Швейцман с Ланселотом начинали орать на него за то, что он весь из себя невозможно правильный. Как правило, это случалось тогда, когда класс собирался сбежать с урока вечно опаздывающей химички, а потом свалить все на неизвестно кем повешенное объявление «Химии не будет, перерыв на сорок

минут». Глупость, конечно, полная, но пару раз в году они все-таки сбегали, хотя директор и старая прокуренная химичка песочили их потом так, что только стружки летели. Но такое случалось редко – только когда Крапивин болел. А если Денис был в школе, то упрямо мотал головой и заявлял, что он останется. Нет, он никого не удерживал, не взывал к их совести – просто сидел за партой, положив на нее руки, как примерный мальчик, и говорил, что никуда не пойдет. Но тогда вся затея теряла смысл, и класс это чувствовал. «Сбежать, так всем» – это было правилом прогулов, потому что весь класс наказать очень сложно, особенно когда двадцать восемь подростковых рож смотрят на тебя невинными глазами и хором говорят: «Но, Вадим Вадимович, там же было объявление!» Исчезновение с урока целого класса – это недоразумение, чей-то просчет. Исчезновение двадцати семи школьников из двадцати восьми – это коллективный прогул.

Но в ответ на крики, ругань и убеждения Денис смотрел прямо, чуть задрав подбородок кверху, и вид у него сразу становился высокомерный до отвращения. И молчал. Просто смотрел молча, и все. И всем остальным приходилось оставаться в классе из-за принципиального Крапивина, и, конечно, пять минут спустя прибежала взмыленная химичка, спотыкаясь на своих высоченных каблуках, и начинала урок, не забыв извиниться за опоздание. Следующие сорок минут одноклассники позади Крапивина сверлили его спину ненавидящими взглядами, а он так и сидел, как памятник самому себе, задрав подбородок.

Сенька вспомнил об этом, и ему тут же стало стыдно.

– Извини, Денис, – сказал он. – Сам не знаю, что на меня нашло. Салфетка эта дурацкая... Прости, ради бога.

– Ничего, – мирно ответил тот и даже, кажется, чуть-чуть улыбнулся.

– Нет, правда, ты не обиделся?

– Не обиделся. Все равно я не умею снежинки вырезать.

* * *

Одновременно с неловким смешком Швейцмана зазвонил телефон. Сенька схватился за трубку, как утопающий за соломинку, и по этому жесту Крапивин понял, что звонит его жена. Для Риты у Швейцарца был заведен свой сигнал, отличающийся от остальных, и хотя они были женаты уже двенадцать лет, он по-прежнему реагировал на ее звонок с той же радостной поспешностью, как много лет назад.

– Ритка! Алло!

Крапивин услышал, как пронзительный женский голос, совсем не похожий на знакомый ему мягкий и неторопливый, выкрикнул что-то в трубке.

– Рита... – упавшим голосом сказал Сенька и стал подниматься, задевая животом о край стола. – Господи, милая моя... родная... подожди, я сейчас приеду! Ритка, не клади трубку!

– Сенья, что случилось? – спросил Денис, но Швейцман не ответил. Он весь был там, где надрывный голос его жены говорил и говорил, не смолкая, держа его, как впившийся крючок. И, будто в такт дерганым движениям крючка, на лице Сеньки проявлялась мучительная гримаса, меняющаяся с каждой фразой жены.

Крапивин с недоверчивым изумлением наблюдал, как сначала задержались Сенькины губы, затем левый глаз резко сощурился, как будто Швейцарец решил посмотреть куда-то вдаль против солнца... Увидев этот нервный тик, Денис почувствовал растерянность. Что могло случиться?

Швейцман, держа трубку возле уха, бросил на стол несколько купюр и торопливо пошел к выходу, не обращая ни на что внимания. Он бормотал что-то утешающее, но лицо его по-прежнему оставалось диковатым – Крапивин понял это по испуганному виду официантки, бросившей на Швейцарца любопытный взгляд. Денис пошел за ним, но Сенька, кажется, этого даже не заметил.

Они вышли на улицу, и ветер, словно только их и поджидал, сорвал с окрестных крыш налетевший не то снег, не то град и пронесся над ними, рассыпая его из пригоршни. В волосах Сеньки застряли белые комочки, и Денису пришла в голову глупая ассоциация с женихом, пробежавшим сквозь строй друзей, осыпавших его рисом.

Догнав друга, Крапивин прислушался к голосу в трубке. Теперь он был не пронзительным, а тихо что-то бормочущим. Затем голос прервался, а в следующий миг захлебнулся в жалобном плаче.

– Я выезжаю, – крикнул Сенька, подходя к своему джипу, нажал на отбой и только теперь, кажется, заметил идущего рядом Дениса.

– Что с ней? – спросил Крапивин, боясь услышать, что Риту избили, изнасиловали, и теперь она лежит в больнице, умирая от стыда и боли.

Швейцман посмотрел на него правым глазом, в то время как левый хитро сощурился, и побледневшими губами выговорил одно-единственное слово. Затем сел в машину и уехал, оставив остолебеневшего и ничего не понимающего Крапивина под апрельским мокрым снегом возле кафе.

– Крысы? – повторил за ним Денис и сморгнул налетевшие снежинки. – Что значит – крысы?!

Глава 6

Машу трясло. Она, всю сознательную жизнь презиравшая истеричек, при всех испытаниях старавшаяся держать себя в руках, на этот раз ничего не могла с собой поделаться. Ей хотелось заплакать громко, в голос, и вцепиться в Сергея как в спасательный канат, брошенный утопающему. Но руки тряслись мелкой дрожью, прекратить которую было ей не под силу, а проходя мимо зеркала, краем глаза она ловила в нем отражение не себя, а странной бледной женщины с рыжими волосами, торчавшими в разные стороны, как проволока, и с глазами норного лори. Они с Костей видели в передаче про животных эту обезьянку с чайными блюдами вместо глаз. Теперь Маша могла наблюдать ее в зеркале.

Сергей собрал их чемоданы, пока Макар давал последние краткие инструкции. Не звонить, не писать, не связываться с подругами и т.д. и т.п. Все это Маша уже знала. Две недели им предстояло жить за городом, в коттедже у какого-то приятеля Макара, вместе с самим приятелем, его женой и детьми. На робкие Машины вопросы, как к этому отнесется принимающая сторона, Илюшин мягко ответил, что все в порядке – коттедж большой, а приятелю не впервой принимать гостей.

Две недели, сказал Сергей. Минимум две недели.

Она не хотела уезжать, не хотела бросать Сергея одного, но понимала: останься они с Костей дома – и от тревоги за них он сойдет с ума. Когда накануне вечером к ним ввалился Макар – грязный, замерзший, с глазами, в которых полыхала холодная ярость, и Сергей, выслушав его, стал рассказывать о том, что произошло с ней и Костей... тогда она впервые услышала, что он может говорить так, будто рычит – хрипло, отрывисто, низким голосом. Движения Сергея стали плавными, замедленными, словно он боялся что-нибудь ненароком сломать, и всю ночь, пока они с Макаром обсуждали дальнейшие действия, Маша тихо сидела в кресле, обхватив колени, и смотрела на мужа, не узнавая его.

Как, впрочем, и Макара. В обоих проявилось что-то звериное, первобытное. Но если Сергей напоминал медведя, то Илюшин больше походил на рысь. Серые глаза его не отрывались от Сергея, мерившего комнату бесшумными шагами, обманчивая юность облика ушла, и теперь никто не назвал бы Илюшина студентом.

Она слышала его рассказ, заставивший ее похолодеть от ужаса и в панике отогнать видение: Костя стоит в черной яме, беспомощно смотрит

на нее, а сверху его засыпают землей и кусками льда люди без лиц. Нет, думать об этом нельзя, даже близко нельзя подпускать эту мысль, от которой в голове сразу мутнеет, а кончики пальцев становятся липкими, словно она обмакнула их в варенье. Нельзя думать об этом. Нельзя.

Чтобы не думать, Маша смотрела на мужа и Илюшина. Ей быстро стало понятно, какую ошибку совершили те, кто напал на Илюшина и на нее с сыном в надежде не допустить частного расследования. Бешенство Сергея и Макара было разного порядка, но оно привело к одному результату – теперь у них появился куда более весомый стимул найти убийц, чем деньги. Стимул, не сопоставимый ни с каким гонораром. Один пережил страх и унижение за себя, второй – за свою семью, и ни тот, ни другой не собирались останавливаться, пока не найдут и не уничтожат угрозу.

Это и пугало Машу до дрожи. Но страх за мужа и за Костю, делавшего отчаянно храброе лицо, в конце концов все-таки заставил ее собраться с силами. Она причесалась, стянув волосы в хвост, сунула Косте его рюкзак и потрепала по плечу совершенно Сережиным жестом. Бабкин уже вытащил в коридор два больших чемодана, переглянулся с Макаром, просочился мимо Маши за дверь, одновременно доставая что-то из-под куртки.

– Все в порядке. Пойдем.

Они спустились по лестнице, а не поехали на лифте. На втором этаже, обернувшись на Макара, замыкавшего шествие, Маша увидела в его руке небольшой серебристый револьвер, похожий на игрушку-зажигалку, когда-то подаренную сослуживцами ее отцу. Она не стала спрашивать Илюшина, настоящий ли у него револьвер. Только сглотнула и чуть ускорила шаг, крепко сжимая руку сына.

* * *

Они вернулись в квартиру Макара только к вечеру. После недолгого совещания решили, что уезжать отсюда бессмысленно: те, кто хочет их выследить, легко это сделают.

– Значит, они засекли нас, когда мы искали подтверждение «жамэ вю» Силотского, – констатировал Макар, глядя из окна на три башни-новостройки в отдалении и усилием воли заставляя себя не ежиться.

Бабкин молча кивнул, и Макар увидел его движение в оконном отражении. Первоначальное предложение Сергея написать заявление в

милицию было быстро отвергнуто – хватило аргумента, что Маше с Костей придется давать показания, а значит, остаться в городе. К тому же они с Макаром обшарили тот участок, где он свернул с главной дороги в узкий проход между домами, но все, что им удалось обнаружить, была яма глубиной около трех метров, в которой остались следы от ботинок Илюшина.

– Даже брезент с собой увезли, – бормотал Макар, обнюхивая каждый сантиметр земли. – Уверен, что они затащили яму какой-то материей вроде брезента. Я на нее шагнул и провалился.

В первую секунду, увидев чистую главную дорогу и предупреждающие таблички с загородками и фонарями возле ямы, Илюшин чуть не выругался от бессильной злости. Да, его поймали в детскую ловушку, но следы подчистили по-взрослому. Яма, как выяснилось, была выкопана на совершенно законных основаниях для проверки канализационных труб, проложенных в этом месте. Рядом действительно валялись битые кирпичи, куски арматуры, бетона и бутылочного стекла, но не нашлось ни одного свидетельства, что вчера ночью здесь находился кто-то еще, кроме самого Илюшина.

– Чистая работа, – признал он в конце концов, усмехнувшись. – Молодцы ребята. Воспользовались подвернувшейся ситуацией, и у них получилось куда эффективнее, чем если бы они пугнули меня на лестничной клетке пистолетом.

Он уже полностью пришел в себя после вчерашней ловушки и теперь сочувственно посмотрел на Сергея, понимая, что тому приходится куда тяжелее. «Вот ведь твари. Знали, на что бить. Женщина с ребенком...»

– Макар, что такое? – чуть ли не с испугом спросил Бабкин, видя, как изменилось лицо Илюшина. «Черт, если бы меня закапывали в яме, я бы сегодня даже говорить не мог. И спать бы, наверное, не смог без кошмаров».

– Ничего, – покачал головой Илюшин, подавив приступ ненависти к неизвестному подонку, угрожавшему Маше с Костей, и к тому, кто его послал. – Давай работать, Серега, у нас очень много неизвестных.

К середине дня неизвестных стало куда меньше.

Дмитрий Арсеньевич Силотский рассказывал о себе чистую правду. Он действительно был успешен в своем бизнесе, и его фирма приносила хороший доход. Силотский часто менял профессии, руководствуясь непонятно чем, и в большинстве случаев ум, предприимчивость и способность легко сходиться с людьми позволяли ему добиваться успеха. Он был владельцем собственной пекарни, продавал торты, занимался

поставкой цветов из Голландии, строил мини-коттеджи, но ни одно дело не занимало у него больше двух-трех лет. Два-три года – и Силотский резко менял сферу бизнеса. Сергей с Макаром знали почему.

– Подсказки судьбы. – Бабкин снова вспомнил Наталью Гольц с ее следованием «знакам»^[4] и подумал, что эти очень разные люди оказались одинаково успешны во всем, за что бы они ни брались. – Думаю, ему просто надоедало делать одно и то же, и он выхватывал нужную подсказку из воздуха. Может быть, придумывал ее сам.

– Возможно. Для нас важно другое – об этой его особенности, точно так же, как и об увлечении фэнтези, знало очень много людей.

– Думаешь, кто-то хотел подтолкнуть его к определенному решению? Например, всей это демонстрацией псевдоизменений реальности заставить Силотского продать бизнес? Это самый простой вариант... Он сам говорил, что расценивал «жамэ вю» как приглашение к новой жизни.

– Очень сложно. Сложно, хитро, и могло не подействовать...

– Но подействовало же! Эффект был достигнут, Силотский задумался о том, чтобы что-то изменить.

– Допустим. Потом вдруг обратился к нам, засомневавшись в истинности собственных ощущений... Полагаю, он что-то подозревал.

– И тогда его убили, поняв, что фокус с изменением реальности не подействовал.

Макар с сомнением покачал головой.

– И все это ради того, чтобы приобрести фирму, продающую бронированные двери?

– Или получить неплохое наследство, – уточнил Сергей.

Илюшин согласно кивнул. Да, пока первым подозреваемым была вдова Силотского. Макар почти не сомневался, что следователь, ведущий это дело, пойдет по тому же пути, даже не зная ничего о подробностях расставания Ольги Силотской с первым мужем.

Они понимали, что следствие будет планомерно и упорно разматывать разные ниточки, ведущие к исполнителям и, в конечно итоге, к организаторам. «Взрывчатка», – сказал Бабкин, и был совершенно прав. Эксперты занимались изучением взрывчатого вещества, подложенного в шлем Силотского, и механизма, позволившего взорвать его, как только бородач сел на мотоцикл. Взрыв был чрезмерно сильным, а это означало, что убийца допустил ошибку. Рано или поздно, Макар не сомневался, ниточка красного цвета – под шлем Силотского – приведет следователя к человеку, подложившему взрывчатку. Он не собирался повторять чей-то путь, тем более что у него не было для этого никаких возможностей. Но он

мог идти по другому пути.

– Почему Силотский звал себя Ланселотом? – спросил Илюшин.

– Что? – Бабкин встрепнулся, поднял на него покрасневшие от бессонницы глаза.

– Силотский попросил звать себя Ланселотом, сказав, что по-другому его с пятого класса не зовут. Странное прозвище для парнишки-пятиклассника, не находишь?

– Что удивительного? Захотелось мальчишке побыть рыцарем, и он им стал.

– Согласен. Но если один мальчишка стал рыцарем, то кем стали остальные?

* * *

Владислав Захарович бережно протер гранит тряпочкой, привезенной из дома, присел на влажную деревянную скамейку, подставил лицо прохладному ветру. Сказать по правде, работы в такую погоду было всего ничего – крест почистить, убрать мусор, воронами накиданный... Ворон на этом кладбище всегда было много. Они ходили по могилам, как хозяйка, перекладывая длинные черные клювы слева направо, цепко оглядывая, что бы стащить. Попировав оставленными на могилах продуктами, принимались играть, и как-то Чешкин, затаив дыхание, наблюдал, как две вороны с почти журавлиной грацией подкидывают в воздух пустую пластиковую майонезную баночку, дожидаются, пока она упадет на землю, поднимают по очереди и снова подкидывают. Они танцевали на соседнем участке, где, как знал Владислав Захарович, лежала семейная пара, дожившая до восьмидесяти лет и скончавшаяся с разницей в четыре дня: сначала муж, затем жена. Когда он смотрел на два одинаковых креста по соседству и вспоминал о том, кто похоронен под ними, его охватывали умиротворение и тихая радость.

Он бросил взгляд на свой крест и порадовался тому, что отказался от фотографии. Хорошо, что Полина его поддержала, потому что среди его друзей принято обязательно помещать фотографию на памятник, а ему никогда не нравилась эта традиция. Так же, как не любил Чешкин оставлять грубые искусственные цветы на могиле, хотя старушки возле входа на кладбище предлагали пластмассовые гвоздики, ромашки и тюльпаны. Цветы эти казались ему жуткими; они были символом той смерти, которая есть полное «ничто»: разложение в могиле, черви,

желтоватые рассыпавшиеся кости... И больше ничего. Глядя на безвкусные кричащие красно-кумачовые лепестки, темно-зеленые стебли с вычурными резными листьями, Владислав Захарович терял уверенность в том, что смерть – это не конец в его беспощадном материальном смысле, или, во всяком случае, не только он...

Очередная похоронная процессия выехала с кладбища, и Чешкин подумал, что это вполне могли быть похороны Силотского. Почему нет? Судьба щедра на саркастические ухмылки, выдаваемые ею за совпадения. С нервным смешком он представил, что Дима мог бы лежать неподалеку от этой могилы.

– Убили тебя... – вслух произнес Чешкин, ожидая вспышки торжествующей радости сродни той, какая охватила его, когда он узнал о смерти Ланселота.

Но радости не было. Более того, и то философское спокойствие, на которое он успешно настраивал себя перед каждым приходом на Колину могилу, куда-то исчезло, сменившись сначала пустотой, а затем ощущением глубокого горя. Не тихой скорби, не старческого смирения перед неизбежным – нет, Владислав Захарович словно вернулся в прошлое, когда он не мог ни есть, ни пить, и даже дышал, казалось, с трудом – потому, что Коли больше не было с ними. Потому что он ушел навсегда.

– Ну тихо, тихо... – попросил старик самого себя, ощущая, как закололо под сердцем. – Не навсегда. Не так много уже осталось. Правда, Коленька?

Ветер шевельнул голые ветки рябинового куста, посаженного Чешкиным.

– Вот и ветерок... – пробормотал Владислав Захарович. – Настоящая весна скоро придет. Помнишь, как ты любил весну? Ну, вот. А на следующей неделе с Полинкой приедем, она тоже по тебе соскучилась. Ничего, Коленька, ничего, жизнь потихоньку живет.

Присказка деда успокоила его, загнала горе вглубь, в ту нору, в которой оно всегда сидело, напоминая о себе лишь редкими покалываниями под сердцем. Нора была такой глубокой, что Чешкину легко удавалось убедить себя, что горя нет вовсе, словно оно прошло, растаяло.

– Жизнь потихоньку живет, – повторил Владислав Захарович и встал со скамейки. – Пойду я, Коленька.

Он посмотрел в ту сторону, откуда ушла похоронная процессия, и подумал, что мог бы легко отыскать свежую могилу и посмотреть, кто в ней похоронен. Еще проще было бы спросить у смотрителя кладбища, не привозили ли хоронить господина Силотского. Дело было громкое, и

смотритель, скорее всего, в курсе.

– Нет уж, – возразил себе Чешкин. – Где лежит, там пусть и лежит. Плюнуть на его могилу я не пойду, а проклятий моих ему и при жизни не дожидаться было, и после смерти не видать.

Он погладил холодный мокрый гранит и пошел к выходу, не оборачиваясь на могилу внука.

* * *

Анна Леонидовна Качкова кричала так громко, что младший сын, с ужасом и любопытством наблюдавший за матерью из-за дивана, подумал, что от такого крика она может лопнуть.

Старший ни о чем таком не думал, он просто сидел на турнике, заткнув уши, и бубнил себе под нос одну фразу. «Хочуфильмхочуфильмхочуфильм»....

– Не будет никакого фильма! – от крика Анна сорвала голос, закашлялась, схватилась за шею.

Сын продолжал бубнить, нахально глядя на нее сверху такими же темными, как у отца, глазами.

– Слышал?! Не будет! Не будет, не будет, не будет!

Выглянув из-за дивана, младший мальчик захлопал в ладоши, решив, что у мамы и брата начинается состязание, и тут же спрятался, поскольку мать метнулась к нему с явным намерением дать оплеуху.

– Вот свалишься оттуда, ноги переломаешь, уколы будут делать каждый час! Слезь немедленно! – исступленно воззвала Анна к старшему, болтавшему ногами над ее головой.

– Хочуфильм!

– Я сейчас тебя сама оттуда сброшу!

– Хочуфильм!

Круглая голова высунулась из-за дивана, младший брат решил внести свою лепту в крики старшего:

– Я тоже хочу! Мама! Фильм!

Это было последнее, чего не хватало Анне, чтобы переполнилась чаша ее ярости. Засучивая на ходу рукава, она решительно двинулась к младшему сыну, собираясь вытащить его за шкуру из-за дивана и устроить выволочку, раз уж до старшего не могла добраться, но ее остановил звонок в дверь. Позвонили два раза, коротко, но решительно, и процедив обоим сыновьям сквозь зубы, что она еще вернется, Анна

Леонидовна пошла открывать незванным гостям.

– Пылесосы продаете? – грубо спросила она, увидев молодого симпатичного парня в свитере и куртке, топтавшегося возле двери. – Не нужны мне ваши пылесосы! Дура я, что ли, за сто тысяч такую ерунду покупать. Другим голову морочьте, понятно?!

Качкова отчитывала мошенника, дав, наконец, выход распиравшей ее яростной энергии, которую не удалось излить полностью на сыновей, но тут парнишка улыбнулся извиняющейся улыбкой и сказал:

– Я ничего не продаю.

– А чего вам тогда нужно?

– Я хотел поговорить с вами о вашем муже.

– О муже? – недоверчиво переспросила Анна Леонидовна. – А зачем об этой сволочи разговаривать?

– Видите ли, меня наняли, чтобы его найти. Вы позволите войти и поговорить с вами?

Сидя в гостиной Качковых, Макар огляделся вокруг. В темной комнате с серыми портьерами до пола был не просто беспорядок – в ней царил бардак. Мягкие игрушки вперемешку с конструктором, разбросанные по всему полу диски, футболки и носки, подушки, несколько пар ботинок, остатки железной дороги... Складывалось ощущение, что здесь не так давно резвилась группа детского сада.

Однако хозяйка квартиры, курившая в кресле, не обращала на кавардак ни малейшего внимания. Светло-голубыми глазами навывкате она внимательно изучала Макара, обдумывая, что ему нужно и во что может для нее вылиться визит частного сыщика.

Илюшин разглядывал ее чуть менее откровенно. Перед ним сидела женщина, которой на вид можно было дать около сорока, в вызывающе коротком шелковом халате – опухшая, неухоженная, с волосами, небрежно покрашенными хной в красновато-рыжий цвет. В отросших черных корнях проглядывали пылинки перхоти. Поджатые губы, пористая кожа, выщипанные бровки... От нее исходило ощущение агрессии, которое Макар чувствовал очень хорошо.

Узнав, что его нанял Силотский, Анна Леонидовна ничуть не удивилась.

– Правильно. Из-за него все случилось, пусть теперь и расплачивается.

Макар подумал, что убитый Силотский уже ни с кем расплатиться не сможет, во всяком случае, на этом свете. Но жене Качкова, похоже, не было до этого никакого дела.

– Что из-за него случилось, Анна Леонидовна?

– Муж мой сбежал, вот что случилось! А потому что сволочь и подлец, вот он кто! Двоих детей бросил, меня бросил, а сам с любовницей укатил!

Она рассказала Макару историю, которую он частично слышал от Ланселота. Но по версии Качковой, не Дмитрий Арсеньевич вытащил ее мужа из долговой ямы, а ее муж оказал Силотскому большую услугу, согласившись стать его заместителем.

– Умный больно ваш Силотский! Один раз человека выручил, а потом всю жизнь долг с него требовал. Муж мой пахал на него с утра до ночи, а денег-то за это начальник ему платил не так чтобы много! Решил, раз Володя ему обязан, так теперь можно им как угодно вертеть, всю работу на него взваливать. А Володька-то мой дурак дураком, так во всем его и слушался. Уважал его не пойми за что. Тьфу, идиот!

– Вы знаете, почему он сбежал? – осторожно спросил Макар.

– Чего тут не знать, – с горечью ответила Анна Леонидовна, закуривая новую сигарету. – Кобель он, как и ваш Силотский, чуть красивую бабу увидит – обо всем забывает. И про детей родных забывает, и про меня, хоть я ему их в муках рожала... – Она всхлипнула, утерла слезы платком. – Думаете, я всегда такая толстая была? Не-ет! Это с ним пожила, детей ему, гаду, нарожала, воспитывала их, поила-кормила, пока он по бабам своим шлялся, вот и растеряла красоту-то.

В комнату просунулись две любопытные мальчишеские мордашки. Анна Леонидовна изобразила улыбку, фальшивость которой почувствовал бы даже слепой удав.

– Иммануил, Серафим, познакомьтесь с дядей, – позвала она детей.

С опаской поглядывая на нее, мальчики зашли в гостиную. Макар хмыкнул про себя, услышав их имена.

– Хорошие у меня детки, бог не обидел, – с тем же фальшивым выражением продолжала Качкова. – Ну все, поздоровались – а теперь идите.

– Мам, можно я фильм посмотрю? – спросил старший, лет десяти, с ясными карими глазами и хитрой мордашкой.

– Можно, Има, можно.

Дети попятились, выскользнули из дверей, потом в коридоре раздалось шуршание и короткий торжествующий вопль.

– Их-то он и бросил, подлец. Ничего, вернется. Он всегда возвращается, кобелюга эдакая.

В квартире жены Качкова Макар провел два часа, пока ее сыновья смотрели фильм про человека-паука. Анна Леонидовна надолго задерживала на Илюшине взгляд, многообещающе улыбалась, тянула вверх

красноватый подбородок, чтобы не было видно морщин на поплывшей шее. Отъезд супруга без предупреждения и в самом деле был для нее привычным делом – по ее словам, раз в году Владимир «уходил в новую жизнь». Но всегда возвращался.

– Да куда он от меня денется! – откровенно засмеялась она в ответ на недоумение Макара. – Я не работаю, детей кормить надо, за все платить... А он, Володька, человек порядочный, хоть и ходок. Да и давно мы с ним, поганцем, живем – уже сроднились. Я знаю про его баб, а он знает, что я знаю. Ну, не выдерживает у него душа, срывается он с насиженного места – и что ж с того? Многие мужики в запой уходят, так оно еще и похуже будет! А про наркоманов и говорить нечего. Нет, мне с ним еще повезло. Хотя и ему со мной тоже!

Она подмигнула Илюшину, поправила поясок халата.

– Сейчас альбомы принесу. Увидите, какие мы молодые были, красивые.

Макар, который сам попросил принести Анну Леонидовну фотографии, прекрасно понял, что она хотела сказать. «Увидите, какая я была молодая, красивая, и убедите меня в том, что я и сейчас такая же».

Владимир Качков явно не любил сниматься – фотографий с ним оказалось не так много. Макар отвесил даме все ожидаемые от него комплименты, рассматривая свадебные снимки и думая о том, что женщина, пахнущая сейчас потом и дезодорантом вкупе с ним, сильно изменилась с того времени, а вот ее муж – не очень. Он и в молодости был мрачноват, сутул, редко улыбался, а на фотографа смотрел с явной неохотой. Жених из него вышел напряженный и неловкий, как и большинство женихов, и видно было, как злит и раздражает его вся эта свистопляска с фотографом, криками друзей и подружек, долгими наставлениями родителей и неизменными конкурсами. Невеста, в отличие от него, старательно улыбалась, кокетливо закрывалась фатой, приподнимала подол платья-«занавески», приседая в пародии на книксен. Тогда она была брюнеткой, и Макар машинально отметил про себя, что натуральный цвет идет ей куда больше, чем красно-рыжий.

Следующие фотографии, уже с маленькими детьми... А вот две семьи совместно строят забор вокруг дачи – шесть соток, туалет в огороде, все как у всех. Качковы собирают грибы в лесу: на стебле цветка застыла росинка, старшему мальчику лет пять, он крепко сжимает в ручонке боровик, а младшему не больше года, и отец держит его на руках с сосредоточенным видом, присев на корточки в приглаженную дождем траву.

Вот у Качкова появляется собака – боксер, и лицо его на тех снимках, где он рядом с ней, смягчается, добреет. Мешки под глазами с каждым годом ставятся все больше и темнее, на лбу прорезаются морщины, и выражение лица все чаще не просто недружелюбное, а брезгливое, и на паре снимков видно, как он рассержен, что его оторвали от дела.

На последних трех страницах альбома не было ни дачи, ни собаки – только подросшие дети, новый джип в разных ракурсах, интерьер той квартиры, в которой сейчас находился Илюшин, веселые полупьяные компании на шашлыках... Альбом заканчивался фотографией, на которой Качков стоял в обнимку с Ланселотом, и на губах его играла несвойственная ему улыбка. Позади них виднелся домик-теремок, обсаженный маленькими елочками, за которыми зеленел лес.

– В гостях у Силотского, на даче, в Крылецком, – неохотно пояснила Анна Леонидовна.

– Как вы думаете, кто мог его убить?

– Как кто? – она взглянула на него светло-голубыми глазами без ресниц. – Конкуренты, ясное дело. Кому б еще понадобилось!

Из соседней комнаты раздались крики, свидетельствующие о том, что фильм закончился, и братья сцепились в очередной драке. Анна Леонидовна поднялась, с сожалением провожая Илюшина, и в широкой прихожей, увешанной зеркалами и дорогими светильниками, заметила напоследок:

– Так что не ищите вы его, сам объявится не сегодня-завтра. А захотите еще что спросить – приходите, милости просим. Всегда рады!

* * *

Вернувшись к себе и по дороге соблюдая все предосторожности, которым Бабкин его обучил, Макар застал только что вошедшего Сергея. Торжествующее лицо напарника яснее всяких слов сказало ему, что поездка в фирму, занимающуюся наружной рекламой, увенчалась успехом.

– Опознали? – спросил Макар, уверенный в ответе.

– Опознали, – подтвердил Бабкин. – Сам же Качков к ним и приходил, они его сразу же узнали по фотографии.

– Когда?

– В прошлый четверг. Не мудрствуя лукаво, он попросту сунул им денег и объяснил, что заключил хитрое пари, и если выиграет, то принесет еще столько же.

– Видимо, неплохо сунул, раз они не побоялись пойти на такое. Не думаю, что заказчик рекламы обрадовался бы, увидев, что на оплаченном им месте рекламируется не его продукт, а неизвестный тюбик другого цвета. Про увеличение количества зубов у девушки и говорить нечего... Хотя, возможно, это было бы расценено как один из побочных эффектов от использования данной зубной пасты.

– Качков сказал, что ему нужно четыре дня, а после этого можно возвращать плакат в исходное состояние. Все-таки рисунок не напечатан, а нанесен поверх первоначального, хотя это сделано очень качественно.

Макар уселся в кресло, прихлебывая горячий чай, Бабкин расположился было на подоконнике, но, глянув на окна соседнего дома, задернул шторы и переместился на диван.

– Итак, мы достоверно знаем, что именно заместитель Силотского занимался непосредственным изменением окружающей реальности. Само по себе это не является преступлением, и привлечь Качкова за перекрашивание дверей в ярко-зеленый цвет, к сожалению, нельзя. Его мотив нам неизвестен, хотя на поверхности лежит возможность его сговора с тем (или теми), кто хотел купить бизнес Силотского.

– А когда мы сунулись к Ольгиному дому, нас быстро вычислили и решили убрать с дороги. Качков вряд ли провернул охмурение собственного босса в одиночку, скорее всего, у него и у тех, кто на нас напал, есть сообщник, он же координатор всего дела.

Макар поднял взгляд от чашки, Сергей хмуро посмотрел на него. Обоим без слов было ясно, кто претендует на роль сообщника Качкова.

– Ты выяснил что-нибудь интересное у его жены? – прервал молчание Бабкин.

– Качков не оставил ей ни записки, ни сообщения. Просто исчез – и всё. Только случилось это не в понедельник, когда он не вышел на работу, а раньше – в пятницу. Он просто не вернулся домой.

– Почему она не заявила в милицию?

– Во-первых, была с детьми у матери в другом городе. Во-вторых, потому что это случалось и раньше. У них не самая счастливая и безмятежная семейная жизнь, поверь мне. Видимо, Качков время от времени устраивал себе разгрузочные дни. Его жена – бабенка скандальная, агрессивная, возможно, с наследственными заболеваниями, которые не способствуют укреплению нервной системы. Ни о ком, кроме себя, думать не желает, утверждает, что не знает, где ее муж, но он обязательно вернется, как Карлсон.

– Она может врать...

– Безусловно. Но одно скажу тебе точно: придумать идею с «жамэ вю» она бы не смогла. Незамысловатая тетка, родители – выходцы из деревни, она городская в первом поколении. У нее даже говор такой... с оканьем. Совершенно уверена, что муж от нее никуда не денется, или делает вид. Но если она притворяется, то очень убедительно.

Он встал с кресла и пошел заваривать вторую чашку чая. Вернулся и, глядя на задумавшегося Сергея, добавил:

– Да, забыл сказать: сегодня нам предстоит наведаться в фирму «Броня». Так что собирайся, будем общаться с коллегами господина Качкова.

* * *

Подъезжая на машине Сергея к одному из двух корпусов бывшего училища, стоявших поодаль друг от друга, Бабкин с Илюшиным издали увидели под окнами второго этажа крупную вывеску «БРОНЯ». Внезапная апрельская метель сменилась ярким солнцем, от которого растаял свежесвыпавший снег, и при ближайшем рассмотрении обнаружилось, что с темно-серых внушительных букв падают капли, разбиваясь о тонкую наледь внизу и разлетаясь в разные стороны.

Чтобы не дожидаться лифта, перед которым с озабоченным видом толпились люди, сыщики стали подниматься по лестнице, и Илюшин вдруг сказал:

– А знаешь, Серега, у меня такое ощущение, что сейчас мы с тобой узнаем много нового.

Бабкин остановился, с подозрением посмотрел на него. Ради поездки в «Броню» Макар оделся солиднее – мягкая замшевая куртка, тонкий коричневый пуловер – хотя и теперь ему нельзя было дать больше тридцати.

– Отсутствие полосатого шарфа так на тебя подействовало, что ты приобрел способность к прорицанию? – скептически осведомился Сергей.

– Иронизируй сколько хочешь, мой недоверчивый друг. С каждой пройденной ступенькой во мне крепнет убеждение, что в «Броню» нам стоило бы наведаться раньше.

– Вот сейчас и проверим твои ощущения и подозрения, – буркнул Бабкин, открывая тяжелую дверь с круглым окном-иллюминатором и с выгравированной в ретростиле надписью «Броня». – С выдумкой сделано, не иначе Силотский автор.

Полтора часа спустя он закрыл за собой тяжело подающуюся дверь. Вниз они с Макаром спустились молча, бросили взгляд на подъехавшую милицейскую машину, переглянулись и, не сговариваясь, прошли к своему «БМВ» окружным путем, огибая стоянку.

– У меня такое чувство, будто он давно уже опередил нас шагов на двадцать, и с каждым разом мы только будем узнавать, как именно это произошло, – не выдержал Сергей, когда они сели в машину. – Вот же хитрый мерзавец.

– Нужно признать, что ничего сложного в *этом* шаге не было, – мрачно отозвался Макар. – Деньги сами шли в руки, оставалось только грамотно их увести. Не сомневаюсь, что именно так он и сделал, и теперь несколько миллионов тихо лежат в каком-нибудь офшоре и ждут своего владельца. Любопытно было бы знать, сколько времени Качков готовил этот план?

Бабкин не ответил, завел машину, и они тронулись с места. Перед глазами Илюшина стояло мрачное, насупленное лицо человека с бульдогом, который сначала хитроумным способом пытался убедить Силотского в нереальности окружающего его мира, а затем украл его деньги.

– Или наоборот, – вслух гадал Макар. – Или одновременно. Одной рукой убеждал, а другой рукой крал.

– Скотина редкостная этот Качков, – охарактеризовал пропавшего заместителя Бабкин, и Илюшин, избегавший давать оценки людям, на этот раз был вынужден с ним согласиться.

В фирме «Броня», потрясенной страшной смертью шефа, царили хаос и растерянность. Никто не работал: сотрудники сбились в кучки по кабинетам, вполголоса обсуждая убийство Ланселота и новость, ставшую известной за несколько часов до визита Бабкина и Макара, – Владимир Качков, пользуясь правом первой подписи, завизировал несколько договоров поставки на общую сумму шесть миллионов долларов и провел эту сделку мимо главного бухгалтера. Обнаружилось это лишь несколько дней спустя, поскольку проверочный звонок из банка после поступления платежки на столь значительную сумму девочка из бухгалтерии перевела на самого Качкова. И тот, естественно, подтвердил, что все в порядке и сумму действительно можно переводить. Фирма оказалась подставным лицом, деньги ушли из нее в тот же день, и теперь найти их не представлялось возможным.

Так же, как и Владимира Олеговича Качкова.

Узнав о том, что два приехавших частных детектива собираются искать сбежавшего заместителя, двое молодых менеджеров разразились издевательским хохотом, а начальник отдела безопасности издал хриплое хрюканье, отдаленно напоминающее смешок. Главный бухгалтер – женщина лет пятидесяти, с круглым лицом и такими полными щеками, что, казалось, они наползают на глаза, приложила руку ко лбу, глядя на Макара воспаленными глазами, и тихо всхлипнула.

– Господи, может, и в самом деле вы его найдете, – простонала она. – Мы-то чем можем вам помочь?

– Все, что надо, сделаем, – подтвердил начальник отдела безопасности после того, как Бабкин коротко описал ему последний разговор с Силотским, исключив из него все, не касавшееся Качкова.

На самом деле сделать сотрудники осиротевшей фирмы ничего не могли. Но они могли рассказать то, что знали о Владимире Олеговиче. Рассказы их оказались неожиданно похожими.

– Он хитрый, себе на уме, – говорила, утирая слезы, бухгалтер Ольга Сергеевна. – Ни с кем не делится, никому ничего о себе не рассказывает, и, знаете, такой... куркуль. Дмитрий Арсеньевич ему доверял безоговорочно – ну как же, он для человека хорошее дело сделал, разве тот может его предать! – В голосе ее зазвучала злая насмешка, но не над Ланселотом, а над самой собой. – Да и я одно время тоже так думала, хотя, казалось бы, уж мне-то грех людей не знать – все ж шестой десяток на свете живу. Нелюдимый он, Качков.

В отделе менеджмента по работе с клиентами молодые ребята и две девушки, перебивая друг друга, характеризовали Владимира Олеговича так, что с первых их слов Сергей понял, насколько его не любили в фирме.

– Развернулся на новой работе, надсмотрщик! Был никем, а тут наш Дмитрий Арсеньевич пригрел его, гада, да еще и дал почти неограниченные полномочия...

– А Владимир пользовался этим на полную катушку.

– Парня уволил, который ему не понравился, – сказал, что он с клиентами плохо работает.

– На девчонок орал, когда те на лестницу тайком курить бегали. А куда им еще бегать, не на улицу же в двадцатиградусный мороз!

– На деньги очень уж жадный. Такой, знаете ли, простой мужик с деревенскими корнями, хитрющий, необразованный... Но свое всегда урвет.

– Точно. Вот и урвал... свое. А заодно и чужое.

Начальник охраны во время беседы с Илюшиным вертел в руках один

карандаш за другим и с хрустом их ломал. Половинки торчали из пепельницы, нацеливаясь на Макара.

– Говорил я, тыщу раз говорил шефу: зря вы, Дмитрий Арсеньевич, так в людей верите, – в голосе мужика звучало неподдельное страдание. – Обожжетесь вы через это дело. Черт, будто накаркал!

– У вас были какие-то подозрения в отношении Качкова?

– Да не было у меня подозрений! Не нравился он мне, вот и все дела. Вы знаете, что шеф за него долги выплатил, с кредиторами его разобрался? Так это все с моей помощью делалось. Тогда-то я слова против не говорил: разобрался и разобрался, помог другу детства – и славно. А потом шеф меня как огорошит: возьму, заявил, Володьку к себе заместителем, у него есть жилка предпринимательская, а верный человек всегда нужен, на него в любой ситуации можно положиться. И взял этого... волка.

– Почему волка?

– Да потому что Качков смотрит на всех, словно из чащи. Ни улыбнуться лишний раз, ни поговорить за жизнь... Правда, бабам он нравится, и девчонки наши за ним бегали... Дуры, тьфу! У него тех баб – как грязи. То одна его после работы встречала, то другая... А ведь он женат, и детишки у него имеются. Правда, жену его я не видел, он ни фотографии ее не показывал, ни рассказывал про нее. Замкнутый очень, и никого в свои дела не пускал. Только с шефом улыбался, языком чесал – теперь-то понятно, почему. Наверное, сам же его и убедил дать ему право одному документы подписывать. Я уж теперь думаю... – начальник охраны понизил голос, наклонился над пепельницей с карандашами поближе к Макару, – уж не он ли все это затеял... со взрывом-то? С него станется, с козла!

В остальных отзывах о Качкове было так же много эмоций и мало фактов.

– Хам он, вот и все! – звенящим голосом отрезала девушка – одна из тех, кто, по словам начальника охраны, была увлечена Качковым. – И ворюга!

– Вокруг Дмитрия Арсеньевича увивался, как уж, – добавила вторая, постарше, работавшая в отделе бухгалтерии. – Они и выпивали вместе в его кабинете, и даже как-то раз пытались песни петь. – Она улыбнулась сквозь слезы, но улыбка тут же исчезла с ее лица. – Господи, что же за человек такой...

– Ты заметил, – спросил Бабкин, заезжая во двор, – насколько плохо все к нему относятся? Никто не сказал, что удивлен его поступком. Ни один человек!

– Причиной может быть его нелюдимость и нежелание общаться. Обычно все не любят закрытых людей – они сами буквально напрашиваются на подозрения в чем-нибудь нехорошем. Но в данном случае подозрения оказались обоснованными.

– Слушай, Макар, но неужели же Силотский не видел того, что описывают его сотрудники, а? Он же умный мужик! Был...

– Видишь ли, мой доверчивый друг, собственное благодеяние может закрыть глаза лучше любых розовых очков. Кто из известных сказал, что человек – это его имя? Забыл, потом вспомню. Так вот, большая доля истины в этом есть. Если бы тебя с пятого класса звали Ланселотом, то к сорока годам, вполне вероятно, ты старался бы выглядеть человеком порядочным, благородным и верящим в людей – старался настолько, что в конце концов эти качества могли действительно стать твоими, изменив характер, данный от природы. Если у покойного Дмитрия Арсеньевича и были подозрения в нечистоплотности Качкова, он вполне успешно их заглушал, поскольку стремился быть рыцарем. У меня даже есть диковатое предположение, – Макар чуть заметно усмехнулся, – не отсюда ли его любовь к мотоциклам, которым куда больше подходит название «железный конь», чем машинам...

Слушая друга, Сергей внимательно оглядывал двор, подолгу останавливаясь взглядом на машинах с тонированными стеклами, затем посмотрел на окна и балконы.

– Силотский видел облагодетельствованного им человека, – продолжал Макар, – и приписывал ему те качества, которые были для него привлекательны в людях – преданность, например. Гордость. Несгибаемость. Заменял реальное...

– Макар, на пол, – тихим напряженным голосом перебил его Бабкин, заметив, как трогается с места темно-синий джип, за лобовым стеклом которого слабо просматривался чей-то силуэт. – Ни разу не видел ее здесь... – пробормотал он, вжимаясь в кресло и полностью сосредотачиваясь на боковом стекле подъезжающей машины.

Илюшин скользнул на пол молниеносно и беспрекословно, скрючился в неудобной позе, упираясь коленями в приборную панель. До слуха его донеслись сумасшедшее воробьиное чириканье, шум приближающегося джипа и глубокий, как перед нырком, вздох Бабкина. Воображение в долю секунды дорисовало ствол, высывающийся из приоткрытого окна и

дерганно выплевывающий очереди в Сергея, не защищенного ничем.

– Ляг, не геройствуй! – шепотом заорал он снизу, изворачиваясь и потянув напарника за джинсовую штанину.

Сергей перевел на него взгляд, странно дернул носом и вдруг хрюкнул. Макар от удивления выпустил ткань. Бабкин хрюкнул снова, и, не сдержавшись, захохотал.

– Ты... ты бы еще вчетверо сложился... – выдавил он, давясь от смеха. – В траве сидел кузнечик! Ха-ха!

Макар недовольно заерзал, пытаясь выбраться из-под сиденья.

– Что, ложная тревога?

– Да все нормально, он проехал. – Бабкин утер слезы, выступившие от смеха, но взглянул на Илюшина, ожесточенно работающего локтями в попытке вытащить самого себя из-под приборной панели, и снова захохотал.

– Я тебе это еще припомню, – пообещал Макар. – Ты небось нарочно загнал меня туда.

– Нарочно, нарочно... Брал реванш за все твои издевательства. «Мой складной друг!» – передразнил он с интонациями Макара. – Тебе помочь, или ты там решил навеки поселиться?

Презрительным фырканьем отметая даже возможность помощи, Илюшин наконец уселся в кресло и перевел дыхание.

– Неудобная у тебя машина, Серега.

– Танк, конечно, был бы лучше, – согласился Бабкин, вылезая из салона и ступая в подтаявшую лужу. – Вот черт, ботинки промочил!

Демонстративно обойдя «БМВ» по сухому тротуару, Макар свысока посмотрел на Сергея, который хлюпал мокрым ботинком, и небрежно заметил:

– Мелкое пакостничество никогда не остается безнаказанным. Пойдем, мой незадачливый друг.

Глава 7

Когда Сеня Швейцман примчался домой, к нему бросилась измученная рыданиями и страхом Рита. Он подхватил ее, хотя был в два раза ниже ростом, потащил в спальню, уложил на кровать, задернул шторы, и сидел, наклонившись над женой, напевая песенки, как ребенку, глядя по черным гладким волосам, начинающим сесть на висках.

Рита принципиально отказывалась красить волосы – она была сторонником естественности – «разумной естественности», как она говорила, – и никогда не использовала краску, не брила ноги, с насмешкой упаковывала обвисшую к сорока годам грудь в бюстгальтер, приговаривая при этом, что лучше ходить с висячей, но своей, чем стоячей, но силиконовой. В основном причиной ее «естественного» подхода к своей внешности являлась безусловная любовь мужа. Сеньке нравилась ее низкая, напоминающая грушу, грудь с большими околососковыми кружками, его возбуждали темные волосы на ее ногах, и седина на висках казалась такой родной, что он просто не мог представить свою Ритку с крашеными волосами.

Он гладил ее, напевая детские колыбельные, до тех пор, пока она не перестала всхлипывать. Когда жена, повторив ему уже без плача рассказ о том, что случилось, наконец закрыла глаза и начала дышать ровно, Швейцман встал, разрываемый острой жалостью к ней, ненавистью к тому, кто придумал так издеваться над его женой, и растерянностью. Он не понимал, зачем это кому-то понадобилось...

Его жена была спокойной уравновешенной женщиной, мягкой, веселой, лишенной страхов, обуревающих многих дам. Она не тряслась за Сенькину жизнь, не боялась темноты и тараканов, не визжала при виде мыши, спокойно смотрела вниз с любой высоты, не потя и не теряя сознания. Все это компенсировал один страх, выросший из раннего детства, – паническая боязнь крыс.

Когда Рите Абрамовой было шесть лет, подружка из детского сада пригласила ее в гости на свой день рождения. Наряженная в сшитое мамой красное бархатное платье с белыми кружевными манжетами и такой же волнистой оборочкой, с вьющимися волосами, перехваченными на макушке красной лентой в тон платью, Рита чувствовала себя принцессой. Все было удивительно прекрасно – и девочки из ее группы, с восторгом копавшиеся в ящике с игрушками, и именинница, разбиравшая подарки, серьезно хмуря

лобик под реденькой челкой, и запыхавшаяся мама, помогающая носить блюда из кухни в комнату, и тихий солнечный день ранней осени, пропахший разрезанным арбузом и пирогом с черникой.

События того дня запечатлелись в памяти девочки выпукло и ярко. Вот Надя достает из коробочки куклу с синими волосами, и остальные гости замирают в завистливом восторге – все, кроме Риты, тихо улыбающейся про себя, потому что точно такая же кукла по имени Женевьева сидит у нее дома на комодке – бабушка купила двух, и одну решили оставить внучке, а другую подарить. Вот кто-то из взрослых, разрезав арбуз, вилкой вычищает из сахарной середины блестящие черно-коричневые косточки, и они отскакивают от тарелки, выпрыгивают на скатерть, а схватишь их – выскальзывают из пальцев, как лягушки. Вот маленькая Оля, сестра именинницы, сняв сандалики и носки, бежит по паркету в коридоре, стуча босыми ножками, спотыкается, падает, и несколько секунд лицо ее словно колеблется между плачем и смехом. Рот жалобно кривится, но черные глаза смеются, и смех побеждает – она хохочет, поднимается и бежит дальше. Ее смех слышен из комнаты, где остались подарки, и Рита вслушивается в него, тайком вжимая палец в прохладную влажную арбузную мякоть.

После обеда Алексей Иванович, папа Нади, вывел девочек на застекленную лоджию, с таинственным видом снял какую-то клетку с полки, и Рита увидела в ней зверька – длинную белую крысу с рубиновыми глазами. Крыса сидела на задних лапах, шевеля крохотными усиками, а позади нее тянулся непропорционально длинный серый хвост – противный, как раздавленный червяк.

– Не бойтесь, – ласково сказал Алексей Иванович, откидывая верх клетки. – Подойдите, познакомьтесь с нашей Груней. Вот ты, – он показал на Риту, – иди сюда.

Рита доверчиво подошла, наклонилась над клеткой. На нее пахло странным запахом. Крыса подняла голову и уставилась на девочку глазками без зрачков. До этого Рита считала само собой разумеющимся, что у всех животных есть зрачки, но у этого, в клетке, были только два красных шарика, утопленных в желто-белой короткой шерсти.

– Погладь, она хорошая, – посоветовал улыбающийся Надин папа, подводя руку девочки к спинке крысы.

С радостным недоверием Рита разжала кулачок, готовясь почувствовать мягкость белой шерсти. В ту же секунду крыса извернулась; длинные желтые зубы впились в указательный палец Риты; девочка дико закричала, ей показалось, что сверху ее накрывают черным колпаком, под которым нечем дышать, и потеряла сознание.

Когда она пришла в себя, окруженная перепуганными взрослыми, то начала плакать и никак не могла успокоиться. Маме пришлось отвести ее домой, а раздраженный Алексей Иванович, сердитый и на Груню, и на себя, бросил жене: «Подумаешь, крыса укусила! Это ж не собака, а грызун! Надо же... какой цирк из этого устроили... девочке внимания хочется, вот и вся причина».

Однако причина Ритиногo обморока и плача была вовсе не в том, что ей хотелось внимания. Дикий контраст между прелестью всего этого дня и молниеносным, ошпарившим ее ужасом от укуса крысы накрыл Риту, и до вечера она не могла избавиться от ощущения, что ее вот-вот снова укусят: беспричинно, больно, зло. Несколько раз она принималась плакать от страха, и в конце концов бабушка, выведенная из себя внучкиными слезами, накричала на Риту, отшлепала ее и отправила спать. Девочка пыталась объяснить, почему ей так плохо, но получалось несвязно, глупо, и рассерженные бабушка и родители пресекли ее жалкие попытки передать словами те ощущения, которые она испытала при укусе.

Ночью Рите приснился кошмар. В этом кошмаре она наклонялась над бидончиком с ягодами, принесенным бабушкой из леса – наклонялась, уже зная, что ждет ее под ласковый говорок бабушки, – и все равно прыжок крысы из бидончика был для нее неожиданным. Крыса вцеплялась ей в лицо, а как только Рита начинала кричать, ругалась голосом Алексея Ивановича. Девочка отрывала ее от себя, отбрасывала в сторону, но вместо крысы появлялся Алексей Иванович, укоризненно качавший головой и подманивавший ее к клетке. В клетке сидела кукла Женевьева, и Рита во сне понимала, что нельзя протягивать туда руку, и все-таки не могла удержаться, и кошмар повторялся заново – теперь с куклой.

В середине ночи она проснулась от собственного крика, прибежала мама и унесла дрожащую дочь к себе в кровать. Утром, потрогав ее лоб, она ахнула и схватилась за градусник; семь минут спустя он показал тридцать девять и четыре. Рита заболела.

Выздоровела она лишь спустя три недели, но крысы навсегда стали ее кошмаром. При виде грызунов ее начинала бить непроизвольная дрожь, и как ни старалась Рита преодолеть ужас, у нее ничего не получалось. В конце концов она смирилась с причудой своей психики, и, зная за собой такую особенность, избегала любых выставок, где могли быть грызуны, а гуляя по вечерам, старательно отводила взгляд от грузовиков за продуктовым магазином, под которым копошились крупные серые твари, и ускоряла шаг.

Утром, после того, как взволнованный Сеня уехал на встречу с

Крапивиным, она отправилась по обычному маршруту – на рынок за свежим творогом к знакомой торговке, затем в магазин за булочкой, потом домой, предвкушая традиционный завтрак с творогом и свежей выпечкой.

В подъезд за Ритой проскользнул чернявый мальчишка лет двенадцати, в последний момент придержав рукой уже закрывавшуюся дверь. Они встали возле лифта, и Рита приветливо кивнула ему. Мальчишка растянул губы в улыбке, но глаза у него были настороженные, очень внимательные.

В руках у парнишки был перепачканный портфель, порванный в нескольких местах. Славный мальчик, подумала Рита, только непонятно, почему у него взрослый портфель, и такой драный... Как будто он его на помойке нашел. Она не видела раньше этого подростка в своем подъезде, но рассудила, что жителей много, и к кому-то из них вполне мог приехать племянник или внук.

Лифт открылся, но мальчик выжидательно смотрел на Риту, и она, улыбнувшись его вежливости, вошла в кабину. Мальчик остановился в дверях, на секунду замешкался, а затем резким движением открыл портфель и вытряхнул его содержимое Рите под ноги – странный пищащий клубок, распавшийся при падении на много частей. Отбросил портфель за спину, ухмыльнулся, и проворно нажав кнопку десятого этажа, отскочил назад, чтобы не прищемило в дверях.

Рита не успела ничего сообразить – настолько быстро и неожиданно все случилось. Она взглянула под ноги, и с ужасом увидела мечущихся по лифту крыс. Их было не меньше десятка – белых и серых, с длинными лысыми хвостами, с острыми мордами. Они перепрыгивали друг через друга, а одна из крыс – в точности такая же, как укусила ее в детстве, вскарабкалась на Ритин сапог и устала на нее снизу красными бусинками. На загривке у твари выступила кровь, и последней здоровой мыслью Риты было: зря мальчик посадил всех крыс в один портфель, потому что они искусают друг друга.

И теперь искусают ее.

С хриплым криком женщина отшвырнула крысу в сторону, резко дернув ногой, и та отлетела, ударилась о стенку лифта, но тут же приземлилась на все четыре лапки. Крик Риты перешел в хрип, потому что перед глазами ее возникла жуткая картина: ее собственное объединенное грызунами тело, и крысы, пирующие на ее лице, – крысы с окровавленными мордами, шуршащие хвостами, перебирающие когтистыми лапками по ее коже. От охватившей Риту паники она даже не догадалась остановить лифт, и до десятого этажа кабину сотрясал ее отчаянный, дикий вопль, в котором явственно слышалось сумасшествие.

Задышающаяся, покрытая холодным потом, с бешено бьющимся сердцем, Рита бежала по лестнице с десятого этажа на свой пятый, и в глазах у нее темнело, а потолок грозил обрушиться черным колпаком, под которым нечем будет дышать. Руки дрожали так, что она трижды роняла ключи, прежде чем смогла открыть дверь, а затем, захлопнув ее, упала без сил. Немного придя в себя, она добралась до телефона и позвонила мужу.

* * *

«Зачем? Кому это было нужно?» – размышлял Семен, сидя возле заснувшей после стресса жены.

Вызванный домашний врач назначил ей успокоительное, немедленно купленное Семеном в ближайшей аптеке, и ушел, качая головой. Швейцман подозревал, что врач не до конца поверил в Ритин рассказ, тем более что ни одной крысы в лифте или подъезде обнаружено не было. Но сам он знал, что жена не могла такое придумать: в ее характере начисто отсутствовали и лживость, и склонность к выдумкам. Нет, крысы были, и был мальчик, вытряхнувший их из портфеля, и был человек, придумавший эту зверскую пытку. Но кто?..

Вспомнив о Крапивине, Сенька вышел в соседнюю комнату, бесшумно прикрыл за собой дверь и набрал его номер. «Денис – человек без фантазии, и в чем-то это хорошо: может быть, он сможет найти рациональное объяснение произошедшему? Черт возьми, кто же мог...»

– Да! – как обычно, суховато сказал Денис в трубку. – Швейцарец, что там у вас?

Семен, путаясь, взволнованно рассказал ему о том, что случилось.

– Прости, что бросил тебя там... возле кафе... – пробормотал он и поймал себя на мысли, что уже в который раз извиняется перед Крапивиним. – Испугался за Ритку... Ты сам понимаешь, она была в полной панике...

– Как она сейчас? – перебил его Денис, знавший о Ритиной фобии.

– Ничего, спит. Выпила лекарство, успокоилась и уснула. Послушай, Денис... – Семен замолчал, тщательно подбирая слова, – это ведь не просто так, понимаешь? Кто-то хотел испугать ее до полусмерти, может быть, воздействовать на меня... И этот «кто-то» выбрал такой способ, чтобы наверняка довести ее до истерики, то есть это человек, который в курсе ее... особенности. Ты меня понимаешь?

Крапивин помолчал, затем веско сообщил:

– Сенька, ты фантазер. Если бы кто-то – не хочу гадать, кого ты имеешь в виду и кому это могло понадобиться, – хотел надавить на тебя, он не стал бы подкидывать твоей жене крыс, а прижал бы тебя другим способом, более действенным, хотя, наверное, менее эффективным. Мальчишка просто-напросто придумал жестокую шутку. Возможно, у него дома пара крыс принесла приплод, и он держал их, сколько мог, а затем родители потребовали от них избавиться, и парень не придумал ничего лучше, чем выкинуть крысят. А может быть, он рассчитывал, что взрослый человек, тем более – женщина, решит подобрать их и из жалости займется их пристраиванием. В голове у подростка может быть все, что угодно – вспомни, пожалуйста, хотя бы вас с Ланселотом.

Швейцман хмыкнул, соглашаясь.

– Так что не придумывай мировых заговоров, лучше озаботься тем, чтобы Рита поработала над собой. Такая паника при виде домашних грызунов ненормальна, ты понимаешь?

– Понимаю, – кивнул успокоенный Сенька. «Действительно, отчего я всполошился? Заразился от Ритки ее страхами». – Спасибо, Денис. Ты, как всегда, все разложил по полочкам, а я пошел на поводу у эмоций. Ритку жалко – слов нет!

– Найди ей хорошего психолога, если жалко, она должна научиться избегать подобных стрессов.

– Хорошо. Ладно, увидимся.

– Увидимся.

Положив трубку, Крапивин откинулся на спинку стула и пару минут сидел неподвижно с открытыми глазами, глядя перед собой. Затем он перевел взгляд на столешницу – там, придавленный пресс-папье, лежал чек из зоомагазина на сумму тысяча восемьсот рублей – за двенадцать крыс и переноску для них. Диковатая усмешка появилась на его лице. Тринадцатая крыса – черная, лоснящаяся, с жирными боками – высунула морду из-за пресс-папье и бесшумно пробежала по столу. Крапивин проводил безразличным взглядом ее хвост – он был перепачкан в чем-то красном и оставлял прерывистые следы на поверхности, – резко крутанулся в кресле и уставился на стену. Когда он повернулся обратно, крысы уже не было, хотя Денис чувствовал: она здесь, неподалеку, наблюдает за ним из темного угла за шкафом с книгами. Он снова усмехнулся и пошел за тряпкой – протереть стол.

– Итак, Качков украл деньги из фирмы, пользуясь практически безграничным доверием покойного Силотского, и, надо думать, сбежал, – размеренно говорил Бабкин, отбивая мясо молоточком в такт своим словам.

Макар растянулся на кухонном диванчике, забросив ноги на спинку. Голова его свисала вниз с края дивана, отросшие светлые волосы почти касались пола. Сергей бросил на Илюшина недоумевающий взгляд, покачал головой и продолжал:

– Из того, что рассказали нам в «Броне», следует, что человек он дрянной, неприятный, хотя и пользуется успехом у женщин. Впрочем, это закономерно – я про успех. Поэтому не исключено, что он сбежал с какой-нибудь подружкой, бросив жену и двоих детей. Судя по тому, что ты о них говорил, я этому не удивляюсь. Раньше он не уходил окончательно, потому что у него не было четырех миллионов долларов, а теперь они появились, и он не собирается делить их с супругой. Слушай, да сядь ты нормально! У тебя физиономия красная – кровь прилила к голове.

Макар нехотя поднял голову, посмотрел на Сергея совершенно ясными глазами.

– Может, мне так лучше думается, – возразил он.

– И что ты надумал?

– Надумал я вот что: Качкову, присвоившему половину дохода «Брони», не было никакого смысла заставлять нас выйти из расследования. Нанять людей, угрожать Маше с Костей, пугать меня... Зачем? Однако кто-то увидел нас возле дома Силотского, понял, что мы догадались о выдумке Качкова и нашли подтверждение своей правоте, и натравил на нас банду. Допустим, организатором всего произошедшего был сам Качков. Это означает, что либо он нас панически боится, либо у него есть сообщник, который остался здесь. Причин Владимиру Олеговичу бояться нас я не вижу: довольно затруднительно двум скромным частным сыщикам отыскать на земном шаре человека с несколькими миллионами долларов. Качков не дурак, и, конечно же, успел позаботиться и о паспорте на другое имя, и рассчитать, как проще и безопаснее выехать из страны. Я совершенно уверен, что его здесь уже нет.

– Ты не думаешь, что он решил остаться и затаиться где-нибудь, пока все не утихнет?

– Вряд ли. Его спасение в быстроте, и судя по тому, что продемонстрировал Качков до сегодняшнего дня, действует он и впрямь быстро. А вот его оставшийся сообщник и впрямь может нас бояться.

– Осталось его найти, – хмуро пробормотал Сергей. – И желательно получить доказательства его виновности, чтобы было с чем сдать его или ее

ментам.

– Да, чистое знание нам ничего не даст, – согласился Макар, глядя, как Сергей обмакивает отбитое мясо в смесь взбитого яйца с какими-то пахучими травами. – Мне, пожалуйста, с кровью.

– Это не бифштекс, а я не английская кухарка, чтобы с кровью готовить. Получишь хорошо прожаренный кусок! – Бабкин аккуратно выложил мясо на сковородку, где оно немедленно зашкворчало, окруженное пузырящимся маслом. – И у нас нет ни одного предположения о том, кто мог взорвать Силотского... Непонятно, организовал ли Качков смерть своего босса или он не имеет к этому отношения?

– Думаешь, это совпадение? – протянул Макар. – Сомнительно. Хотя нельзя исключать, что в деле и впрямь замешан кто-то, не имеющий отношения к краже денег и попытке убедить Дмитрия Арсеньевича в изменении его реальности. Но пока фигурой, объединяющей все, остается Владимир Олегович Качков. Кстати, одну большую ошибку он все-таки допустил – возможно, именно потому, что ему по каким-то причинам приходилось торопиться.

– Какую?

– Когда лично провернул маленькую операцию «жамэ вю», не прибегая к услугам исполнителя.

– Возможно, не мог найти подходящего человека? – предположил Сергей.

– Может быть. Благодаря этому мы знаем совершенно точно, что именно он пытался ввести в заблуждение Силотского. Вопрос «с какой целью?» остается открытым.

– Напрашивается предположение, – заметил Сергей, переворачивая отбивные, – что он хотел таким образом убедить собственного шефа поделиться с ним деньгами. А когда это не получилось и Силотский обратился к нам, просто их украл.

– А зачем убил? – пожал плечами Макар. – Нет, Серега, как ни крути, убийство не вписывается в этот план. Взрыв поднял столько шума в буквальном и переносном смысле, что теперь правоохранительные органы будут искать Владимира Олеговича куда активнее, чем если бы он просто сбежал с деньгами своей фирмы.

– Дело рук сообщника? Который руководствовался собственными интересами?

– Голые предположения, друг мой, голые предположения, и ни одного факта для их обоснования, – пробормотал Илюшин, по привычке взлохмачивая волосы.

– В кои-то веки тебе понадобились факты? – театрально удивился Сергей. – Кто всегда кричал о чутье, которому не требуются доказательства? Кто демонстрировал озарения (случайные, между нами говоря), периодически попадая пальцем в небо? И от этого человека я слышу о желании найти факты?! А как же твоя пресловутая интуиция?

– Моя пресловутая интуиция очень плохо работает на голодный желудок, поэтому ждать от нее пользы бессмысленно. Кстати, я хочу, чтобы ты после обеда съездил к бывшей супруге.

– Зачем? – вздрогнул Сергей.

– Выразить соболезнования. А заодно расспросить ее о друзьях Дмитрия Арсеньевича. Надеюсь, мне не нужно предупреждать тебя об осторожности?

– Поздно, – буркнул Бабкин. – О какой осторожности можно говорить, если по твоей вине мне придется отправиться к женщине, которая меня ненавидит! Эх, даже отбивную расхотелось есть.

– Ничего, – хладнокровно ответил Илюшин. – Мне больше достанется. Может, именно на такой эффект я и рассчитывал.

Сергей бросил на него мрачный взгляд и стал раскладывать мясо по тарелкам.

* * *

Вернулся он вечером и застал Макара за ноутбуком – Илюшин быстро открывал файлы один за другим, пару раз промелькнула новостная лента и исчезла, сменившись чьим-то блогот, затем Макар свернул все окна и обернулся к Сергею.

– Судя по времени, потраченному тобой на общение с бывшей супругой, ты должен все досконально знать о ближайшем круге знакомых Силотского.

– Почти так оно и есть. – Сергей прошел в кухню, поставил чайник: воду пересохло, очень хотелось пить. – Я с ними общался.

– Что?

– Я с ними общался! – крикнул Бабкин, и в дверях тут же появился Илюшин, заинтересованно уставившись на него.

– Рассказывай, – потребовал он. – И мне тоже можешь чая с мятой заварить.

Сергей фыркнул, но подчинился. Развязывая мешочек с мятой, привезенный Илюшину тетушкой Дарьей, он вспомнил тех двоих, что

пришли к Ольге «поддержать ее морально», по выражению одного из них.

– Трое, – сообщил он, заварив мяту и смородиновый лист кипятком. – Их было трое.

– Хорошее начало, почти эпическое, – одобрил Илюшин.

– Не перебивай! Вечно ты меня перебиваешь... Дружили они со школы – Ланселот, Крапивин и Швейцарец.

– Кто? Швейцарец?

– Семен Давыдович Швейцман. А Швейцарец – оттого, что с детства мечтал уехать и жить в Швейцарии, отсюда и прозвище.

– Уехал?

– Нет, не уехал.

– Почему?

– Потому что со временем расхотел, – пояснил Сергей, двумя часами ранее задавший этот же вопрос Семену Швейцману. – Решил, что в страну своей мечты он может приезжать отдыхать, а бизнес лучше делать в России.

– К тому же опасался разочарования, если переедет и обнаружит, что манящее «далёко» вблизи окажется вовсе не столь прекрасным, как грезились... – добавил Макар, размышляя вслух. – А почему у второго нет прозвища?

– Потому что он его не заслужил. Нет, прозвище-то у него было, но в лицо его так больше не называют. «Пресноводное». Должен тебе сказать, я понимаю, отчего Денису Крапивину дали такую кличку.

Перед мысленным взглядом Сергея встали друзья Ланселота – маленький чернявый Швейцман, подвижный, эмоциональный, вносящий в любое действие суматоху, и худощавый бледный Крапивин, с неизменно постным выражением лица, одетый так, словно собрался на совет директоров крупной фирмы или на похороны одного из членов того же совета.

– Ольга успела до их прихода рассказать, что Дениса Ивановича они называют «Человек без фантазии». Он весь такой, знаешь, выверенный до мельчайшей черточки, и говорит очень правильные вещи, но вовремя останавливается. Если бы он проповедовал дольше, слушать его было бы невозможно. Между прочим, довольно состоятелен – один из топ-менеджеров в компании «Дорштейн».

– А Швейцман?

– Швейцарец, как он говорит, крутится в бизнесе. По словам Ольги, он владелец крупного магазина музыкальных инструментов и подумывает о том, чтобы открыть еще один. Семен Давыдович хотел приобрести у

Ланселота его дело и весь последний год уговаривал того продать ему «Броню». В общем-то, Силотский был не против – по тем причинам, которые он нам с тобой приводил: дело поставлено на накатанные рельсы, движется само по себе, заниматься им нужно лишь в той мере, чтобы не дать съехать под откос, а для Дмитрия Арсеньевича это было скучновато.

– Однако бизнес он все же не продал.

– Нет. Швейцман обхаживал его со всех сторон, крутился юлой, но ничего не добился. Да, чуть не забыл: ты спрашивал, почему Ланселот выбрал такое прозвище. Ничего неожиданного: начитался легенд о короле Артуре, вообразил себя рыцарем Круглого стола. Крапивин вспомнил, что привязалась кличка мгновенно, и между собой они Силотского иначе и не зовут.

Сергей снял закипевший чайник, разлил воду по чашкам, в которых сразу всплыли засушенные листочки мяты, и по всей кухне протянулся травяной мятный аромат. Илюшин скорчил физиономию, следя за его действиями, но тетушка Бабкина внушила племяннику, что самая правильная мята заваривается только в чашке и ни в коем случае не в чайнике, поэтому Макару приходилось вручную вылавливать листочки.

– Я сегодня услышал одну необычную вещь, – продолжал Сергей, закрывая обе чашки деревянной доской. – У Семена Швейцмана есть жена, о которой он отзывается с нежностью и заботой. Так вот, эту жену сегодня атаквали крысы.

Он замолчал, ожидая вопроса, но Макар задумчиво смотрел на доску, использованную Бабкиным вместо крышки, и молчал.

– Какой-то подросток выпустил в лифт, в котором она стояла, десяток крыс, а то и больше, – сказал Сергей, поняв, что вопроса не будет. – Панически перепугал жену Швейцмана, потому что она страшно их боится. То ли в детстве ее покусала дикая крыса, то ли с домашней не задалось... Точно не скажу. Швейцман поначалу был уверен, что это проделки кого-то из знакомых – тех, кто осведомлен о фобии его жены, но ответить на вопрос, зачем им это понадобилось, не смог.

– А где находилась его жена в то время, когда ее заботливый супруг делился подробностями происшествия? – спросил Макар.

– Осталась дома с подругой. При мне Семен звонил ей раз пять, если не больше, и очень тревожился: как подействовало на нее успокоительное, нет ли побочных эффектов. По-моему, бедная женщина чуть не умерла от разрыва сердца, когда к ней в лифт выкинули целую крысиную армию.

Макар прищурился, глядя, как Бабкин поднимает запотевшую доску, с которой сразу начали стекать прозрачно-желтые капли. Затем взял ложечку,

бесцельно побултыхал ею в чашке, не выловив ни одного листка, и проговорил:

– Земмифобия, значит...

– Что такое земмифобия?

– Это, мой необразованный друг, как раз и есть паническая боязнь крыс. Кстати, ты не сказал, куда они делись.

– Крысы? Этого никто не знает. Искать их, как ты понимаешь, не стали – думаю, они спокойно разбежались по своим крысиным делам.

– А Швейцман не сказал, какие это были крысы? – неожиданно спросил Илюшин.

– В каком смысле – «какие»?

– Я имею в виду, домашние или дикие, пасюки?

– Не знаю... – растерялся Сергей. – Это имеет значение? А, постой! Кажется, Семен Давыдович упомянул, что крысы были белые...

– Значит, домашние, – констатировал Илюшин, продолжая размешивать мятные листики. – Любопытно, любопытно...

– Что любопытного в том, что они домашние? И зачем ты мешаешь чай, если он без сахара?

– А я создаю центробежную силу, которая размажет мяту по стенкам. Тысячу раз говорил: заваривать чай нужно в чайнике, а не в чашке!

– А я тебе тысячу раз говорил, что в чайнике у мяты вкус и аромат не те! – Бабкин встал, взял чашку Илюшина и процедил напиток через сито. – На, наслаждайся!

Макар с видимым удовольствием отхлебнул чай, откинулся на спинку стула.

– Значит, кто-то хотел сильно напугать жену Семена Швейцмана... Или его самого.

– Постой, крысы могут вообще не иметь отношения ни к нему, ни к его супруге! Денис Крапивин здраво рассудил, что у парнишки могло образоваться лишнее поголовье грызунов, от которых он предпочел избавиться таким своеобразным способом.

– Возможно. Но очень уж все складывается одно к одному... Кстати, – Макар резко изменил тему разговора, – как Ольга? Какое у тебя о ней впечатление?

Сергей помолчал, затем признался:

– Заметно, что она очень любила Силотского. Везде их совместные фотографии...

Бабкин вздохнул. После того, как он неуклюже выразил соболезнование, стараясь избавиться от подозрений в адрес Ольги из

опасения, что не сможет скрыть своих истинных чувств, и его провели в квартиру, Сергей обратил внимание на снимки – на стенах, на полках, в застекленном шкафу. Везде был хохочущий Ланселот, запрокидывающий голову в момент пойманного смеха, словно тычущий рыжей бородой в фотографа, а рядом с ним – улыбающаяся Ольга, смешно оттопыривающая нижнюю губу. На короткое время Бабкин испытал одновременно тоску и удовлетворение: тоску – оттого, что жена никогда не любила его так, как второго мужа, удовлетворение – оттого, что всегда чувствовал свою вину за то, что с ними произошло, а теперь при виде ее счастливого лица на снимках тихий голос вины замолчал навсегда. Потом он одернул себя, заставив думать о расследовании, а не о личных проблемах.

Он незаметно снял с полки одну фотографию в рамке, провел по ней пальцем. Пыль, густой слой пыли. И на поверхности полки, и на легкой изящной рамке «под серебро». Вторая фотография – то же самое; третья – и снова под ней остается след, заметная дорожка в ковре пыли, чуть смазанная движением его руки. Нет, фотографии стояли здесь давно, и никто не пытался обмануть пришедших, выставив напоказ мимолетные картинки ушедшего счастья. Если бы Сергей не обнаружил пыли под снимками, мало что могло бы поколебать его уверенность в виновности бывшей жены. Но пыль была.

К его огромному облегчению, Ольга не билась в истерику и не плакала, иначе он не знал бы, как себя вести, что говорить и что делать. Некоторая двусмысленность его положения – мнимая или реальная – тяготила Сергея, но Ольга держала себя с ним просто, как со старым приятелем, и его неловкость постепенно растаяла. Сергей в который раз отметил про себя, что после косметической операции лицо Ольги утратило присущую ему простоватость, исчезло сходство с косящим зайцем, хотя глаза остались такими же раскосыми, как и были. Неустанная работа над собой возымела результат: Ольга сумела облагородить свою внешность. Сейчас она была не подкрашена, бледное осунувшееся лицо потеряло все краски, но на снимках Сергей видел: макияж она умело наносила таким образом, что он превращал изъяны ее лица в достоинства. Светлые волосы были жидковатыми, но правильная стрижка маскировала этот недостаток. Заметив, что Сергей бросил взгляд на ее руки с облупившимся лаком, Ольга грустным и чуть извиняющимся тоном сказала:

– Не успела... Маникюр сделать не успела, а теперь уж и не знаю, когда. После похорон, наверное.

В первую секунду Бабкина неприятно царапнуло сочетание в одной фразе похорон и маникюра, но уже в следующую его охватила жалость к

бывшей жене.

– Да что ты... – пробормотал он, – какой там маникюр, я все понимаю.

Она выслушала его сообщение о попытке найти Качкова, понимающе кивнула и сосредоточилась, пытаясь вспомнить как можно больше о людях, которых Ланселот считал своими друзьями.

– Тебя интересуют все подробности? – спросил Сергей у Макара, роясь в своих записях. – Сразу предупреждаю, их много, и они самого разного толка. История о том, как Швейцман познакомился с Ритой – со слов Силотского, потому что в то время Ольга еще не была с ними знакома; или, например, сплетни о Крапивине, который никак не женится, потому что долгое время был безответно влюблен в молодую девушку, а ей такой сухарь оказался ни к чему; подробности любовных походов самого Ланселота...

– Стоп, – перебил его Илюшин, отставляя чашку. – Каких любовных походов? Юношеских?

– Нет, не юношеских – недавних. Дмитрий Арсеньевич, представь себе, монахом не был, и очень любил женщин.

– Это я и сам знаю! Вопрос в другом: тебе об этом поведала его вдова? Ее осведомленность о похождениях мужа может означать, что у них были свободные отношения, но вовсе не обязательно, что госпожа Силотская была этим довольна.

– Свободных отношений у них не было, о похождениях рассказала мне не она, но Ольга знала о том, что Силотский не являлся образцом супружеской верности.

– Неужели его друзья?..

– Верно мыслите, товарищ Илюшин. Я тебе не успел сказать, что от Ольги мы вышли вместе с друзьями ее покойного мужа, и пока курили перед подъездом, Швейцман с Крапивиним внесли свои коррективы в безупречный портрет Ланселота, который она нарисовала. Если я правильно помню легенду, Ланселот преданно служил одной даме, так?

– Почти, – согласился Макар. – Что не мешало ему завести ребенка от другой. Впрочем, там были весьма запутанные отношения, и сам Ланселот, насколько мне помнится, утверждал, что его соблазнили, приняв облик милой его сердцу королевы Гиневры. Несколько источников по-разному толкуют их взаимоотношения.

– Понятно, рыцарь все свалил на женщину. Нет, Дмитрий Арсеньевич такого себе не позволял. Швейцман упомянул одну фамилию... Томша, Мария Томша.

– В каком контексте?

– Он спросил Крапивина, как тот думает, будет ли Томша на завтрашних похоронах. Денис Иванович, безусловно, человек очень сдержанный, но передернулся так, словно ему лягушку засунули за шиворот, и всей своей пресной физиономией выразил отвращение к подобной возможности. Правда, очень быстро взял себя в руки.

– А почему ты решил, что эта дама была именно любовницей, а не просто знакомой?

Сергей задумался. Стоило Швейцману упомянуть о Томше, как они с Крапивиним обменялись быстрыми взглядами, словно прощупывая друг друга: «Ты помнишь?» – «А ты?» За десять минут до этого, откровенно обсуждая Силотского, Семен Давыдович сказал, как о само собой разумеющемся, что многие женщины будут его оплакивать, а в ответ на прямой вопрос Бабкина так же прямо объяснил: Дмитрий был любвеобильным мужчиной, но честно предупреждал своих женщин, что на звание единственной ни одна из них не может претендовать. Кроме того, жена всегда стояла для него на первом месте, на той недостижимой высоте, до которой не могла подняться ни одна любовница.

– Ольга знала об этом? – недоверчиво спросил Сергей, выслушав Швейцарца.

Тот кивнул.

– И мирилась?

– Что еще ей оставалось делать? – ответил тот вопросом на вопрос. – Она приняла его правила игры, потому что он предупредил ее о них сразу. И их брак был значительно счастливее многих из тех, где мужья скрывают свои похождения.

– Ольга знала, что Дмитрий ее любит, – невыразительно проговорил Крапивин, глядя не на Бабкина, а в лужу под ногами.

Бабкин посмотрел на его вытянутое бесцветное лицо, скептически подумав, что специалист по любви из Дениса Ивановича, похоже, никудышный. Собственник по натуре, Сергей распространял свои чувства и на других – оттого ему сложно было представить, как может женщина искренне любить мужа, открыто сообщающего, что он ей изменяет.

– Поймите, у Оли имелось то, чего не было у других его баб, – вмешался Швейцман, верно истолковав сомнение на лице сыщика.

Семена Давыдовича поначалу забавлял этот насупленный широкоплечий мужик, ходивший за Ольгой по квартире, как огромный виноватый пес. Волкодав. «Ему бы, этому товарищу, в горы, с альпинистами, или сплавляться по реке, а еще лучше – в экспедицию на Северный полюс... Или Южный. На собаках, закутанному под самые глаза,

бежать за нартами в унтах...» Как человек, считающий, что он занимается интеллектуальным трудом, к тому же приносящим неплохой доход, Семен Давыдович несколько снисходительно относился к тем, кому судьбой изначально предназначено было бежать за лайками на Северном полюсе. Или на Южном.

Но сорок минут спустя Швейцман с удивлением обнаружил, что он разговаривает с сыщиком совершенно откровенно, ничего от него не скрывая. Тот задавал короткие, но правильные вопросы, и даже когда вопросы его казались глуповатыми, они все равно были правильными, потому что в итоге на них давались нужные ответы. Невозможно было устоять и не продемонстрировать мужику, не очень разбирающемуся в отношениях между людьми, свое превосходство хотя бы в этом, раз уж его физическое превосходство подчеркивалось самой природой.

Крапивин поначалу неохотно общался с Бабкиным, но в конце концов, вынужденный то уточнять, то дополнять слова друга, сам не заметил, как начал вставлять короткие фразы. Сергей осторожно присматривался к нему, избегая любой реплики, которая может быть расценена Денисом Ивановичем как давление: если Швейцман казался более-менее понятным, то с этим молчаливым и напряженным человеком следовало быть очень осмотрительным. К концу разговора Бабкин почти решил, что перед ним типичный скучнейший клерк, озабоченный только собственной персоной и в чуть меньшей степени – тем впечатлением, которое он производит на людей, но одно мелкое происшествие заставило его отказаться от столь упрощенной характеристики.

Мимо них прошла молодая женщина с коляской, из которой выглядывал картинно пухлый розовощекий малыш в голубой шапочке с большим смешным помпоном. Она свернула к подъезду и растерянно остановилась – въезд на пандус был перекрыт припаркованной перед самым подъездом иномаркой. Одновременно, не сговариваясь, Бабкин и Крапивин направились к ней, подхватили коляску с двух сторон и подняли по ступенькам под смущенную благодарность женщины; затем Сергей, улыбнувшись ей, отошел в сторону, а за его спиной раздалось довольное гуление малыша. Он обернулся.

Ребенок, смеясь и громко воркуя, тянул растопыренную пятерню, из рукава комбинезона к Денису Крапивину, замершему возле коляски с растерянным лицом. Что-то в нем привлекло мальчика, потому что он, продолжая смеяться, заговорил с Крапивиным на своем детском языке.

– Пойдем, болтун, – рассмеявшись, сказала его мать, и дружелюбно кивнула Денису.

Тот придержал дверь, провожая взглядом смеющегося ребенка, и сбегал по ступенькам обратно к Бабкину и Швейцарцу, тут же включившись в разговор. Однако за те несколько секунд, что Крапивин смотрел на малыша, Сергей поймал в его глазах выражение, если не разрушившее его первое представление о друге Ланселота, то внесшего в него много сомнений.

Тоску увидел Сергей, почти собачью тоску, которую Денис Крапивин успел скрыть от Семена Швейцмана, как наверняка скрывал и многое другое. «Осталось только узнать, – сказал себе Бабкин, – что именно»...

В какой-то момент, поймав короткий взгляд сыщика – неожиданно умный и проницательный, – Семен Давыдович осознал, что тот не только собирает информацию о Ланселоте, но заодно изучает их самих. Швейцарцу стало не по себе, но неприятное ощущение вскоре исчезло, и он убедил себя, что сыщику не хватит ума разобраться ни в нем, ни в Крапивине, ни в Ланселоте. Об этом лишний раз свидетельствовала его наивность в том, что касалось Димкиной «распущенности». Сам-то Швейцман так никогда не говорил – распущенным называла Ланселота Рита, и он, поначалу ожесточенно споривший с ней, через некоторое время стал избегать этой темы в разговорах с женой. «В конце концов, для женщин секс значит куда меньше, чем для мужчин, оттого-то они и не способны понять то, что ясно нам».

– Так что же было у его жены, чего не имели другие дамы? – заинтересованно спросил сыщик. Он присел на корточки и теперь смотрел на коротышку Швейцмана снизу вверх, отчего Семен Давыдович почувствовал себя свободнее и раскованнее.

– Пусть мои слова прозвучат напыщенно, но у нее была его любовь. Уверяю вас, они любили друг друга, это все знали! Димка разделял физическое и духовное; он легко поддавался зову плоти, разрешал себе эдакое, знаете ли, баловство, но он, к примеру, никогда не поехал бы с любовницей на курорт! Только с женой! Любить жену – это одно, спать с любовницами – совсем другое. Темперамент, знаете ли, никуда не денешь, а укрощать себя...

– Дима был не из тех, кто любит заниматься укрощением себя, – заметил Денис Крапивин со странной интонацией – казалось, в ней прозвучали одновременно горечь и насмешка, но и то, и другое он постарался скрыть. – Скорее наоборот.

– Нельзя сказать, что он потакал своим страстям, – подхватил Швейцман, – но он, определенно, не ставил целью всей жизни их обуздание. И еще учтите, что Димке всегда было наплевать на

общественное мнение! Для него не существовало ограничений, кроме собственной морали. Любопытно... – задумчиво протянул он, помолчав и словно забыв о присутствии сыщика, – как ты думаешь, Денис, Томша завтра придет?

* * *

– Вот тогда-то они и переглянулись, – закончил Бабкин. – Потом Крапивин опять уставился на лужу. Смешно сказать – он так тарачился в нее, что я даже присел, чтобы рассмотреть: не увидел ли он в ней чего-нибудь на дне.

– И что же?

– Лужа как лужа. На дне асфальт.

– Понятно. Значит, из контекста разговора и поведения друзей Силотского следует, что Мария Томша была его любовницей. Знаешь, Серега, о чем я думаю?

– Не имею ни малейшего представления. Ты можешь думать о страусиных яйцах, военном перевороте в Гватемале или о короле Артуре.

– Почти угадал. Я думаю о том, что завтра нам с тобой просто необходимо быть на похоронах господина Силотского. Во-первых, не мешало бы спровоцировать наших неизвестных друзей, угрожавших Маше и мне, на какую-нибудь активность. Меня настораживает, что нам с тобой до сих пор никто не пытался помешать. И во-вторых, не удивлюсь, если там произойдет что-нибудь... не совсем ожидаемое.

Глава 8

С раннего утра день был солнечный. Чистое апрельское небо, словно разгладившееся после недавней снежной бури, отливало той невероятно светлой синевой, какая бывает только по ранней весне. Кладбище было новое, деревья не успели вырасти, и посаженные рядом с соседними могилами кусты робко качали узловатыми ветками, словно извиняясь за то, что здесь так голо, бесприютно.

Людей собралось много. Под конец церемонии, когда гроб рывками поехал вниз – в глубокую черно-коричневую яму, – со стороны въезда раздалось рычание мотоциклов. Пятеро приехавших байкеров подошли к могиле, негромко переговариваясь друг с другом. Они встали вместе. Их яркие куртки смотрелись чужеродными неуместными пятнами среди серых и черных одежд остальных, провожавших Ланселота.

Ольга нашла взглядом Сергея, кивнула ему. Из-под ее черного шелкового платка, одолженного у подруги, выбились волосы, растрепались на ветру, и она заправила их обратно, принудительно отвлекая себя на несущественные мысли вроде вопроса о том, не полиняет ли потом платок при стирке, или какое открытое и обаятельное лицо у друга Сергея – просто удивительно, если вспомнить, что все приятели Бабкина в пору их совместной жизни были похожи на него самого: такие же большие, насупленные, обязательно с короткими стрижками «под братков». Все они, занимавшиеся в тренажерном зале, казались ей на одно лицо – до тех пор, пока она сама не стала там работать.

Эти мысли помогали ей не увязнуть в фантазиях о том, что сейчас лежит в закрытом гробу в пяти шагах от нее, держали на плаву, напоминая о том, что жизнь – здесь, со всеми ее мелкими заботами и удивлениями, и она, Ольга Силотская, остается по эту сторону жизни, что бы ни случилось. Ольга снова задержалась взглядом на том, кого представили ей как Макара Илюшина – человека, к которому ее муж обратился с просьбой отыскать Володю Качкова, – и подумала, что его безобидная внешность обманчива. Совершенно невозможно определить, сколько ему лет – то ли двадцать три, то ли тридцать пять, но скорее ближе к последнему.

Парень поднял на нее внимательные серые глаза и тут же их отвел, словно увидел кого-то за ее плечом. Ольга даже хотела обернуться, но сдержалась и заставила себя думать не о том, кто мог призраком стоять за спиной, а о черном платке, который нужно постирать вечером, после

поминок.

Илюшина незримо преследовал Владимир Качков – человек с жилистой короткой шеей и угрюмым волчьим взглядом исподлобья. Кого он выбрал себе в сообщники? Как долго вынашивал ненависть к человеку, благодетельствовавшему его, дававшему ему работу, приблизившему его к себе и оградившему от недоверия и зависти окружающих? И когда робкая мысль превратилась в замысел, а затем оформилась в план? У Макара возникло ощущение, что Владимир Олегович с усмешкой наблюдает за ним, беззвучно посмеиваясь, обнажая темно-красные, болезненного вида десны над короткими резцами. Кто-то из людей, стоявших вокруг могилы Ланселота, тоже посмеивался про себя, но безупречно играл свою роль. Кто-то из тех, с кем Качков обдумывал план, приводил его в исполнение, заметал следы... «Плохо замели, голубчики, – подумал Макар. – Даже не догадались предложить девицам в солярии денег за молчание, или привести плакат в исходный вид. Или для вас это было неважно? Или кто-то напортачил, допустил ошибку, а потом, пытаясь ее исправить, запугав нас, еще больше испортил все дело?»

Был момент, когда Макару показалось, что за спиной Ольги Силотской кто-то есть – неразличимая фигура в мешковатом пальто, наклонившаяся к ее уху. Илюшин моргнул, и странное видение пропало: Ольга стояла одна, все остальные образовали что-то вроде темного, тихо шепчущегося полукруга за ее спиной. «Сыграть шутку с „жамэ вю“ мог только тот, кто очень хорошо знает Дмитрия. Зачем кому-то из его близких потребовалось, чтобы Ланселот круто изменил свою жизнь? И что получит вдова после его смерти?»

Макар перевел взгляд на соседнюю могилу и насторожился. За памятником определенно кто-то стоял. Сделав шаг вправо, он рассмотрел, кто именно, и кивнул самому себе, словно утвердительно ответил на невысказанный вопрос.

* * *

Полина отошла чуть поодаль, сцепив покрасневшие пальцы. Она вечно мерзла зимой и ранней весной, и даже под апрельским солнцем, растопившим снег вдоль оград, чувствовала себя простуженной и больной. «Дедушка оказался не прав – Диму хоронят не на одном с Колей кладбище. Мне нужно подойти, попрощаться, но я не могу. Слишком тяжело». Она не отрывала взгляда от ямы и вздрогнула, когда по гробу забарабанили первые

комья промерзшей земли.

– Серега, ты знаешь, кто это? – негромко спросил Макар, кивая в сторону невысокой фигурки в черном пальто, скрывавшейся за памятником у соседней могилы.

– Нет, впервые вижу, – тихо сказал Бабкин, приглядываясь к девушке. – Я думаю, что можно...

Он обернулся, но Макара уже не было рядом. Тот обошел сотрудников «Брони» – женщины плакали, один из мужчин промокнул глаза платком, – и остановился возле высокой фигуры в длинном плаще. Крапивин и Швейцман подошли к Ольге и стояли за ее спиной, как два ангела-хранителя. Лица вдовы Силотского Илюшин не видел, но лицо курчавого маленького Семена Давыдовича, про которого накануне рассказывал Макару Бабкин, было нездорового красновато-лилового цвета, лишь под глазами цвели два бледных пятна. Швейцман судорожно жевал нижнюю губу, которая распухла, как от укуса насекомого, и, похоже, вот-вот закровоточит. По гладкой толстой щеке сбегала крошечная слезинка, и непонятно было, что ее вызвало – апрельский ветер или горе по убитому другу.

Крапивин стоял с непроницаемым лицом – его можно было бы назвать безразличным, если бы не короткие, почти незаметные подергивания жилки под правым глазом. Голубая жилка то затихала, то начинала пульсировать так, будто хотела вырваться из-под кожи, протечь тонким ручейком от века до края скулы, а за ней начинал плясать уголок глаза, и Крапивин судорожно моргал, крепко сжимая и разжимая веки, после чего проводил указательным пальцем по правому глазу, словно стирая слезу. Но Илюшин, стоявший рядом, видел, что слез у Крапивина не было.

– Денис Иванович, – тихо сказал он, прибившись вплотную к высокому человеку с дергающейся жилкой и взяв его под локоть. – Поверните, пожалуйста, голову вправо. Там за памятником прячется девушка. Вы ее знаете? Как ее зовут?

По тому, как напрягся Крапивин, Илюшин понял, что его догадка справедлива.

– Полина Чешкина, – сдавленным голосом выдавил тот.

Он не смотрел ни на девушку, ни туда, куда кивнул Макар. Денис Крапивин знал, о ком его спрашивают.

– Кто она такая? – Макар прищурился, бесцеремонно разглядывая хрупкий маленький силуэт и гнездо встрепанных черных волос на голове, которые взметал ветер.

– Потом... – сквозь зубы отрезал Крапивин. – Вы не могли выбрать

другой момент для расспросов?!

Он выдернул руку, и словно по сигналу три лопаты одновременно ударили в землю, вырывая из нее крупные комья, слаженно выбрасывая их в яму, снова втыкаясь в кучу, разрезая землю с характерным скрипом – и все это почти *музыкально*, словно подчиняясь невидимому дирижеру. Кто-то перекрестился, в голос расплакалась девушка, до того лишь всхлипывавшая в плечо коллеге, а Ольга странно подернула вверх правым плечом, будто ежась.

– До встречи, Дим, – одними губами прошептал Семен Швейцман, сожалея о том, что рядом нет Ритки.

На всех похоронах, где он бывал прежде, жена находилась с ним, провожая близких ему людей – иногда тех, которых сама вовсе не знала, – и от ее тихого дыхания рядом Сеньке становилось спокойнее, будто он прощался с умершими лишь на время. Сегодня она не смогла прийти, и от его всегда повторяемого на кладбище «до встречи» разило фальшью. Никакой встречи у него не могло случиться с тем, что лежало в лаковом гробу в яме, быстро зараставшей землей.

Когда установили временный крест, и люди, негромко переговариваясь, потянулись к Ольге с соболезнованиями Макар обогнул молчавших байкеров, перепрыгнул через лужу, заполненную подтаявшим снегом, и догнал медленно бредущую фигурку в черном пальто.

– Подождите, пожалуйста!

Девушка быстро обернулась, и в обращенных к нему глазах отчетливо промелькнуло разочарование.

– Жду, – сказала она и действительно стояла неподвижно, пока он перебирался по краю дорожки, стараясь не оступиться в грязь.

На вид ей было не больше тридцати. Волосы темные, почти черные, густые, блестящие, как птичьи перья, казалось, их давно не касалась расческа, но в этой диковатой встрепанности было что-то привлекательное. Она и сама была похожа на птицу в своем черном пальто, которое было велико ей размера на полтора, свисало с плеч, закрывая рукавами ее ладони почти до кончиков пальцев. Но и слишком большое пальто, как и нелепая прическа, органично вписывалось в весь ее птичий облик.

Близко посаженные большие темно-карие глаза в обрамлении удивительно густых ресниц, сильно выдающийся вперед заостренный маленький подбородок с глубокой ямкой посередине, белая кожа, удивительно контрастирующая с черными волосами, ни туши на ресницах, ни помады на губах, – Макар был уверен, что она не пользуется косметикой и в повседневной жизни. Что-то детское было в ее лице, беззащитное,

несмотря на насупленные широкие брови и крепко сжатые губы. Ничего хорошего она от Илюшина явно не ждала.

Макар представился, и девушка неожиданно протянула ему руку, здороваясь. Рука у нее оказалась крупная, с квадратной ладонью и «рабочими» пальцами пианистки.

– Полина. Если вам удобнее с отчеством – Полина Владиславовна.

* * *

Сергей Бабкин, обернувшись в поисках Илюшина, с трудом разглядел напарника за кустами. Тот стоял рядом с невысокой девушкой, о которой спрашивал двадцатью минутами ранее, и, судя по движениям ее рук – то взлетающих, то замирающих в воздухе, она что-то оживленно рассказывала, а Макар слушал. Люди потянулись к выходу с кладбища, байкеры, взревев мотоциклами и распугав небольшую стаю прикормленных местных собак, уехали раньше. К Бабкину прибился начальник охраны и принялся торопливо рассказывать, перескакивая с пятого на десятое, как они с шефом вместе ездили в какой-то дом отдыха, и Качков вместе с ними, а утром они встали, а Володьки-то нет, и тогда они пошли его искать, и обнаружили в местной псарне. «С собаками возился, – бубнил начальник охраны, – гладил их, ласкал, за морды тискал... А я тогда еще подумал: значит, не совсем пакостный человек, раз к живой твари так относится. Зря я так подумал, зря. Ищут его теперь, все ищут: и вы, и милиция, да только фиг найдешь эту сволочь. Хотя мне все кажется, что я сейчас обернусь, а он рядом – смотрит, ухмыляется улыбкой своей волчьей».

Его слова так совпали с тем, что чувствовал сам Сергей, что Бабкин остановился и, поколебавшись, оглянулся. Никакого Качкова за его спиной, разумеется, не обнаружилось, зато обнаружился Макар, быстро догонявший растянувшуюся процессию. Сергей подождал его в уверенности, что Илюшин расскажет о подробностях разговора с неизвестной девицей, но вместо этого Макар проскочил мимо него, целеустремленно направившись к высокой фигуре в сером плаще, и издали Бабкин услышал его голос, без тени смущения уверявший Крапивина, что ему нужно немедленно с ним поговорить. Денис Иванович, как показалось Сергею, растерянно посмотрел на Швейцарца, но тот шел с Ольгой под руку, утирая выступивший на покрасневшем лбу пот, и на просьбу друга о помощи не отреагировал. Макар с любезной улыбкой

оттащил Крапивина к машине, и, пока Бабкин вполуха слушал воспоминания начальника охраны, одновременно наблюдая за окружающими, Илюшин о чем-то спросил у Дениса Ивановича. Тот вздрогнул, качнул головой, но Макар добавил что-то, и Крапивин, скользнув взглядом по удаляющейся черной растрепанной фигурке, потер лоб рукой и кивнул.

* * *

Разговаривали они не меньше часа. Все давно разъехались, и только Сергей Бабкин бродил по дорожкам между могил, опасаясь подойти к машине и спугнуть приступ откровенности у Крапивина. Ветер утих, и под пригревавшим солнцем Сергей расстегнул куртку, снял шарф, подаренный Машей.

С приятелем Макара, в коттедже которого прятались Маша с Костей, он созвонился только утром, но сейчас ему казалось, что это было очень давно. Голос у жены был спокойный, почти довольный, хотя он знал: она безумно боится за него и переживает из-за того, что Костя пропускает занятия в школе. Мальчик предупредил одноклассников и учителей, что уезжает с мамой отдохнуть, и Сергей провел с ним строгую беседу о том, что ему ни в коем случае нельзя созваниваться с друзьями, как бы этого ни хотелось, потому что он может навлечь на них опасность. Костя, казалось, понял, а при воспоминании о людях в подъезде, угрожавших маме ножом, в глазах его вспыхивал страх, который он тщетно старался скрыть, и все равно Сергей был не до конца уверен в парнишке. Он плохо помнил себя в этом возрасте, но ему казалось, что слишком многое он воспринимал как игру – опасную, страшную, но захватывающую игру. «Будем надеяться, Костя испугался достаточно сильно, чтобы так не думать», – сказал он себе, делая круг по дорожке и возвращаясь к тому месту, откуда ушел. Бросив взгляд в сторону машины, он увидел, что Макар с Денисом по-прежнему разговаривают. «Могли бы и в салон сесть, а не торчать как два столба», – подумал он с раздражением, ощутив внезапную тревогу. Все утро после своего звонка он чувствовал себя относительно спокойно, и вот теперь это невесть откуда взявшееся неприятное чувство. «Просто поесть нужно», – мрачно посоветовал себе Сергей, не успевший толком позавтракать. И наткнулся взглядом на человека возле свежей могилы Силотского.

Человек был низкорослым, крепким, в шляпе, и первой ассоциацией Бабкина стал отец Браун из детективных рассказов Честертона, которые он

совсем недавно брал почитать у Макара. Но в следующую секунду человек встал на носки, покачнулся, перенес вес тела на пятки, и отец Браун вылетел у Сергея из головы. Кто бы ни был этот последний пришедший, он вел себя несколько легкомысленно, тем более – для католического священника. «Того гляди, пустится в пляс», – мелькнула у Бабкина нелепая мысль, а вслед за ней появилась и вторая ассоциация – с игрушкой-неваляшкой. Словно в подтверждение ей, человек снова начал раскачиваться, теперь влево-вправо, как будто готовился выполнить утреннюю зарядку. «Неужели кладбищенский сумасшедший?»

Совершенно бесшумно Сергей подошел к человеку в шляпе и встал за его спиной. Теперь их разделяла только ограда. Он почувствовал исходящий от пришельца слабый запах восточных специй, услышал, как мужчина негромко мурлычет мелодию без слов, на всякий случай сунул руку в карман, где лежал пистолет, и негромко кашлянул. Человек перед могилой вздрогнул и резко обернулся.

Бабкин был готов к чему угодно: к тому, что это и впрямь окажется сумасшедший, и к тому, что ему придется отражать нападение, хотя прекрасно понимал, что вряд ли бандиты, угрожавшие его жене и Макару, придут на кладбище. Но перед ним стояла женщина. Невысокая, смуглая, некрасивая, с узкими глазами под выпуклыми, почти безволосыми бровями, и вывернутыми как у негра губами.

– Здрасьте! – насмешливо сказала она низким, почти мужским голосом. – Что кашляете? Простудились?

Интонация ее напомнила Сергею цыганок, которых время от времени задерживали и приводили в отделение в бытность его оперативником. Смесь подобострастия, нахальства и язвительности: первое – на поверхности, второе и третье скрыто. Но на цыганку она ничуть не походила – в этой мужской шляпе, низко сидевшей на голове, с короткими сальными волосами, выбивавшимися из-под полей.

«Ну и бабник же вы были, Дмитрий Арсеньевич, – не удержавшись, высказался про себя Бабкин. – Сначала одна, затем другая...»

Женщина продолжала изучать его темными глазами неопределенного цвета. Толстые губы насмешливо кривились. Ее ничуть не смущало его присутствие, она явно чувствовала себя в своей тарелке, в то время как Сергея по-прежнему не отпускала смутная тревога.

– Опоздала я на похороны, да? – поделилась она с ним. – Ничего, Димка меня простит. Он меня всегда прощал, красавец мой кудрявый. А ты, мужчина, кто у нас будешь? Друг? Или любовник?

– Чей любовник? – глупо спросил Бабкин.

– Ну не его же, – хихикнула женщина. – Димка был, как теперь принято говорить, традиционной ориентации. Жены, понятное дело.

– А у жены были любовники?

Она помолчала, разглядывая его, и ухмыльнулась.

– Нет, не годится. Слишком правильный ты для любовника, – подвела она результат осмотру. – Значит, приятель. Или работал с ним вместе?

– Работал. – Сергей почти не погрешил против истины. – Недолго.

– А-а, вон оно что. Ну и я с ним... работала, – она выделила последнее слово так, что оно прозвучало почти непристойно.

Затем вышла из ограды, встала на дорожке рядом с Бабкиным. Она еле доставала ему до плеча. Неторопливым движением сняла шляпу – стрижка у нее оказалась «под горшок», с неровным пробором на макушке – запрокинула голову, глядя на него снизу вверх. Запах сандала ударил ему в ноздри, и Сергей вдруг вспомнил диалог, состоявшийся накануне между Крапивиним и Швейцманом. «Как ты думаешь, Денис, Томша завтра придет?»

– А вас зовут Мария, – не то уточняя, не то утверждая, сказал он.

Бесцветные брови вздернулись, улыбка стерлась с губ.

– Ка-ак любопытно... Нас представляли друг другу? К сожалению, моя память не сохранила ваше имя. Вы его не напомните? И простите мне мою забывчивость, прошу вас.

Переход от интонаций базарной торговки, заигрывающей с покупателем, к светской манере вести беседу его поразил. Обескураженный Сергей уже хотел сказать, что ей не за что извиняться, как вдруг понял, что женщина издевается над ним. «Будь на моем месте Илюшин, сумел бы ответить в той же манере. А мне и пытаться смешно».

– Меня зовут Сергей, – произнес он. – Мы с вами не знакомы.

Она молча ждала продолжения, не задавая вопросов.

– О вас мне рассказали друзья Дмитрия Арсеньевича, – закончил Бабкин.

И снова, вопреки ожиданию, вопроса не последовало. Мария Томша зевнула, небрежно прикрыв рот ладонью, и похлопала его по плечу своей шляпой.

– Ты мне позвони, Сергей, если захочешь встретиться, – сказала она лениво и вытащила из кармана визитную карточку. – Правда, учти: ты не в моем вкусе. Но поговорить-то это нам не мешает, верно?

Она подмигнула и пошла по дорожке. Глядя вслед ее приземистой нескладной фигуре, Бабкин неожиданно осознал, что поразило его в разговоре с Томшей. Женщина была невероятно сексуальна. От нее

исходила волна желания, которое чувствовалось в каждой фразе, в каждом жесте, легко пробиваясь сквозь нелепый облик толстой мужиковатой бабы в мешковатой одежде. Он взглянул на оставленную визитку: «Мария Томша, скульптор», и внизу номер телефона. Хорошая бумага кофейного цвета, от которой... Бабкин принялся. Ну конечно, от которой пахло тяжелыми восточными специями.

– Значит, вот кто была ваша любовница, Дмитрий Арсеньевич, – вслух проговорил он. – Вас и в этом тянуло ко всему необычному.

– У тебя появилась привычка разговаривать с самим собой? – раздался рядом ироничный голос. – Неужели это так интересно?

– А где Крапивин? – спросил Сергей, обернувшись и увидев одного Макара.

– Уехал, мой любознательный друг. Покинул нас. Думаю, что он изрядно устал после нашей с ним беседы. Во всяком случае, вид у него был нездоровый.

– У меня тоже бывает нездоровый вид после беседы с тобой, – усмехнулся Сергей. – Это говорит не столько обо мне, сколько о тебе. Ладно, пойдем, наконец! Я хочу есть, со вчерашнего вечера не ел. Надо было поехать на поминки.

– Не надо. Вряд ли на поминках Денис Иванович по прозвищу «Пресноводное» рассказал бы мне столько интересного.

– И о чем же?

– Скажи, что ты знаешь о Силотском и его друзьях? – вопросом на вопрос ответил Илюшин, направляясь к одиноко стоящей машине Сергея.

Бабкин недоуменно взглянул на него, пожал плечами:

– Их трое... Точнее, было трое. Дружат они со школы, каждый занимается своим делом и не лезет в дела других. Ланселот и Швейцарец ушли в бизнес, Крапивин – топ-менеджер в компании с иностранным капиталом. Что еще? Тебе нужны подробности о каждом?

– Нет. Ты все рассказал почти правильно. Но только почти. В одном очень важном моменте ты допустил ошибку.

– В каком же?

Они остановились возле машины, и Сергей выжидательно посмотрел на Макара.

– В том, который касается количества друзей. Их было четверо, друг мой. Четверо, а вовсе не трое!

Их было четверо. Сенька Швейцман по кличке Швейцарец, Димка Силотский, сам себя называвший Ланселотом, Денис Крапивин, вечный отличник с комплексом неудачника, и Коля Чешкин. Прозвища у Кольки не имелось – пытались звать его в классе «Чешкой», но как-то не прижилось, «Поэт» звучало слишком претенциозно, да и не соответствовало глуповатому Кольке. Даже не столько глуповатому... скорее, странному. Он некстати смеялся, иногда мог громко заговорить о чем-то своем на уроке, и постоянно писал – в дешевых блокнотиках, испещряемых крошечными червяками букв, которые никто, кроме него, не мог расшифровать.

Его и сестру воспитывал дед: мать умерла от рака, когда Полине был год, а отца их никто и не знал, в том числе они сами. Одни вспоминали военного, который останавливался в их городке на полгода, привезя с собой жену и троих детей, а потом, восемь лет спустя, Лидка сорвалась вслед за ним бог знает куда и вернулась, беременная Полинкой; другие уверенно говорили об актере, дважды приезжавшем с гастрольями в их захолустный городок – как раз с той самой разницей в восемь лет, которая, по мнению этих других, все и доказывала; третьи и вовсе указывали на соседа-сапожника, но им веры не было никакой, потому что сапожник был очень светлый блондин, почти альбинос, и уже одно это делало совершенно невозможным его отцовство.

В одном сомнений не было: детей Лидка рожала от одного отца. Они и пошли в отцовскую породу, несколько не похожие ни на мать, ни на деда, которого соседи и прочие любопытствующие увидели позже: невысокие, с густыми темными волосами, резкими порывистыми движениями, оба – с очень белой кожей, почти не загорающей на жарком летнем солнце. Воронята.

Среди остальных ребятишек, игравших во дворе, они смотрелись дичками – не столько из-за странноватой своей внешности, сколько из-за сильной внутренней обособленности, которая чувствовалась всеми, даже взрослыми. Удивительной и трогательной была забота старшего, Кольки, о младшей сестре: едва исполнилось Полинке девять месяцев и она пошла, как брат начал выводить ее во двор, ходил за ней, наклоняясь и придерживая ее за толстые ручки, поднятые вверх. А Полинка смешно перебирала кривыми ножками, крепенькими и короткими, косолапила по всему двору, одобрительно гудела что-то себе под нос, заливаясь смехом, когда брат подкидывал ее кверху, так что ножки взлетали выше головы.

Мать детьми почти не занималась, и Полинка с Колькой были предоставлены самим себе. Соседи, видевшие ее по утрам, отмечали, что Лидка становится все худее и худее, светлые вьющиеся волосы ее лезли

ключьями, в уголках рта собрались резкие морщины, подбородок иссох и заострился. Светло-карие глаза в обрамлении удивительно густых ресниц – единственная черта, унаследованная от нее детьми – смотрели не на мир, а в глубь себя, а когда ресницы выпали, глаза приобрели выражение жалкое и затравленное. Мужа у Лидки не было – он бросил ее два месяца спустя после их переезда из Москвы в этот городок, а со своим отцом она отношений не поддерживала – поговаривали, поссорилась с ним много лет назад как раз из-за мужа. Якобы Лидкин отец резко высказался о приведенном ею женихе – простоват, да и не пара его дочери, и Лидка, гордая душа, смертельно обиделась и хлопнула дверью, уехала вслед за мужем в этот городишко. Муж-то потом испарился, а вот помириться с отцом Лидке не позволила все та же гордость, а сказать по правде – и не гордость вовсе, а гордыня с глупостью пополам. Была ли у Лидки мать, соседи не знали, но обоснованно предполагали, что если и была, то такая же шалавистая и бездумная, как сама Лидка.

Поэтому забеспокоились о ней всерьез лишь тогда, когда прямо из салона, в котором она молча стригла редких клиентов, ее увезли в больницу на «Скорой помощи», а парикмахерши рассказали, что Лидка упала в обморок, страшно побелев, и из носа у нее хлынула кровь с такой силой, что залило весь пол, и думали, она вся из нее вытечет. Страшный диагноз быстро стал передаваться по городку, детей взяла к себе соседка, и она же догадалась обшарить комнату, нашла телефонную книжку и позвонила Лидкиному отцу. К тому моменту, когда Владислав Захарович приехал в Накашинск, дочь его была еще жива, но никого уже не узнавала и только металась на койке, застеленной желтой простыней со ржавыми пятнами, и стонала от боли, закусывая обескровленные губы с потрескавшимися уголками.

Перед смертью она так и не пришла в себя. Владислав Захарович знал, что это случится: его жена умерла через десять лет после Лидкиного рождения от той же страшной болезни, быстро сожравшей ее изнутри, превратив полную сил женщину в существо с затравленным взглядом. Владислав Захарович воспитывал Лиду, как мог, но у научного работника оставалось не так много времени на ребенка, а собственные исследования, откровенно говоря, казались Чешкину важнее его семьи – точнее, того, что от нее осталось. Двадцать лет спустя, держа дочь за остывающую руку, пальцы которой скрючились так, что не разогнуть, Владислав Захарович был далек от мысли о том, что расплачивается за давний выбор между ребенком и работой, но мысленно повторял «прости меня, прости меня, Лидочка» до тех пор, пока его не вывели из палаты.

Соседка, открывшая дверь квартиры, в которой жила и умирала его дочь, провела Чешкина в комнату, тихо соболезнуя, и он остановился на пороге, глядя на детей. Колька лежал на диване в неудобной позе – на спине, подтянув колени к подбородку и глядя в потолок, а Полинка негромко ворковала, сидя на полу и пробуя на зуб деревянные кубики. Мальчик повернул голову к вошедшему, и Владислав Захарович, ожидавший узнать взгляд своей покойной жены, со странным чувством убедился, что ничего подобного не произошло. Ребенок не был похож ни на мать, ни на бабушку, но отчего-то это ничуть не помешало деду признать его своим, родным в ту самую секунду, как он увидел его. Чешкин не собирался копаться в себе – он сел на корточки, улыбнулся, стараясь не расплакаться и не испугать внуков, и сказал:

– Здравствуй, Коля. Я – твой дедушка.

Девочка подняла лохматую черную голову – смешной толстенький домовенок – и посмотрела серьезно сначала на него, потом на брата. Тот слез с дивана, очень медленно подошел к деду и вдруг сделал неожиданное – обнял незнакомого пожилого человека, уткнулся в щетинистую шею и заревел, дергаясь худеньким тельцем, захлебываясь от рыданий. Ничего не понимающая Полинка заревела тоже, бросилась к брату, заколотила по коленке этого чужого, из-за которого плакал ее «Коя», но тут же замолчала, подхваченная сильной рукой, прижатая носом к плечу в ворсистой рубашке, от которой пахло чем-то горько-сладким, как от больной кошки Машки, отиравшейся по подъездам.

Чешкин гладил и обнимал обоих детей, тяжело дыша из-за кома, вставшего в горле, до тех пор, пока в дверях не показалась соседка, утиравшая слезы от жалости к «сиротинушкам». Тогда он встал, крепко сжимая руку мальчика, словно боясь выпустить ее, и попросил приготовить еду для детей, пока он занимается делами.

Три дня спустя, похоронив Лиду, они уехали на утреннем поезде – их провожала та же соседка, немного уязвленная тем, что Колька забыл про нее, как только увидел деда.

– Чужой человек, – ворчала Ирина Акимовна, – восемь лет внука не видел! А Колька от него не отлипает! Хоть бы помахал мне, что ли...

Но как только поезд тронулся и два детских личика с большущими темными глазами прилипли к стеклу, она всхлипнула и трижды перекрестила стоявшую за ними высокую фигуру с острой бородкой клинышком.

Владислав Захарович заменил своим внукам отца, мать и бабушку, был к ним внимателен и бесконечно добр. Но первые Колины странности стали

настораживать его лишь через год после того, как он перевез внуков в Москву. Странности эти проявлялись и раньше, но Чешкин списывал их на психологическое потрясение от смерти матери. Мальчик мог часами сидеть, глядя в одну точку, на губах его играла полуулыбка, словно он видел что-то свое, не видимое другими. Но на вопросы деда он отрицательно качал головой, смотрел недоуменно карими глазницами, вокруг которых, как у его матери и бабушки, густились черные ресницы, бросавшие тень на белую тонкую кожу. Коля мог вскочить из-за стола, пуститься в пляс, размахивая руками, затем падал на живот, начинал кататься по полу, выкрикивая одно и то же слово, в исступлении молотил ногами по полу, и пару раз во время таких «припадков» крепко ударился головой о ножку стола. Испуганный Владислав Захарович категорически запретил ему подобные игры, и при нем Коля больше не повторял их, но Чешкин подозревал, что в его отсутствие мальчик может придумать что-нибудь и похуже. Няня Полины рассказала ему, что Коля перевешивался из окна, цепляясь пальцами ног за особым образом укрепленный стул, и раскачивался, взмахивая руками, на высоте шестого этажа. О том, что, услышав ее дикий крик, когда она раньше времени вернулась домой с «Полечкой», Коля едва не свалился за окно, няня сообщать не стала.

Владислав Захарович сводил внука по врачам. Ему говорили о гипервозбудимости, выспрашивали подробности родов у матери мальчика, но Чешкин ничем не мог помочь врачам: когда Лида рожала сына, они находились в ссоре и не хотели знать друг о друге. Обследования ничего не показали, и один из докторов, осматривавших мальчика, предложил «не беспокоить парня», утверждая, что тот постепенно избавится от странностей, а второй сосредоточенно выписал Владиславу Захаровичу рецепт на четыре лекарства, расписав по часам, как их принимать. Вернувшись домой и прочитав инструкции к лекарствам, Чешкин ужаснулся, но все же решил дать Коле пропить курс «успокоительных», как он называл препараты про себя. Однако, понаблюдав за внуком, превратившимся от таблеток в сонную муху с заторможенными реакциями, покачал головой и отменил лекарства. Не такого эффекта он добивался.

В классе Коля считался кем-то вроде «дурачка». Он хорошо учился, не занимаясь вовсе, легко запоминая прочитанное на уроках в учебниках, совершенно не интересовался одноклассниками, не разделял увлечений мальчишек вроде гонок на велосипедах или коллекционирования ножей. Речь его была правильной, литературной, но иногда он с трудом подбирал слова, пытался помочь себе руками, мычал, и невозможно было понять, то ли он притворяется, то ли мучается всерьез. Вызванный к завучу за то, что

изобразил обезьяну на нелюбимом им уроке физкультуры, Коля послушал ее и вдруг, когда та упомянула для суровости, что пошлет записку его деду, тонко и пронзительно завизжал, так что женщина оторопела. Он визжал на одной ноте, негромко, прикрыв глаза, будто пел, и, оборвав свой визг через минуту, вышел из кабинета, лишь чуть покраснев. Возмущенная завуч вызвала Владислава Захаровича, и тому пришлось извиняться, просить войти в положение, напоминать о том, что Коля не так давно потерял мать... Обаянию и интеллигентной вежливости Чешкина-старшего трудно было сопротивляться, и Алевтина Васильевна вошла в положение и даже под конец их разговора расчувствовалась, прямо высказав Владиславу Захаровичу, что не каждый мужчина в его возрасте согласился бы взвалить на себя такую ношу... бремя... заботы о воспитании двух детей... Выслушивать подобную чушь Владиславу Захаровичу было не впервой, поэтому лицо его во время тирады завуча оставалось понимающе-благодарным.

Вернувшись домой, он попытался поговорить с внуком.

– Колька, Алевтина Васильевна говорит, ты визжал! – строго сообщил Чешкин, поставив внука перед собой. – Ты что, поросенок?

Коля в ответ хихикнул и признался, что он и вправду поросенок. На прямой вопрос о том, зачем он это сделал, мальчик задумался, крепко сцепил руки и ответил, широко раскрыв глаза и глядя перед собой:

– Знаешь, дед, там был такой круг под потолком, и он бы пропал, если бы я его не остановил. Колесо! Красное! Правда! И желтое тоже! Я стоял, думал... – Коля вскочил, принялся ходить кругами по комнате... – думал, думал, думал, и вдруг оно начало исчезать, и тогда я догадался, что нужно сделать, чтобы оно осталось! – Речь Коли ускорилась, так что Владислав Захарович с трудом разбирал слова. – Запеть, но не так, а – иначе, по-другому, высоко, как дельфины!

Тонкие белые руки взметнулись вверх, Коля изобразил что-то вроде нырка в воду, не останавливая свой бег по комнате.

– Дельфины, но Алевтина не поняла, начала ругать, и все равно исчез, потому что нельзя было так сразу, быстро, а медленно, и словами, и тогда я решил пойти, потому что темно, а еще за шкафом, и спрятаться так, чтобы не увидели, но можно закрыться кофтой...

– Стоп! – закричал Владислав Захарович. – Коля, стой, замолчи!

Мальчик резко остановился, непонимающе посмотрел на него.

– Замолчи... – прошептал Чешкин, проводя рукой по холодному лбу. – Я тебя не понимаю! Ты... – он уцепился за объяснение, лежавшее на поверхности, – ты слишком быстро говоришь.

Коля перевел дыхание, продолжая беззвучно шевелить губами. Владислав Захарович видел, что внук «ушел», что он уже не с ним, а где-то в другом месте проговаривает до конца свой бред о колесе, шкафе и дельфинах. Чешкин знал по печальному опыту, что вывести из этого состояния Колю может только сестра, да и то не всегда, и с тоской провел рукой по его встрепанным черным волосам. Внук коротко мотнул головой и ушел в свою комнату, продолжая беззвучно шевелить губами.

Чешкин со страхом ожидал проявления странностей и у внучки, видя, как похожи между собой брат и сестра. Но со временем стало очевидно и различие между ними. Полина, теряя с возрастом детскую смешливость, никогда не переходила в своей сосредоточенности ту болезненную границу, за которую проваливался ее брат. Колька рос задумчивым, легко замыкающимся в себе, но в то же время с необычайно переменчивым настроением; в отличие от других детей, взрослея, он становился уязвимее, но уязвимость его была не от чужих насмешек, а от происходящего вокруг и, на первый взгляд, не имевшего к нему отношения.

Так, в пятом классе он прибежал после школы в слезах и не мог успокоиться до самого вечера, выкрикивая непонятные слова, кружась по комнате, падая и снова вскакивая. Причина выяснилась на следующий день: директор магазина, мимо которого Коля возвращался из школы, увольнял грузчика, стащившего при разгрузке то ли хлеб, то ли упаковку печенья. Грузчик злобно матерился, директор кричал на него, и Коля замер как вкопанный, не в силах отвести от них глаз. Если бы он мог сформулировать свои ощущения, то объяснил бы, что его словно заставили смотреть отвратительный фильм, в котором каждая деталь представляла фантастически выпуклой, бьющей в глаза, и он видел – хотя не хотел видеть – мелкие брызги слюны, летящей у директора из вялого рта, рывины оспин на сером испитом лице грузчика, видел мерзкие лица стоящих вокруг, рты, раззявленные в хохоте, видел помочившуюся грязно-рыжую собачонку, всю в комьях свалявшейся шерсти, и многое другое, что хотел бы выкинуть из своей памяти, но был не в силах. Крик и движение на время освобождали его от этого зрелища, которое снова и снова прокручивалось перед глазами, дополняясь новыми подробностями.

Как ни странно, но выводить Колю из подобных состояний научилась не Полина и не Владислав Захарович, а Полинина няня. Как-то раз, когда мальчик понес ахинею в ответ на просьбу объяснить очередной его странный поступок, она, устав слушать его птичью речь, силком усадила Колю за стол и бросила перед ним тетрадь и карандаш.

– Пиши! – в сердцах сказала няня. – Садись и пиши объяснение!

Вечером деду покажем, пускай он разбирается.

Коля замер над листом, вглядываясь в разлинованную бумагу с несказанным удивлением. Так дикарь мог бы смотреть на волшебный посверкивающий предмет, привезенный белыми людьми из-за моря, – предмет с пока неясными свойствами, но наверняка бесценный.

Замолчав, он очень осторожно взял карандаш в руки, будто тот был живым, и провел неровную дрожащую линию по верху страницы. И вдруг – застрочил, быстро, неразборчиво, как будто выплескивал невыговоренное на лист бумаги. Мелкими буквами он исписал несколько страниц, а затем, словно выдохнув, принялся писать медленнее, задумываясь над словами, замирая на несколько секунд с закрытыми глазами, будто вслушиваясь в собственные ощущения.

Вернувшись вечером, Владислав Захарович выслушал няню и первым делом попросил Колю показать ему тетрадь. Среди потоков нечитаемого бреда, смеси придуманных и существующих слов, он увидел фразы, из которых складывался рассказ – маленький, очень простой рассказ о том, как жители подъезда реагируют на рожающую под лестницей кошку. Чешкин-старший посидел над ним в задумчивости, усмехнулся точно подмеченному сходству с реальными персонажами, а на следующий день купил для Коли большую тетрадь альбомного формата и несколько ручек – на выбор. «Старайся сам отделять зерна от плевел, – сказал он внуку, не расшифровывая, что вкладывает в свои слова, – но если не получится, не принуждай себя. Пиши, как пишется».

А затем с недоверчивой радостью наблюдал, как с каждой неделей Колины записи становятся все более понятными, как постепенно исчезают из них безумные сочетания, не имеющие смысла, словно мальчик нащупал хвостик ниточки, выводящей его из лабиринта, и теперь медленно идет, не выпуская ее из рук, иногда ступая ошибочно, но быстро возвращаясь на правильный путь. Поначалу Коля записывал все, что видел вокруг, но со временем стал фантазировать, придумывать все более сложные сюжеты, иногда создавая целые фантазмагии.

Никто не заметил, в какой момент он начал сочинять стихи. Выяснилось это почти случайно, когда на родительском собрании в конце года классная похвалила Владислава Захаровича за то, что тот привил внуку любовь к поэзии, и продемонстрировала подшивку стенгазеты. В каждом номере печатались Колины стихи. К изумлению Чешкина, он не увидел в них той несуразности, что в текстах: это были, безусловно, совсем детские, но очевидно талантливые стихи – со свежей рифмой, неизбитыми метафорами, осознанной аллитерацией. «Надо же, – думал ошеломленный

Владислав Захарович, возвращаясь домой с собрания. – А ведь Коля и впрямь талантлив! Мальчик мой...»

Он записал внука в литературный кружок при Доме пионеров, но Коля после двух посещений наотрез отказался туда ходить. Он не терпел никакого принуждения, а его уговаривали писать на заданную тему. Мальчик продолжал сочинять сам, исписывая одну тетрадь за другой: все их Владислав Захарович нумеровал и бережно складывал в шкаф, с радостью констатируя, что и без всякого кружка внук пишет все лучше и лучше.

Когда Коля перешел в шестой класс, Чешкины переехали, и ему пришлось менять школу. Так он оказался в одной компании с Ланселотом, Швейцарцем и Крапивиним. Неожиданно они подружились – троица взяла нечто вроде шефства над новичком, оказавшимся достопримечательностью класса: стихи Чешкина даже регулярно публиковали в «Пионерской правде».

И Денис, и Сенька, и Димка ощущали одно и то же: их странноватый новый друг нуждается в защите. И по молчаливому уговору не давали Колю в обиду. Они стали завсегдатаями дома Владислава Захаровича, и тот привязался к мальчишкам, испытывая к ним огромную благодарность за то, что они дружат с его внуком. Когда все четверо собирались в Колиной комнате, к ним приходила Поинка, но ее не прогоняли: по тому же молчаливому уговору на девочку распространялась аура неординарности старшего брата.

До семнадцати Колиных лет Владислав Захарович дожил в счастливой уверенности, что все тревоги о психическом здоровье внука остались в прошлом. Чем старше становился Коля, тем заметнее было, что он слегка «не от мира сего», но дед утешал себя мыслью, что парень понемногу адаптируется, и не последнюю роль в этом играют его друзья.

На следующее утро после своего дня рождения Коля проснулся в квартире один. Был выходной день раннего лета. Полину дед повел в кружок танцев, которыми она занималась с шести лет, Крапивин со Швейцарцем собирались зайти после обеда, чтобы всем вместе поехать купаться в прудах Стрешневского парка. Коля лежал в кровати и смотрел на пятна света на потолке. Вдруг совершенно очевидно стало для него, что, шагнув из окна, он не упадет, а превратится в одно из этих солнечных пятен, и сможет бегать по потолку, ощущая шершавость побелки, и быть невероятно счастливым, таким счастливым, каким не может стать ни один человек при жизни.

В квартире стояла тишина, но из двора доносилась играющая в чьей-то

машине песня «Биттлз».

– Айм фоллоу зе сан, – пропел Коля вслед за ливерпульской четверкой и негромко рассмеялся.

В одну долю секунды все вокруг него сложилось в одно целое – и бегодня пятен на потолке, и песня о том, как кто-то пойдет за солнцем однажды в прекрасный день, и внезапное ощущение невесомости собственного тела, придавленного к кровати одеялом (казалось: откинь – и взлетишь). Смерти не было. Был солнечный свет, и была необходимость избавиться от самого себя – на время, – чтобы потом стать и собой, и одновременно чем-то другим.

Коля вылез из-под одеяла, прошлепал босыми ногами по теплomu полу, по которому свет протянул дорожку к окну, и эта золотистая дорожка на линолеуме тоже оказалась необходимой частью того целого, что окружало его сегодня. Мир не разбивался на куски, как это частенько с ним случалось, не выдувал пузырями отдельные уродливые свои проявления. Он был прекрасен, но его красота не была бесцельна – она служила направлением.

Коля отодвинул тугой шпингалет, распахнул окно и вылез на подоконник, ощущая, что невесомость ближе с каждым мгновением.

Владислав Захарович, возвращавшийся домой с Полиной раньше времени, потому что занятия отменили, поднял глаза на окна квартиры, увидел фигуру внука, стоявшего, согнувшись, на подоконнике, увидел, как черные волосы взметнул порыв ветра, и со всей ясностью понял, что сейчас произойдет.

– А-а-а! – закричал он хрипло и надрывно, выдергивая руку из влажной ладошки Полины, и в судорожном рывке метнулся в сторону дома.

Однако девочка держалась за его пальцы крепко. Она упала, и несколько шагов Чешкин тащил ее, ничего не понимающую, по асфальту, сдиравшему кожу с белых, почти не загоревших коленок. Почувствовав боль, Полина сначала закричала, а затем заплакала. Руку деда она так и не отпустила.

В облако звуков, окутавших Колю, стоявшего на окне шестого этажа, – в мелодичную песню, скрип качелей в соседнем дворе, порывы ветра и крики чаек – ворвался звук, которому не было места в этом прекрасном дне: громкий, отчаянный плач его сестры. И в одну секунду разрушил гармонию, царившую в Колиной душе. Он перевел взгляд вниз, увидел оседающего возле Полины деда, и с горестным ужасом ощутил, как его невесомость исчезла, а мир снова стал набором расколотых образов. Потом он осознал, что с его семьей случилось что-то плохое, спрыгнул с

подоконника в комнату и бросился в одних трусах из квартиры, боясь, что у деда случился сердечный приступ.

В тот год он повторил свою попытку еще два раза; на второй она почти увенчалась успехом, но помешала не вовремя залаявшая на соседском балконе собака – вслед за ней вышел сосед, и Коле пришлось быстро спрятаться в комнате. Несколько раз он старательно погружался в состояние невесомости, пойманное им однажды, но удавалось редко, и только тогда, когда он находился в одиночестве. В присутствии других людей у него ничего не получалось. Он ощущал, физически ощущал чужое дыхание, чувствовал тянущие его к земле чужие мысли, страхи и радости, и не в силах был отрешиться от того материального, что окружало его и воплощением чего являлся человек, сидящий в соседней комнате. Кто бы он ни был – дед, Полина или Денис Крапивин, зачистивший к ним в гости в последнее время. Если с Колей в квартире кто-то находился, у того, что он собирался сделать, появлялось свое название – неправильное, отвратительное, придающее невероятно искаженный смысл всем его действиям. Самоубийство – даже произнести противно.

* * *

– У Николая Чешкина были суицидальные наклонности, – сказал Макар. – Ему требовался постоянный присмотр.

– Врачебный?

– Думаю, что и врачебный тоже, но по каким-то причинам его семья предпочитала следить за ним сама. Родителей у него не было. Дома с ним все время кто-то находился, как правило – дед либо сестра, или же приезжала женщина, которая когда-то нянчила Полину Чешкину.

– Та девушка, с которой ты разговаривал, и есть его сестра?

– Да. Младшая, у них разница в восемь лет. Обожала брата, даже начала писать стихи, подражая ему, – кстати, как оказалось, удачные. Крапивин говорит, они оба талантливы, но Николай был настоящим поэтом. У него вышли небольшими тиражами три сборника стихов, появились поклонники, в Интернете даже есть сайт, посвященный творчеству Чешкина. Он пытался работать, но ни на одном месте долго не задерживался: иногда у него случались своего рода затмения, которые окружающими расценивались как проявление психической болезни. Впрочем, очевидно, он и в самом деле был болен.

– Его лечили?

– Не знаю. Судя по рассказу Дениса Ивановича, который поначалу очень не хотел со мной разговаривать, в конце концов вокруг Николая Чешкина создалось определенное равновесие, старательно поддерживаемое его мирком...

– В который входили Ланселот со Швейцарцем и Крапивиним, – подхватил Бабкин.

– Совершенно верно. Они опекали его, заходили к Чешкиным почти каждый день, рассказывали Николаю новости, потому что последние несколько лет он не мог читать газеты и не смотрел телевизор, а обо всех событиях узнавал от деда и сестры. Крапивин описывает его как умного, доброго, крайне впечатлительного человека, с которым было исключительно интересно общаться. Говорит – «Коля мыслил парадоксами». Если верить Денису Ивановичу, они навещали Чешкина не из жалости, а оттого, что любили его и считали своим другом.

Бабкин с сомнением взглянул на него, и Макар ответил на его невысказанный вопрос:

– Я думаю, он говорит правду. Во всяком случае, сам Крапивин, похоже, верит в свои слова. На жалости такие длительные отношения – со школы, с перерывом на институт, потому что Силотский уезжал учиться в другой город – не продержались бы. Нет, каждый из этих троих находил в общении с Чешкиным что-то свое. Предполагаю, не последнюю роль в их отношении к Коле сыграли Полина с Владиславом Захаровичем – они люди незаурядные, интересные, и я не удивлюсь, если кто-то из троицы был привязан не только к Николаю, но и к его сестре. Кому-то из друзей льстило участие в судьбе хорошего поэта, кто-то самоутверждался, заботясь о нем, кто-то получал от семьи Чешкиных тепло, которого ему не хватало в своей собственной.

– Швейцман, Ланселот, Крапивин – в таком порядке ты их назвал? Думаешь, Силотский самоутверждался?

– Точно сейчас уже никто не скажет. Ланселот принимал самое деятельное участие в его судьбе, настаивал на том, что Николай не должен запирает себя в четырех стенах, и несколько раз организовывал совместные палаточные выезды на какую-то дикую речку.

– И Чешкина они брали с собой?

– Да. По утверждению Ланселота, который постоянно спорил с дедом Николая, Чешкин был куда здоровее, чем считали окружающие. Это был неисчерпаемый источник их пререканий, и пару раз дело доходило до ссор. Дмитрий Арсеньевич полагал, что отношение к Коле как к психически больному не помогает ему, а усугубляет его болезнь, а дед Николая

возражал, что раз он ежедневно занимается здоровьем внука и отвечает за него, то пусть Силотский проверяет свои теории на ком-нибудь другом. Думаю, ты можешь представить, с какой настойчивостью Дмитрий пытался доказать ему свою правоту.

Бабкин молча кивнул, остановив машину в переулке возле кафе, где они собирались пообедать. Он не сделал попытки выйти, внимательно слушая Макара.

– Их поездки на природу проходили удачно, а из последнего похода Николай даже привез рассказ, который написал там за одну ночь. Его опубликовали в нескольких журналах, и Силотский считал их практически вещественными доказательствами того, что прав он, а не Владислав Захарович. Однако старый Чешкин упорно стоял на своем, никогда не оставлял внука без присмотра и, как я понимаю, даже контролировал круг людей, с которыми Николаю разрешено было общаться.

Илюшин сделал паузу, оглядел знакомый переулок, словно убеждаясь, что они приехали туда, куда хотели. Солнце играло на крышах домов, под которыми дворники растянули красные ленты ограждений с предупреждающей надписью «Осторожно! Возможно падение снега и наледи!»

– А что случилось потом? – нетерпеливо спросил Сергей.

– Старшему Чешкину пришлось уехать из города. Забыл сказать, что он, несмотря на возраст, активно работает, занимается своей художественной галереей. Потребовалась командировка в другой город, а Полина сидела в больнице с той самой няней, которая когда-то давно помогала деду растить ее. Няня у них была кем-то вроде друга семьи, Владислав Захарович помог пристроить ее в хорошую больницу. Она умирала, об этом все знали.

– Кто остался с Николаем? – спросил Бабкин, догадываясь, какой ответ он услышит.

– Силотский. Он всех успокоил, сказал, чтобы никто ни о чем не тревожился, Коля будет под его присмотром. Им нужно было провести вместе день и ночь, а на следующее утро Владислав Захарович возвращался домой. Вечером Полина улучила время и приехала из больницы, проверила брата, убедилась, что все и в самом деле в порядке: Николай был очень доволен тем, как они с Ланселотом проводят время, смеялся, шутил, был очень оживлен. Она уехала успокоенная и всю ночь провела возле бывшей няни.

– А Чешкин с Силотским?..

– Чешкин с Силотским... – повторил Макар. – Тут, как ты понимаешь,

начинается та часть рассказа, достоверность которой уже никто никогда не проверит, потому что известна она со слов единственного человека – Дмитрия Арсеньевича. А Дмитрий Арсеньевич утверждал, что в ту ночь Чешкин казался ему совершенно здоровым: они рассуждали с ним о том, как сложились судьбы у каждого из четверки, и что из этого можно было предугадать в школе, а что нет, затем выпили бутылку красного вина под хороший ужин, заказанный Силотским в ресторане, и разговаривали до полуночи. Ланселот придерживался мнения, что чем старше становится Николай, тем успешнее он изживает из себя проявления болезни. У него имелась теория, объясняющая суицидальные вспышки друга подростковым буйством гормонов: он даже приводил в обоснование какие-то медицинские исследования. Впрочем, это неважно. Около полуночи Силотскому позвонила женщина, одна из его любовниц, и попросила к ней приехать.

– И он согласился? – поразился Сергей.

– Да. Потом, оправдываясь, Ланселот все объяснял своим «кобелизмом», как он это называл...

– Оправдываясь?!

– Ну хорошо, не оправдываясь, а просто объясняясь. Бабенка была его давней любовницей, по которой он сходил с ума, – между прочим, она его бросила, и, полагаю, именно этим объяснялась его тяга к ней. Силотский не терпел поражений. Когда она позвонила ночью, спустя два месяца после разрыва, и попросила его приехать, недвусмысленно сказав, чего она от него хочет, Силотский не выдержал. Он поговорил с другом, упросил его проявить понимание, и Николай, к огромному облегчению Дмитрия Арсеньевича, не просто не стал возражать – напротив, он сам предложил Ланселоту вернуться часам к одиннадцати, за час до приезда Владислава Захаровича. У него, как сказал Чешкин, в голове вертелась одна идея, которую он хотел записать, и эта идея так его увлекла, что он готов был начать немедленно, а присутствие Ланселота его сдерживало. Когда Силотский уходил в предвкушении постельных радостей, Николай уже сидел за столом и писал, махнул ему вслед рукой и даже не встал, чтобы проводить до двери. Разумеется, Дмитрий Арсеньевич рассказывал потом, что он видел перед собой совершенно здорового, искренне увлеченного своим делом человека, который не хотел, чтобы ему мешали.

– Думаю, в какой-то степени так оно и было, – мрачно сказал Сергей.

– Я тоже так думаю, – согласился Илюшин. – Но очевидно, увлечен он был совсем не тем, о чем думал Силотский, потому что ровно через десять минут после его ухода Чешкин выбросился из окна. Что он пережил в эти

десять минут – одному богу известно! Его нашли сразу, несмотря на позднее время, потому что свидетельница видела, как все произошло, – пожилая женщина прогуливала собаку. Она их соседка по дому, знала всю семью... Вызвала и милицию, и «Скорую», но врач, как ты понимаешь, мог только диагностировать смерть. Николай разбился сразу.

– Могу себе представить, как семья Чешкиных должна ненавидеть Силотского, – протянул Бабкин, перед которым в новом свете предстало появление на кладбище младшей сестры Николая Чешкина.

– В голосе его сестры я ненависти не заметил, как ни удивительно, – покачал головой Макар. – Зато могу тебе сказать, что Крапивин и Швейцман год после того случая не разговаривали с Ланселотом. Вообще. Прервали с ним всякие отношения. Они, как и Владислав Захарович, считали его виновным в смерти Коли, а Швейцман прямо заявил, что Дмитрий пытался оправдать себя тем, что не заметил в Чешкине никаких признаков заболевания – на самом деле они были, просто Ланселот увидел то, что хотел увидеть.

– А почему отношения возобновились? – нахмурился Сергей.

– Крапивин утверждает, что Силотский вымолил у них прощение. Этими самыми словами сказал: «вымолил прощение». С любовницей Дмитрий порвал, пытался выразить старику Чешкину свои соболезнования, но тот его даже видеть не мог. А вот Полина отнеслась к Силотскому куда мягче, чем дед.

– Странно.

– Да, мне тоже. Но нам слишком мало известно, а все, что мы знаем, – исходит от одного человека.

– Дениса Крапивина?

– Верно. Полина Чешкина отказалась говорить со мной о смерти брата, сказала только: «Обратитесь к Денису, он вам все расскажет».

– Когда это случилось?

– Три года назад.

– И сколько сейчас лет Владиславу Захаровичу? – поинтересовался Сергей.

– Чуть больше семидесяти. Три года назад он был полон сил, и неизвестно, насколько ухудшилось его здоровье за это время.

Они вышли из машины, Бабкин осмотрелся, и, не заметив ничего подозрительного, медленно направился к кафе, обдумывая рассказ Илюшина.

– Нам нужно побеседовать с Чешкиным, – сказал Макар, догоняя его. – Я понимаю, – перебил он Сергея, собиравшегося что-то возразить, –

следственная группа будет отрабатывать мотив личной неприязни и неизбежно выйдет на подробности самоубийства одного из четырех друзей, но это вовсе не означает, что нам с тобой нужно самоустраниться и заниматься только поисками Качкова.

– Я вовсе не это хотел сказать, – проворчал тот. – Естественно, нужно разговаривать и с Чешкиным, и с его внучкой. Я только хотел добавить, что, кажется, знаю еще одного человека, который принимал непосредственное участие в той истории, случившейся три года назад.

Макар остановился.

– И кого же? – удивленно спросил он.

– Ту самую любовницу, к которой уехал Ланселот. Готов поставить наш обед про заклад, что ее зовут Мария Томша, и именно с ней я разговаривал на кладбище.

Глава 9

Подходя к дому, Денис Крапивин посмотрел на часы. Почти одиннадцать вечера. Слишком поздно для него, пунктуального аккуратиста, даже возвращение домой старавшегося приурочить к определенному времени: восьми или девяти часам. Но отказать Ольге, тихим голосом умолявшей поужинать с ней, он не мог. Крапивин немного удивился, что она не попросила о встрече Швейцарца – с ним они быстро нашли общий язык, когда Ланселот их познакомил, а к Денису, как ему долгое время казалось, она испытывала сдержанную неприязнь. Он платил ей равнодушием – еще одна из Димкиных баб, красивая, но совершенно неинтересная. Очень пылкая внешне и какая-то замороженная внутри. Возможно, именно это сочетание и привлекло Ланселота, решившего в конце концов жениться на ней, но даже переход Ольги из статуса подружки в статус жены ничего не изменил в отношении Крапивина к ней.

Но после смерти мужа она словно цеплялась за Дениса, и не отозваться на ее умоляющий взгляд было невозможно. Наверное, ей просто страшно оставаться одной в роскошной квартире, отремонтированной Ланселотом. Возможно, ей так смертельно одиноко, что на роль компаньона годится даже он, друг ее покойного мужа, которого она всегда считала надменным сухарем, а по сути – полным ничтожеством.

Машина послушно отозвалась сигнализацией на нажатие кнопки, Денис сделал несколько шагов, поднял глаза на небо, по которому редко рассеялись мелкие звезды. «Звездное небо... в Москве... в апреле. Так непривычно видеть звездное небо».

– Молодой человек, вы не нуждаетесь в одиночестве?

Негромкий старческий ласковый голос раздался совсем рядом. Крапивин вздрогнул, решив, что вопрос ему послышался, перевел глаза на странного человека, незаметно подошедшего к нему. Это был старик интеллигентного вида, в опрятном пальто, чисто выбритый, и только в широко открытых голубых глазах бегало что-то нехорошее, заставляющее вмиг забыть и об интеллигентности, и об опрятности. Приглядевшись, Денис заметил, что на пальто старика небрежно нашиты карманы – крупными стежками, ниткой не в тон темной ткани, отвисающие так, что в них легко можно заглянуть. Старик переступил с ноги на ногу, нежно улыбнулся Крапивину, сунул руку в оттопыренный нагрудный карман и, вытащив оттуда небольшую банку из-под растворимого кофе, покачал ею

перед лицом изумленного Дениса.

– Одиночество... – прошелестел старик. – Я его продаю, да. Хи-хи-хи! Все думают, что людям нужно общение, что они страдают без него. Ерунда! Смехотворная чушь! Они страдают оттого, что выбирают для себя неправильное одиночество, неподходящее им. А я могу исправить эту ошибку!

Крапивин оглянулся на охранника в будочке, но тот был далеко и не видел их.

– Я вам продам одиночество на развес. – Старик сунул кофейную банку обратно, принялся рыскать по карманам. – Какое вы хотите? У меня есть разное, выбирайте, не ошибитесь. Есть тоскливое одиночество с привкусом дешевого остывшего чая из пакетика, но ведь вам оно не нужно, верно? У вас оно уже имеется, – он усмехнулся, показав отменные вставные зубы. – Есть безмятежное одиночество, но оно куда дороже. О, а вот здесь – прошу вас, обратите внимание – одиночество перед долгожданной встречей, оч-чень специфические ощущения. Есть одиночество покойника – хотите?

Он смеялся, черт возьми! Смеялся, протягивая Крапивину дребезжащую баночку, крышка которой была криво заклеена грязным скотчем.

– А вот еще... – старик выудил малюсенький пузырек из-под лекарства, – имеется одиночество с оживающими вокруг вещами. Одиночество, в котором пишутся стихи! Очень дорого, но вам, – он наклонился к Денису, и на отшатнувшегося Крапивина пахло ладаном, – вам, любезный юноша, уступлю подешевле...

Денис обошел старика, быстрыми шагами взбежал по лестнице к подъезду. Старик остался стоять на месте, выкрикивая вслед:

– А звездное одиночество – не хотите? Правда, легко сойти с ума, зато какое удовольствие! Один! В целом космосе! А вокруг – звезды, звезды, звезды!

Эхо его высокого голоса еще звучало у Крапивина в ушах, когда он взбежал по лестнице на свой этаж, не дожидаясь лифта. И вздрогнул, заходя на площадку – ему показалось, что старик уже стоит здесь, поджидает его. Но в следующий миг понял, что фантазия сыграла с ним дурную шутку: стоящий к нему спиной человек был приземистым и плотным. Он обернулся, и с навалившейся тоской Денис узнал Томшу.

– Да что ж это такое делается... – не сдержавшись, сквозь зубы выдавил он, приваливаясь к стене.

Женщина наклонила голову набок, прищурила и без того узкие глаза.

– Добрый вечер, – насмешливо протянула она. – Кто же так гостей встречает, Денис Иванович? Я тебя, волшебник мой, уже час жду, не меньше. Соскучилась по тебе, представляешь?

Она шагнула и теперь стояла очень близко, подняв к нему широкое лицо, на котором выделялись, манили к себе чувственные красные губы. Она всегда красила только губы, и от этого глаза ее казались еще меньше.

– Я... я не могу сегодня... не хочу... – пробормотал совершенно выбитый из колеи Крапивин, ощущая, как с левой стороны на затылке начинает болеть – головная боль всегда приходила оттуда. – Мария, мы с тобой уже говорили об этом!

– А ты меня Машенькой обещал называть, – притворно капризным голосом возразила Томша. – Пойдем к тебе, поговорим. Я тебе массаж сделаю, чай заварю... У тебя вон какое лицо уставшее, бледное.

«Есть тоскливое одиночество с привкусом дешевого остывшего чая из пакетика, но ведь вам оно не нужно, верно? У вас оно уже имеется», – вспомнил Крапивин, и остатки сил сконцентрировались в нем в сильную мужскую злость.

– Я не хочу чая, – сказал он, глядя в темные припухшие глаза. – И массажа твоего не хочу. Ты меня слышишь? Понимаешь? Мария, прошу тебя, не приходи ко мне больше. У нас с тобой ничего не будет, все закончилось!

Вместо того, чтобы обидеться, она рассмеялась. Негромко, дразняще.

– Что же у нас закончилось, волшебник мой? – спросила она, проведя рукой по лацкану его пальто. Из-за этого кошачьего мягкого прикосновения ему захотелось отшатнуться от нее так же, как от сумасшедшего старика. – Разве у нас с тобой что-то начиналось?

Она снова засмеялась и вызвала лифт; двери открылись сразу же, и Томша уехала.

Оставшись один, Крапивин достал из портфеля ключи, вошел в квартиру. Голова болела уже сильно, нужно было немедленно лечь, и он прошел, не разуваясь, в ванную, включил приглушенный свет крошечных зеленых светильников, первый раз в жизни поблагодарив за него декоратора, вымыл руки и ополоснул лицо ледяной водой. Боль заострилась, собралась в одном месте. «Лечь, скорее лечь».

Он поднял голову и увидел в полумраке свое отражение – белую, беззвучно хохочущую маску. Отражение в зеркале смеялось, скалило безупречные зубы, подмигивало ему. Крапивин в ответ судорожно дернул правым глазом и вышел из ванной, посмеиваясь.

Вопреки опасениям Бабкина, никто не поджидал их возле дома, когда они вернулись в квартиру Макара после похорон. Остаток дня Сергей занимался тем, что изучал биографию старшего Чешкина, а Илюшин валялся на диване, время от времени задавая самому себе вопросы и бесконечно рисуя на альбомных листах пляшущих человечков, переплетенных между собой нитями, веревками и канатами. Другого человека на месте Сергея поведение Илюшина могло бы раздражать – другого, но не его: Бабкин неоднократно видел, как из ерунды, из несуразных кривых картинок, в которые Илюшин, казалось, погружался полностью, вырастали идеи, оказывавшиеся на удивление близкими к истине. Или самой истиной.

– Нам нужна жизнь Владислава Захаровича, – сказал Макар напарнику перед тем, как начать работу. – И все возможные точки пересечения его с Владимиром Качковым.

– Ты подозреваешь...

– Нет. Я просто хочу проверить лежащую на поверхности идею о том, что два человека, каждому из которых было за что мстить Силотскому, объединились. Скажу сразу, что мне эта идея не очень нравится, и я сомневаюсь в том, что она найдет подтверждение. Но проверить нужно.

– Почему сомневаешься?

– Именно из-за ее очевидности, – непонятно ответил Макар и свалился на диван, уставясь в потолок.

Бабкин работал добросовестно, к тому же он был один, поэтому у него ушел весь конец дня и первая половина следующего на то, чтобы собрать информацию о старом Чешкине, а заодно о его внучке. Им никто не мешал. Сергей несколько раз осторожно осматривал из окна двор, но машины были те же, что и всегда, и никто не сидел на скамеечке, поглядывая на двадцать пятый этаж, никто не появлялся с биноклем в окнах дома напротив.

– Если наблюдение ведется, то очень профессиональное – такое, которое нам с тобой не под силу отследить, – сердито сообщил он. – Мне это все очень не нравится. По почерку нападения на тебя и Машу похоже, что работали дилетанты, которым требовалось лишь запугать нас, хотя они и подошли к своей задаче изобретательно в твоём случае. Но сейчас их не видно.

– Черт с ними! – отозвался Илюшин сонным голосом. – Забудь о них,

занимайся Чешкиными.

– Я ими уже отзанимался, – проворчал Сергей. – Все, что мог найти, нашел.

С Илюшина мигом слетела сонливость, он уселся на диване, выжидательно наклонился вперед.

– Рассказывай.

* * *

Когда-то Владислав Захарович закончил физфак Харьковского университета и сам себя считал человеком, подающим большие надежды. Поступив в аспирантуру, между делом он написал диссертацию и показал ее своему научному руководителю, совершенно убежденный в том, что отзыв будет одобрительный, а возможно, и сдержанно-восторженный. Прочитав диссертацию, научный руководитель вызвал к себе Чешкина, и, недовольно оглядев его долговязую фигуру, констатировал:

– Диссертация есть, защищать ее некому.

– Что вы имеете в виду, Сергей Анатольевич?

Сергей Анатольевич объяснил, что на данный момент он видит перед собой Славку Чешкина, совершенно несерьезного аспиранта, бесконечно отирающегося по курилкам института, талантливо рисующего стенгазеты и рассказывающего запрещенные анекдоты.

– Где? – спросил научный руководитель, похлопывая по рукописи, – Где труд, стоявший за этим твоим... опусом, а? Я его не видел. И никто не видел. Как ты ухитрился написать диссертацию за шесть месяцев, когда люди на это годы тратят? Ты, Слава, мотылек! Щелкопер! Серьезный ученый, прости, из тебя никогда не получится, а защитить вот это, – он снова хлопнул по рукописи, словно прибывая ее к столу, – тебе попросту не дадут.

В выражениях Сергей Анатольевич не стеснялся. Что руководило им – зависть ли к молодому аспиранту, у которого все получалось на порядок легче, чем у него самого, или же что-то другое... Сам Чешкин после не мог дать себе ответа на этот вопрос. Диссертация по ион-фононному взаимодействию, новой и очень перспективной теме, была защищена спустя три года – однако не им, а другим аспирантом Сергея Анатольевича, тихим незаметным юношей с девичьим стыдливым румянцем.

Впрочем, это Чешкина уже не интересовало. После разговора с научным руководителем «щелкопер» и «мотылек» попал в больницу с

открывшей на нервной почве язвой желудка и провел там почти полтора месяца. Выйдя из больницы, он больше ни словом не обмолвился о своей диссертации, закончил аспирантуру, женился и, к недоумению Сергея Анатольевича, никогда не принимавшего мальчишку всерьез, был приглашен работать в институт монокристаллов, на кафедру лазерной физики.

Работа увлекла его необычайно. Через два года он все-таки защитил диссертацию – с блеском, под одобрительный шепоток комиссии, но тема ее была очень далека от прежней. Слава Чешкин теперь занимался водорастворимыми кристаллами и посвятил исследованиям следующие двадцать пять лет своей жизни.

Вопреки прогнозам бывшего научного руководителя, он оказался хорошим ученым. А потому, когда его шеф получил кафедру в Москве, а вместе с ней и возможность перетащить с собой в столицу пятерых человек, Чешкин стал одним из них.

Жизнь его полностью протекала в науке, хотя Владислав Захарович был далек от карикатурного образа рассеянного ученого, забывающего очки на собственном носу и спрашивающего у жены адрес дома, в котором он проживает. Он обладал быстрым ясным умом, к тому же природа наградила его удачным сочетанием интуиции с аналитическими способностями. В отличие от многих коллег, интересы его не ограничивались узкой научной деятельностью, Чешкин много читал, собрал неплохую библиотеку, внимательно следил за научными исследованиями в остальном мире, самостоятельно изучал языки, понемногу читая на английском, французском и немецком.

Смерть жены от болезни стала для него тяжелым горем, которое он заглушал работой. Однако в девяностом году институт начал разваливаться, кафедра хирела, шеф уехал на постоянное проживание в Израиль, и работа фактически встала. Устав от безденежья, разочаровавшись не столько в своей науке, сколько в себе, не в силах продолжать исследования, на которые была потрачена вся жизнь, Владислав Захарович ушел из института «в никуда».

Вокруг него сновали бывшие аспиранты и сотрудники, подавшиеся кто в бизнес, кто в науку, смешанную с бизнесом, что оказалось еще выгоднее... Чешкину неоднократно предлагали заниматься тем же самым, но он ощущал брезгливость и каждый раз отказывался. Деньги, отложенные на черный день, быстро заканчивались, и если сам Владислав Захарович согласился бы вести жизнь аскета, то для своих внуков он такой участи не желал.

В один из унылых зимних дней, возвращаясь из продуктового магазина, он столкнулся с сыном бывшего шефа, молодым предприимчивым парнем по имени Паша. Уезжать за родителями в землю обетованную Паша отказался и стал успешным предпринимателем в Москве. Людей, подобных Паше, Чешкин называл про себя «прорыбистые» – они ловко сновали в водовороте событий, выхватывая где «нужного человечка», где полезные сведения, где «срубая денежку», где просто заводя знакомства. Паша плавал во всех водах, но свой уровень понимал хорошо и к щукам на глубину не совался. Знал, что преждевременно: съедят, и костей не оставят.

– Владислав Захарович! – Паша устремился к Чешкину. – Какое совпадение, боже мой! А я как раз о вас думал.

Паша поигрывал ключами от новой иномарки, Чешкин старался держать с достоинством рваный потертый пакет с хлебом и кефиром. Не обращая внимания на пакет, Паша изложил свое дело. Выяснилось, что совсем недавно он «по случаю» прикупил небольшое помещение, в котором располагался художественный салон.

Одной из Пашиных особенностей была полнейшая неспособность сопротивляться жажде приобретательства. Если что-то где-то продавалось и Паша мог это купить, то он покупал. Иногда приобретенное не удавалось продать с прибылью, но и в этом случае Паша не расстраивался, веря, что в следующий раз приобретение оправдает себя. Как правило, именно так и выходило.

– Приличная такая площадь, хоть и в подвале, – рассказывал «прорыбистый» Паша. – Благоустроенная. Внутри смешно, конечно: висят какие-то тарелки железные, подсвечники кривые, посреди комнаты стоит ваза, а из нее шприцы торчат. Это, типа, символ современного искусства. И больше ничего. Я вот думаю: салончик бы там устроить, а, Владислав Захарович? Картины повесить, продавать... Я читал, в Америке большим успехом пользуются такие салоны.

– А я тебе зачем понадобился? – искренне удивился Чешкин.

– Мне директор нужен, – просто сказал Паша. – Понятное дело, сам я этим заниматься не буду. Нужен правильный человек. А кто лучше вас подойдет, Владислав Захарович?

Чешкин сначала удивился, затем рассмеялся, но Паша только покачал коротко стриженной рыжей головой.

– Вы свой талант не знаете! – сказал он Владиславу Захаровичу. – У вас дар – с людьми общаться, а не кристаллы бессловесные изучать. Между прочим, редкое качество. Соглашайтесь, что вы теряете!

Но Владислав Захарович отказался.

– Я, Паша, масло от акварели не отличу, – сказал он. – Что я там буду делать, в твоём салоне? Спасибо за предложение, но я для тебя кандидатура все же неподходящая.

Разочарованный предприниматель уехал, а Чешкин, вспоминая разговор, посмеивался до самого вечера. Ваза со шприцами, надо же...

Однако два дня спустя он шел мимо помещения, которое купил Паша, и спустился вниз. Оглядел темную комнату, покачал головой и вышел. А на следующий день Владислав Захарович принял предложение одного из знакомых: знакомый пытался организовать бизнес по продаже трикотажных изделий, и ему нужен был человек, который согласился бы отправиться в Цхинвали для закупки пробной партии товара на трикотажном комбинате, а заодно наладить связи с директором комбината. Узнав о согласии Чешкина, знакомый очень обрадовался:

– Слава, я полностью на тебя полагаюсь! – сказал он. – Ты с людьми умеешь договариваться получше всех этих... молодых.

Чешкин, слегка раздосадованный тем, что его так прямо, в лицо, зачислили в разряд «немолодых», в то же время не мог не вспомнить слова Паши. Он удивленно пожал плечами: чего же сложного – с людьми общаться? Подумаешь, способность!

Приехав в Цхинвали, он быстро убедился в том, что поездка его оказалась напрасной тратой времени и денег. Комбинат разваливался, как и все в стране, и никакого трикотажного бизнеса с ним сделать было нельзя. Владислав Захарович вышел из проходной и побрел по улочкам, освещенным ярким полуденным солнцем, вдыхая запах свежей земли и теплого асфальта, с любопытством разглядывая незнакомую архитектуру. На противоположной стороне улицы он увидел вывеску – «Художественный салон», и, повинуясь безотчетному импульсу, зашел внутрь.

В салоне никого не было. Чешкин двинулся вдоль стены, рассматривая картины, и, наконец, дошел до одной – самой большой, висевшей в освещенном углу. Это был пейзаж... нет, не пейзаж! Владислав Захарович не мог подобрать определения тому жанру, в котором неизвестный ему художник написал свою работу. На картине был город – улочки, которыми он шел минутой назад, дома, которые он разглядывал... Но все было написано яркими, невероятно насыщенными цветами, в полудетской, нарочито примитивной манере. В центре картины художник написал высушенного, как мотыль, старика, продающего дыни с арбы. Груда дынь на ярко-коричневой поверхности светилась сочным золотым цветом,

зеленые прожилки на их коже казались венами на желтой коже. Все на картине было невероятно живым – и старик, и арба, и дыни, одна из которых готовилась покатиться от нечаянного толчка телеги, упасть под ноги, расколовшись об пол, обнажить тающую ароматную мякоть. Широкие мазки чернильно-синего, черного, фиолетового прокладывали дорогу по теневой стороне улицы, создавали прохладу, манящую под своды крыш. В небе художник столкнул между собой оттенки бутылочного и травяного зеленого, и оранжевая кошка, гревшаяся на одной из крыш, казалась таким же сочным плодом, как и дыни, возлежащим на фоне качающейся за ним воды, почему-то на время обратившейся в небо.

Владислав Захарович вырос на классической живописи. Ничего подобного он никогда не видел. Он вспомнил импрессионистов, но даже его знаний хватило на то, чтобы понять: художник работал в другой технике, смелой, новаторской.

– Я вижу, вам нравится работа Сабеева? – спросил мелодичный женский голос.

Чешкин обернулся и увидел хрупкую черноволосую женщину с седой прядью, с улыбкой смотревшую на него.

– Он сам из Южной Осетии, и видели бы вы, какие у него натюрморты! Разрешите представиться... Я – директор нашего салона. – Она назвалась, заинтересованно посмотрела на него. – А вы, простите?.. Что вас привело к нам? Любопытство?

– Я... Представьте, я – ваш коллега, – неожиданно для себя сказал Владислав Захарович. – У меня галерея в Москве. Мне очень приятно с вами познакомиться.

Он улыбнулся и пожал протянутую ему тонкую сухую руку, унизанную браслетами.

* * *

В Москву Чешкин привез четыре картины художника Тимура Сабеева, приобретенные им в маленьком салоне. В блокноте четким красивым почерком были записаны телефоны, по которым можно было связаться и с художниками, и с директором салона в Цхинвали.

В следующие два месяца Владислав Захарович развернул бурную деятельность: обустроивал галерею, бродил по квартирам художников, обзаводился новыми знакомствами, покупал работы. Паша, поначалу с сомнением выделявший средства на приобретения Чешкина – «широко

размахнулся старикан», – после продажи первых двух картин Сабеева перестал беспокоиться о том, насколько обоснованно его новый директор галереи тратит деньги: одна работа ушла в Австрию, другую приобрел музей. У Владислава Захаровича оказался хороший вкус. Считая себя необразованным человеком в области живописи, он старательно учился, перелопачивая по вечерам груды искусствоведческих книг, анализируя и систематизируя сведения, с интересом погружаясь в малоизвестные ему эпохи.

И, кроме того, у него было умение работать с художниками и покупателями. Рыжий Паша оказался совершенно прав: одним из талантов Чешкина, долгое время не осознаваемым им самим, была способность легко сходитья с людьми, чувствовать их настроение, заряжать их собственными эмоциями. Владислав Захарович ни в коем случае не являлся притворщиком, и книги Карнеги были ему чужды. «Прирожденный эмпат», – сказал о нем один из хороших знакомых, но ошибся: в юности Чешкин не проявлял подобных качеств. Почему-то именно с появлением в его доме внуков развилась во Владиславе Захаровиче удивительная неназойливая внимательность к людям, всегда лестная от такого незаурядного человека.

Художники любили его за то, что он был искренен и дружелюбен с ними, никогда не претендовал на роль критика и отличался интеллигентностью. Кроме того, он был известен в научной среде. Чешкин не был *выскачкой*, и это много значило. Два года спустя после официального открытия «Арт-галереи Крамника» даже противники Паши признали, что у пожилого директора салона есть чутье на новое, которое будет пользоваться спросом, и это чутье сочетается со вкусом, позволяющим не пропускать в галерею китч и откровенную конъюнктуру.

После самоубийства Коли Чешкин весь ушел в работу, как когда-то после смерти жены. Но теперь с ним была Полина – его лохматый ангел, хрупкая душа. В ней так же, как и в брате, расцвела фантазия, позволявшая ей придумывать сказки, стихи и даже рисовать к ним простые, но запоминающиеся авторские картинки. Выбирая образование, она поступила в институт иностранных языков, и Владислав Захарович был доволен ее решением. Теперь Полина работала с детьми в художественном кружке, давала частные уроки английского языка для заработка и помогала деду в галерее.

– И никаких пересечений с Владимиром Качковым, – закончил Бабкин. – Мы знаем фирму, которую много лет назад организовал Качков, пытаюсь устроить свой бизнес, у меня есть список людей, которые когда-то были его кредиторами, – начальник службы безопасности «Брони» их помнит... Данных по Чешкину и его семье тоже достаточно, и на первый взгляд все лежит на поверхности. Владислав Захарович в значительной степени публичная фигура, его нередко приглашают в различные передачи, у журналистов есть его досье.

– Владимир Олегович с его волчьими повадками нравился женщинам, – задумчиво произнес Макар, – и почему бы Ланселоту, который частенько бывал у Чешкиных, не познакомить при случае своего заместителя с сестрой своего друга?

– Вполне возможно. Говорю тебе, я не нашел официальных точек пересечения, но это не значит, что не было иных. Чешкина характеризуют как человека, хорошо разбирающегося в людях, общительного и обаятельного, думаю, ничто не помешало бы ему завязать знакомство с Качковым и сыграть на нужных струнах, чтобы добиться своего. Если бы он захотел отомстить за смерть внука, конечно, – с легким сомнением в голосе добавил Сергей.

– Но в том-то и дело, что ни один из фактов, которые ты обнаружил, не говорит о том, хотел ли Владислав Захарович отомстить тому, по вине кого погиб его внук, – кивнул Макар. – Думаю, что нам с тобой самое время познакомиться с семьей Чешкиных.

Сергей покачал головой. Методы их с Макаром работы были различны, если не противоположны: Бабкин, как бывший оперативник, в расследовании исходил из того, что информация – основа всего. Поэтому у него почти не было сомнений в том, что следственная группа, занимающаяся делом Силотского, выйдет на след убийцы быстрее, чем они с Илюшиным: у нее имелись улики, из которых можно было выжать ту самую необходимую информацию, имелись специалисты и методы, позволявшие по использованной взрывчатке выйти на применявших ее людей, имелось то, что Сергей называл «живой силой», – люди, превращавшиеся в человеко-часы работы, изучавшие круг общения убитого, анализировавшие его связь, сопоставлявшие факты. У Бабкина с Илюшиным ничего этого не было, и, более того, Макар запретил напарнику наводить справки о том, как движется расследование, напомнив, что сам Сергей был и остается одним из причастных к делу лиц.

У Илюшина существовала своя, довольно странная система, включавшая обязательное личное знакомство со всеми лицами,

замешанными в деле. Пару раз он объяснял Сергею, что должен составить *представление*, которое потом ляжет в основу образов, бесконечно повторяемых им на альбомных листах. Он совершал алогичные поступки, посмеивался над возмущением Сергея, однако Бабкин так часто наблюдал, что метода Илюшина оправдывает себя, что привык с ним не спорить.

Но на этот раз Сергею было ясно, что они идут не в ту сторону.

– Подумай вот о чем... Совпадение «почерков» в попытке не дать мне уйти от Ольги и создании иллюзии «жамэ вю» у Силотского – это раз, – начал перечислять он. – Знакомство, наверняка, близкое, с Качковым – это два. Мотив для убийства мужа – три. Макар, ты собираешься потратить время не на тех людей. Почему мы не занимаемся Ольгой? Она наиболее вероятная подозреваемая, с какой позиции ни погляди!

– А тебе показалось, что она искренне любит мужа, – небрежно возразил Илюшин.

– Макар, мое «показалось» – не доказательство! Оно может не иметь никакого отношения к тому, что есть на самом деле! Это лишь субъективное впечатление!

– Спокойствие, только спокойствие! Ты хочешь, чтобы мы занимались Ольгой Силотской? Но подумай сам, мой мстительный друг: сейчас ее допрашивают в прокуратуре, и что мы можем сделать?

– Откуда ты знаешь о прокуратуре?

– Об этом мне вчера сообщил Семен Швейцман, выразив уважение перед деликатностью правоохранительных органов, которые не вызвали горющую вдову на допрос прямо с похорон супруга, а дали ей время прийти в себя. Она должна была, по его словам, уехать к двенадцати, – Макар бросил взгляд на старые настенные часы с кукушкой, кукушка в которых не куковала, а хрипела сиплым голосом, – а сейчас только половина первого. Она не вернется раньше вечера. Кстати, у меня есть для тебя куда более занимательный вопрос...

– Какой? – настороженно спросил Сергей.

– Откуда взялись крысы?

– Что? Какие крысы?

– Те, которых подбросили жене Семена Швейцмана. Можешь подумать над этим, пока мы едем в «Арт-галерею Крамника».

* * *

Ольга вернулась домой после очередной встречи с Крапивинным,

взглянула на фотографию мужа, стоявшую на полке.

– Я люблю тебя, ты знаешь, – вслух произнесла она.

Это была правда. С самого начала их семейной жизни Ольгу на удивление мало задевали похождения мужа, и она ценила старания Димы оградить ее от этой стороны его натуры. Наученная первым браком, она не хотела превращать второй в поле битвы, к тому же с возрастом стала куда менее категоричной. Она знала, что Дима любит ее, – он говорил ей об этом, заботился о ней, готов был проводить с Ольгой свободное время, разбивался в лепешку, когда ей чего-то сильно хотелось.

– Помнишь, ты купил мне зонтик-трость? – спросила она у фотографии.

Год назад ей захотелось иметь зонтик-трость, но самые дорогие дамские зонты были для нее маловаты – Ольга предпочитала огромные, под которыми могли спрятаться двое, – а в мужских ей не нравилась мрачная расцветка. Она пожаловалась мужу на неудачу за неделю до какого-то маленького юбилея вроде дня их встречи, который оба отмечали, если только вспоминали о нем. И Дима принес ей вожделенный зонт – огромный, яркий, расписанный ирисами и зеленой травой: он вызывал у проходящих дам взгляды зависти, когда Ольга шла под этим зонтом! Дима долго не признавался, где же купил его, однако в конце концов Ольга узнала правду. Один из знакомых Силотского возвращался из Англии, и Дмитрий упросил его зайти в Лондоне в магазин, найденный им в Интернете, и купить несколько зонтов. Он боялся не угодить жене, и оттого знакомый привез по его заказу *пять* штук. Муж дарил ей по одному каждую неделю, а потом признался. Бабкин был не способен на такие жесты – не потому, что у него не хватило бы денег, а потому, что ему в голову бы не пришло так стараться ради своей жены. Он не был человеком-праздником. «По правде говоря, он был ничтожеством».

– Я хочу поговорить с тобой, – пожаловалась она снимку. – Иногда я боюсь... боюсь, что сделаю что-нибудь не то!

«Все будет хорошо, – читалось в улыбке мужа. – Ты все сделаешь правильно. Не бойся, дорогая моя».

– А я все равно боюсь! – упрямо возразила Ольга. – Оставил меня здесь одну... бросил...

Она всхлипнула, вытерла набежавшую слезинку.

– Хочу, чтобы ты поскорее забрал меня отсюда, – прошептала она. – Все равно куда, лишь бы с тобой.

Когда двое новых посетителей вошли в галерею, Владислав Захарович занимался новой картиной: акварелью по мотивам Брейгеля, без затей названной художником «Весна». Вместе с консультантом, работавшим в этот день в салоне, они выбрали лучшее место, и, хотя пришлось перевесить весь «Сельский цикл» Жердинского, включая два диптиха, Чешкин был доволен.

– Почему бы и нет? – бормотал он себе под нос, поглаживая бородку. – Пожалуй, удачный выбор. Конечно, ничего нельзя сказать наверняка... Посмотрим, посмотрим.

Консультант Геннадий беседовал с одним из постоянных визитеров, принося из подсобной мастерской картины и демонстрируя их одну за другой – и сам при этом увлекся процессом, как одобрительно отметил про себя Чешкин. Несколько любопытствующих переходили от одного полотна к другому, перешептываясь между собой негромко, как в музее. Владислав Захарович едва заметно усмехнулся и перевел взгляд на двоих мужчин, остановившихся как раз перед акварелью Павла Еникеева.

Они оказались первыми, обратившими на нее внимание, и Чешкин ощутил любопытство. С Полиной они долго спорили о «Весне», и вот теперь Владислав Захарович решил послушать, что скажут о ней посторонние люди, вполне вероятно, ничуть не разбирающиеся в живописи. Однако его намерению не суждено было исполниться. Стоило Чешкину сделать шаг к этим двоим, как тот, что был пониже, светловолосый и вихрастый, обернулся к нему, и Владислав Захарович увидел перед собой парня с правильными чертами лица и очень ясными серыми глазами, внимательными и любопытными. Во всей внешности его было что-то очень располагающее, почти неуловимое, быть может – легкая насмешливость, скрывавшаяся в уголках слегка изогнутых кверху губ. Чешкину нравились насмешливые люди. Шею парень обмотал полосатым серо-зеленым шарфом, и Владислав Захарович мельком подумал, что, должно быть, на улице снова похолодало.

Второй, обернувшийся вслед за первым, высокий и широкоплечий, в противоположность приятелю был одет не по погоде легко – в рубашку спортивного покроя, широкие джинсы и джинсовую же куртку. Лицо его казалось бы простоватым, если бы не умный цепкий взгляд глубоко посаженных темных глаз под широкими бровями. И уж во всяком случае, отметил Чешкин, это лицо было мужественным. «Занятные лица,

занятные...»

– Добрый день, Владислав Захарович, – внезапно произнес первый. – Не могли бы вы уделить нам немного времени?

* * *

– Разрешите объяснить... – начал Макар, как только Чешкин провел их в комнату за галереей, где на полу стояло множество картин, прислоненных друг к другу, и указал на легкие плетеные стулья.

Пока Илюшин вкратце излагал причины их визита, Бабкин незаметно огляделся, затем рассмотрел старика. Он уже видел его на фотографиях в Интернете, однако снимки не передавали самого главного – того достоинства, с которым держался директор галереи. Волосы его были сероседыми, с проблесками темных прядей, сухопарую спину он держал очень прямо, и, несмотря на демократичность одежды – Чешкин был в бежевом джемпере, из-под которого выглядывал полурасстегнутый ворот рубашки, – производил такое впечатление, словно надел строгий костюм.

– Что же вы от меня хотите? – спросил он, выслушав рассказ Макара. – Я, позвольте вас уверить, не имел никаких дел с Димой в последние несколько лет, и, может быть, вам известна также и причина...

Илюшин кивнул.

– Но в таком случае, – пожал плечами Владислав Захарович, – я не понимаю, чем могу быть полезен... Меня уже допрашивали, и я сообщил господам сыщикам то же, что и вам.

Он, казалось, выпрямился еще больше, в выправке появилось что-то военное, губы плотно сжались. «Ничего он нам не скажет, – понял Сергей. – Непреклонный старикан».

Макар, похоже, подумал о том же. Он кивнул, отвернулся от Чешкина, быстрым взглядом обежал светлую комнату.

– Не могу понять, Владислав Захарович, – задумчиво проговорил он, – почему же вы его не лечили? Это, пожалуй, единственное, что не укладывается у меня в голове.

Чешкин дернулся, хотел что-то сказать, но лишь стиснул губы еще плотнее. Широкие косматые брови, несколько несуразно смотревшиеся на аристократичном лице, сошлись в мохнатую гусеницу.

– На том, что Коля здоров, настаивал именно Ланселот, не вы, – продолжал Макар чуть недоуменно и доверительно, будто советуясь с Владиславом Захаровичем. – А вы, если я правильно понял, утверждали,

что вашего внука нельзя оставлять одного, что Дмитрий Арсеньевич ошибочно оценивает его состояние, и его эйфория не имеет под собой никаких реальных оснований. Но если вы понимали это, так почему же вы не лечили Николая?

– По какой причине, молодой человек, – начал сдержанным от ярости голосом Чешкин, – по какой причине вы решили, что имеете право копаться в нашей личной жизни и делать свои выводы?!

Сухие пальцы выбили барабанную дробь по плетеному столику, ноздри тонкого носа раздулись, и Сергей подумал, что сейчас их попросят удалиться. Макар, остававшийся невозмутимым, размотал шарф и потер покрасневшую шею.

– «По бордюру идет смеющаяся беременная девушка с большим животом, – сказал он, и Бабкин вскинул на него изумленные глаза, решив, что ослышался. – Пупок, прорисовывающийся сквозь майку, похож на пимпочку от воздушного шарика, и кажется, что живот вот-вот поднимет девушку в воздух. Она полетит, хохоча, над деревьями».

Барабанная дробь прекратилась. Сергей затаил дыхание.

– Очень нехарактерно для Николая Чешкина, – задумчиво проговорил Илюшин. – Эти короткие записи, которые я нашел на сайте, не похожи на остальное его творчество. Его стихи сложны, громоздки, отличаются избыточностью образов. И вдруг – элементарные зарисовки, очень простое построение фразы при известной наблюдательности... А помните про паука? Пять предложений, в которые уложилась маленькая история, но все очень лаконично, без затей. Так пишет человек, который учится писать и добросовестно фиксирует то, что видит. Кстати, эти крошечные наблюдения понравились мне больше, чем стихи.

Старик молчал, но Сергей видел, что губы его разжались, лицо смягчилось.

– Один из поклонников написал на форуме, что так начинался новый виток в творческом развитии Чешкина: от сложного – к простому, но и в этой простоте проявлялся его талант. Может быть, Коле действительно стало лучше, Владислав Захарович? Отчего он стал писать совершенно иначе, чем прежде?

– Экспериментировал, – вздохнул старик, и Сергей понял, что в ближайшее время их не выгонят. – Надо же, вы читали... Да, мне тоже нравились эти... даже не знаю, как их назвать – может быть, пробы пера? Все настолько просто... даже примитивно, но я видел в его записях свидетельство того, что он вглядывается в мир без прежнего страха, который мучил его. К сожалению, я ошибался.

– И все-таки – почему же вы его не лечили?

– Я его лечил! – почти выкрикнул Чешкин, встав со стула и тут же садясь, увидев в дверях озабоченное лицо консультанта. Старик махнул рукой, показывая, что все в порядке, и консультант исчез, прикрыв дверь. – Лечил! Вы же... вы же ничего, совершенно ничего не знаете! Он два раза проходил курс лечения в этой... как ее... психушке на Каширке, а потом в клинике Корсакова.

Владислав Захарович горестно вздохнул, отвернулся. Он не мог объяснить этим людям, что в Коле, возвращавшемся из лечебницы исхудавшим, неузнаваемым, страшным, исчезало самое ценное, что было в нем и притягивало к нему людей, – внутренний свет. Его внук ходил, ел, пил, разговаривал, но он переставал писать.

– Не было больше ни стихов, ни набросков его горячечных... – устало сказал Владислав Захарович. – Словно отсекали эту способность, понимаете? Вылечивали часть души, если годится слово «вылечивали», но в этой части гнездились еще кое-что, кроме болезни и его тяги к самоубийству, и оно уничтожалось тоже. На время. Затем постепенно возвращалось... очень медленно, едва-едва. После второго раза я даже подумал, что уже не вернется, не будет Коля никогда писать – и, поверите, ощутил такую тоску, будто мальчик мой стал инвалидом. А самое главное – я ведь видел, каким беспросветным становилось для него существование. Глаза тусклые, ничего в них больше не светится, ничего не загорается...

Чешкин горестно вздохнул.

– Но вернулось, вернулось... И Коля будто расцвел, ей-богу! Писал допоздна, ругался сам с собой в комнате, потом под утро прибегал ко мне, стихи читал... Полинку будил, да! Такой был счастливый, такой упоенный! Я знал, что он снова будет пробовать... пробовать уйти от нас, и ничего не мог поделать. Я очень любил его... и сейчас люблю. Он был счастлив в той жизни, которой жил, и можно было лишить его тяги к смерти, но тогда пропадал в нем и вкус к жизни. Я надеялся, старый дурак, что смогу пройти по этому лезвию, что сумею и уберегу Колю, и сохранить его счастье. Не смог. Но, знаете, – откровенно добавил Чешкин, – я радовался и тому, что было дано мне господом. Ангелы долго не задерживаются на этой земле, а Коля был ангел, настоящий ангел...

– В каком смысле? – осторожно уточнил Бабкин, присматриваясь к Владиславу Захаровичу. «Уж не наследственная ли у них шизофрения?»

– В таком, что он был очень добр, ласков, невероятно отзывчив к чужому горю и никогда не думал о себе. В каком-то роде он так и остался ребенком, светлым ребенком. Возможно, – тихо добавил Чешкин будто про

себя, – именно потому Коля остался единственным, с кем она ничего не смогла поделать.

– Кто – она? – немедленно спросил Макар.

– Что? – Старик вскинул на него карие глаза, пару секунд молчал, осознавая вопрос. – Ах, это я вспомнил о своем... наболевшем. Вам, думаю, будет совершенно неинтересно.

– И все же, – настаивал Илюшин. – Вы сказали, Коля был единственным, с кем она не смогла ничего поделать. Кто – она? И кто эти остальные?

– Долгая история, признаться. Была одна женщина в Колином окружении... впрочем, почему была? Она и сейчас живет и здравствует, насколько мне известно. Зовут ее...

Чешкин страдальчески поморщился, словно ощущал физическую боль при мысли, что придется произнести имя женщины.

– Мария Томша, – вдруг наугад брякнул Сергей, и по удивлению в глазах старика понял, что попал в цель.

– Совершенно верно. Значит, Мария Сергеевна вам уже знакома?

– Недостаточно, – дипломатично вывернулся Бабкин. – Расскажите о ней, пожалуйста, Владислав Захарович.

* * *

Мария Томша – скульптор, рассказал Чешкин, из тех, о которых говорят «широко известный в узких кругах». Правда, известность ее носит несколько скандальный характер: четыре года назад она выставила серию «Животворение», в которой глиняные божки с головами различных животных были наделены пенисами этих же животных, воспроизведенных с потрясающей физиологической точностью и в натуральную величину.

Томша добилась временного успеха и внимания, однако эпатаж ее был не нов, и спустя всего месяц о «Животворении» уже забыли. Часть серии разошлась по покупателям, часть осталась у самой Марии Сергеевны. Тогда-то она и пришла к Чешкину. Работы скульпторов выставлялись в его салоне редко, и тем престижнее считалось одобрение директора галереи, не говоря о том, что это обеспечивало интерес новых клиентов.

Но Владислав Захарович, проявивший интерес к работам Томши по просьбе друга своего сына, Дмитрия «Ланселота», быстро разочаровался и не стал этого скрывать.

– Вам не понравились ее скульптуры? – спросил Макар.

– Я бы даже не стал называть ее поделки скульптурами, – Чешкин покачал головой. – Именно поделки, игра способных пальцев, но игра, в которую не вложено ни искры таланта. Я видел ее попытки работать с деревом – признаюсь, я предпочитаю именно деревянные скульптуры остальным, – и, видит бог, Мария Сергеевна потерпела полное фиаско. Но она наделена непомерным, колоссальным самомнением, помноженным на уверенность в собственном таланте, и поначалу даже я подпал под ее самоощущение. Но лишь до тех пор, пока не увидел ее мастерскую. Скульптура не врет, в отличие от своего создателя, не окутывает себя завесой тайны. Мария Сергеевна показывала мне одну работу за другой, в глазах у нее горел огонь, она объясняла, чем именно было навеяно то или иное произведение, а я видел лишь ученические вещицы, одни более занимательные, другие менее.

Владислав Захарович вспомнил, как ходил по мастерской, удивляясь про себя несоответствию рассказов Силотского о Томше и того, что она представляла собой в реальности как скульптор. Дмитрий был от нее в восторге, Чешкин же, отдавая должное фантазии Марии Сергеевны, назвал про себя ее работы «средненькими поделками». Птицы с шестью ногами и очеловеченными лицами, покрытые волосами вместо перьев, слоны с гипертрофированным достоинством, закольцованным с хоботом, всадник на оседланном человеке, свирепо обнажившем зубы в лошадином оскале, переплетения голых женских тел, из которых вырастал фаллос, взрывающийся фонтаном икринок... Владислав Захарович покачал головой. «Ловушки для профанов вроде Димки, – вынес он свой вердикт. – Очень сильный, почти навязчивый сексуальный подтекст – должно быть, на это он и купился. Ни грамма таланта, ни унции вкуса, зато личность автора отражена в полной мере».

Он бросил косой взгляд на Томшу, которая в длинном черном балахоне походила на невысокого божка, и признался себе, что она вызывает у него антипатию. Слишком много было в ней животной энергии, которая отчего-то отталкивала его. И этот нагловатый ощупывающий взгляд...

– Уж не знаю, зачем ей понадобилось именно мое одобрение, – говорил сейчас Чешкин, бесцельно расставляя по столику крошечные шахматы из оникса, на которых мягко бликовал зеленый свет, – но она требовала, чтобы я откровенно высказал свое мнение. Я постарался смягчить его, как мог, и объяснил, что галерея такое выставлять не будет. И тогда, вы знаете, она в одну секунду стала невероятно агрессивной, обвинила меня в предвзятости, наговорила гадостей, а под конец даже попыталась выгнать меня из своей мастерской. Но тут вошел Силотский, и

она вдруг начала источать сладострастие, извиняться передо мной и убеждать, что я ее неправильно понял – в общем, устроила отвратительное представление. Я ушел, разумеется, но на этом Томша не успокоилась: с периодичностью раз в месяц стала появляться в нашей галерее с новыми работами, хотела от меня признания ее заслуг, говорила о том, что экспериментирует с новыми формами...

– Она и в самом деле экспериментировала? – поинтересовался Макар.

– Нет, в том-то и дело. Поймите, я не специалист, не искусствовед и могу ошибаться, но, с моей точки зрения, Томша остается на одном месте, выплескивая свои фантазии в глине или мраморе. Но на такое способен любой выпускник художественного вуза. При том ее подпитывает непреходящая убежденность в том, что она, Мария Томша, говорит новое слово в скульптуре, а мы, жалкие ничтожества, не способны ее оценить. Я не раз предлагал ей податься в другие салоны, но не знаю, последовала ли она моему совету. Ее преследование со временем так стало мне досажать, что я и вовсе прекратил общение с нею.

– Преследование? – не понял Бабкин. – Что вы имеете в виду, Владислав Захарович?

– Трофеи, – коротко, с отвращением в голосе пояснил Чешкин. – Томша – дама ненасытная, упивающаяся тем, что ни один мужчина, как она считает, не способен ей отказать. В каком-то смысле она не так уж и ошибается, потому что в ней и в самом деле есть что-то такое... порочно-притягательное. Сначала она завоевала Диму Силотского, но он оказался для нее довольно легкой добычей, поскольку и сам отличался... э-э-э... весьма пылким темпераментом. Затем принялась за Дениса и Сеню.

– Крапивина и Швейцмана? – недоверчиво переспросил Бабкин.

– Совершенно верно.

– Неужели ее мог заинтересовать Крапивин? Нет, я понимаю, что он вполне состоявшийся человек, но ведь не зря его называют Пресноводным...

– Чушь это все! – неожиданно рассердился Чешкин. – Меньше слушайте глупости, которые вам выдают за истину. Дима Силотский в школе придумал несправедливую, недобрую кличку, навязал ее другим мальчикам и самому Денису и был, кажется, весьма доволен своей выдумкой. Подозреваю, за его злой выдумкой стояла банальная зависть: Денис учился лучше, он брал усидчивостью, и учителя его хвалили. А Дима был такой, знаете, мальчик-фейерверк, со вспышками интереса к учебе, легко загорающийся и так же легко остывающий. Обычно первые завидуют вторым, потому что «фейерверкам» учеба дается легко, но в

случае Силотского и Крапивина было наоборот.

– Вы уверены в этом?

– Конечно, никто из них никогда не признавался мне – да это было бы и странно! – но не забывайте, я наблюдал мальчиков много лет. Так мы говорили о Томше... Дело не в том, что Денис Крапивин скупен, – это вовсе не так! Назовите это сдержанностью, привычкой скрывать свои чувства и мысли из опасения быть высмеянным – и будете ближе к истине. Из них троих больше всего я полагался на Дениса, потому что он меньше всех говорил и больше всех делал, и ему не требовалось облекать свои поступки в красивую словесную обертку, как Силотскому. И очень заботился не только о Коле, но и о Полине...

Чешкин скомкал последнюю фразу, и Сергей с Макаром переглянулись.

– Что касается отношений Томши с моим внуком... – Старик переставил несколько фигур, поморщился: роль сплетника его явно тяготила. – У нее есть что-то вроде пунктика: чем сильнее она ощущает чью-то антипатию, тем больше жаждет завоевать именно этого человека. Когда я это понял, Мария Сергеевна стала вызывать у меня брезгливость, и она, боюсь, ее почувствовала. Я в доверительном разговоре просил Ланселота оградить Полину от общения с его любовницей, и он, кажется, выполнил мою просьбу. Тогда Томша, подобно кровососу, чувствующему самое нежное, самое уязвимое место, добилась, чтобы он познакомил ее с Колей, и попыталась соблазнить и его.

– Откуда вам это известно? – удивился Сергей.

– От самого Коли. Поймите меня правильно: он не обсуждал со мной подробности – это было бы и неумно, и гадко, но он доверчиво рассказывал о том, как она приглашала его в свою мастерскую, как вела себя, что говорила... Зная Марию Сергеевну, я легко мог дорисовать всю картину целиком. И я, признаюсь, опасался за Колю. Вы скажете, быть может, что я напрасно демонизирую эту женщину, но она вызывала во мне отвращение и страх.

Чешкин помолчал, по одной собрал шахматные фигурки в коробку.

– Поэтому, признаюсь, я почувствовал невероятное облегчение, когда Коля в ответ на мой осторожный вопрос непонимающе взглянул на меня и сказал, что он вовсе не собирается больше встречаться с Марией Сергеевной, потому что ее скульптуры ему неинтересны. Он совершенно не думал о ней самой! Я не могу сказать, что он хорошо разбирался в людях – нет, скорее, наоборот: иногда Коле были непонятны самые простые побудительные мотивы его знакомых, и он советовался со мной,

обнаруживая удивительную наивность; но я принимал это как должное. Мы все оберегали его. Но от Томши, видит бог, он уберег себя сам.

– И все же Силотский поехал к ней в ту ночь... – осторожно напомнил Макар.

Владислав Захарович покачал головой.

– В том, что произошло, был виноват лишь я. Я пытался, пытался изо всех сил перевалить вину на Диму Силотского, оправдать самого себя, но притворяться было бы глупо – я понадеялся не на того человека, оставил моего мальчика одного, вдруг решив по каким-то отрывкам текста, что ему и впрямь лучше, что это окно света, которое манило его к себе, закрылось... хотя бы на несколько лет... Я отвечал за него, понимаете? Я, а вовсе не Дима, и уж тем более не Мария Сергеевна, которой захотелось развлечений.

В дверь снова просунулась голова консультанта, он вопросительно посмотрел на Чешкина, и Владислав Захарович сделал короткий успокаивающий жест – «сейчас, иду».

– Простите, – сказал он, – мне нужно быть в галерее... Да, забыл вам сообщить – в ту ночь, перед смертью, Коля написал один отрывок... Такой же несвойственный ему, как и те отдельные фразы, которые вы, Макар, читали на сайте. Он успел написать его за те десять-пятнадцать минут, что оставался один, либо же начал раньше, а в этот промежуток времени закончил. Я сохранил его, потому что это последний Колин текст.

– Нельзя ли его прочитать? – быстро спросил Макар, весь подавшись к Чешкину.

– Прочитать... – чуть растерянно повторил тот, встав и глядя на Илюшина сверху вниз. – Собственно, почему бы и нет? Но он у меня не с собой, он дома...

– Вы разрешите к вам заехать?

Чешкин поколебался, пошевелил в сомнении широкими мохнатыми бровями, но решился:

– Ну хорошо, договорились. Запишите адрес...

Чешкин собрался диктовать, но в следующую секунду дверь с силой распахнулась, и в комнату влетела молодая женщина. В первую секунду Бабкин не сразу узнал в ней восторженную девушку, виденную им на кладбище мельком и издали, но Макар встал, вежливо поздоровался, и Сергей вспомнил ее. Сегодня она была в безразмерном синем свитере яркого морского оттенка, очень идущем к ее белой коже и черным волосам. Копну волос она перехватила многочисленными резинками под цвет свитера, свела вместе в лохматый небрежный пучок, и открылся высокий

чистый лоб, подчеркнулись выразительные темные глаза, смотревшие на Макара и Сергея сердито и с подозрением.

Она уже готовилась что-то выпалить, но узнала Илюшина и оборвала начатую фразу, остановилась на полпути, хотя летела к ним так, словно готовилась пробить стену. Сквозняк, ворвавшийся следом за ней, захлопнул дверь.

– Полина, познакомься: господа сыщики, Макар и Сергей, – мягко сообщил Чешкин, подходя к внучке и ласково касаясь ее плеча. – Расследуют обстоятельства побега Владимира Качкова, а заодно интересуются жизнью Димы. А это моя внучка, Полина.

– Очень приятно, – смущенно сказала девушка, красноречивым взглядом призывая Илюшина к молчанию.

– Поленька, меня Геннадий ждет, так ты продиктуй, пожалуйста, наш адрес.

Во взгляде, брошенном Чешкиным на Макара и Сергея, мелькнула легкая тревога, и, словно отвечая на невысказанное им, девушка торопливо пообещала:

– Не беспокойся, иди! Все будет в порядке.

Он снова коснулся пальцами ее плеча и вышел.

– Консультант сказал, что у дедушки какие-то неизвестные ему посетители, и я сначала решила... Впрочем, неважно. Спасибо, что не выдали нашего знакомства. – Полина Чешкина села, грустно улыбнулась Макару. – Я не хотела, чтобы дед знал о том, что я была на похоронах.

Она встряхнула головой, прядь волос упала на лоб, и девушка отвела ее быстрым движением. Ее переполняла энергия, прорываясь в порывистых жестах, в торопливой, но четкой речи, будто Полина специально приучала себя артикулировать слова, зная за собой привычку тараторить. Свободный свитер не скрывал, а скорее подчеркивал ее худобу – угловатые плечи, мальчишеское телосложение. В Полине совершенно ничего не было от деда, кроме привычки, сразу бросившейся Бабкину в глаза, когда длинными крепкими пальцами она выбила почти бесшумную дробь по поверхности столика.

– Почему вы опасаетесь, что Владислав Захарович об этом узнает? – спросил Макар, изучающее глядя на девушку. – Я понимаю, что Дмитрий Силотский был причиной смерти Коли, но из разговора с вашим дедом мне показалось...

– Подождите... – она приподнялась, наклонилась к Макару через стол. – Дмитрий Силотский?! Вам... Ах, ну конечно! Вам Денис Крапивин об этом рассказал!

По ее лицу пробежала кривая усмешка.

– Да, Денис Иванович, – подтвердил Илюшин, переглянувшись с Сергеем. – После нашей с вами короткой беседы я поговорил с ним, и он рассказал обо всех событиях той трагической ночи. Мы вам очень сочувствуем, Полина. Я понимаю, что...

– Нет, вы не понимаете, – снова перебила его она. – Вы ничего не понимаете! Вы думаете, что Ланселот был виноват в самоубийстве Коли! Но это не так, это неправда! Коля умер из-за самого Крапивина. Из-за Дениса Крапивина.

Глава 10

Рисунки, развешанные по стенам, напоминали иллюстрации к сказкам в детских книжках. Уютный свет настольной лампы отогнал темноту за окно, а с ней на время и опасения Бабкина о том, что следующая встреча с людьми Качкова или его сообщника состоится именно в плохо освещенном дворе старика Чешкина. Внутренне он постоянно ждал нападения, понимая, что рано или поздно их снова попытаются остановить. Но, видимо, то, чем они с Макаром занимались последние сутки, не казалось опасным убийцам Дмитрия Силотского. В глубине души Сергей соглашался с ними – он и сам не понимал, что Макар и он делают поздним апрельским вечером в квартире Владислава Захаровича Чешкина.

Однако спорить с Илюшиным было бессмысленно: он намеревался увидеть короткий отрывок, написанный перед смертью Николаем Чешкиным, и потому они приехали в этот двор, тускло освещенный разбитыми фонарями, хотя и расположенный в одном из центральных районов Москвы, и теперь ожидали в гостинной, пока старик ищет среди записей внука.

Полина встретила Илюшина и Бабкина, когда они приехали, но тут же ушла, словно ей было неловко оставаться с ними после разговора в галерее. Сергей прокрутил в памяти историю, рассказанную ею, и подумал, что Николаю Чешкину не очень-то везло с друзьями: один бросил его в одиночестве ради любовницы, второй это все подстроил.

Из рассказа Полины следовало, что два месяца спустя после гибели Коли к ней пришел Дмитрий Силотский. Поначалу она не хотела с ним разговаривать: ей было невыносимо видеть человека, которого она считала виновником смерти брата. К тому времени Ланселот оказался в полной изоляции от прежних друзей: Швейцарец и Крапивин не разговаривали с ним, старик Чешкин не мог слышать даже упоминания его имени. Возможно, отчасти поэтому Полина все же согласилась на разговор: она почувствовала жалость. Однако Дмитрий не собирался вымалывать прощение и не пытался оправдаться.

– Я хочу только одного, – сказал он ей при встрече, прямо глядя в глаза Полине. – Чтобы ты знала, кто, кроме меня, несет ответственность за гибель Коли. Я сам узнал об этом только неделю назад от одного человека... ты ее не знаешь... это та самая женщина, к которой я в ту ночь уехал.

По словам Силотского, Денис Крапивин, знакомый с Томшей, заплатил

ей денег за то, чтобы она позвонила бывшему любовнику и любыми путями выманила его из дома. Денис знал и Томшу, и Ланселота, он, как и все вокруг, был в курсе ситуации в семье Чешкиных, и ему не составило особого труда реализовать свой план.

Мария Томша, охотно согласившись взять деньги, сделала то, что от нее требовалось. Но в ней, несмотря на равнодушие к Силотскому, все же проснулось что-то вроде совести, и, когда спустя месяц он пришел к ней – жалкий, обвиняющий себя в смерти друга, с унижительной покорностью принимающий пренебрежение друзей, она призналась ему во всем. Тогда Ланселот и решил поговорить с Полиной Чешкиной.

– Послушайте, Полина, но это же ерунда, – попытался возразить Бабкин, выслушав ее короткий рассказ. – Зачем это понадобилось Крапивину? Для чего?

– Денис, точно так же, как и Дима, полагал, что Коля куда здоровее, чем думает дедушка, – горько ответила она. – Но Ланселот постоянно вступал с дедом в спор, и они даже ссорились из-за этого, а Денис Иванович привык все делать потихоньку, без лишнего шума. Вы просто не знаете его, а я знаю: он из тех людей, которые, будучи уверены в своей правоте, обязательно стремятся подтвердить ее любыми путями. Но он же у нас человек без фантазии, понимаете? – она грустно усмехнулась. – У него имелась идея, а для ее подтверждения необходим был опыт. Самый простой и рациональный способ – провести этот опыт. Вот он его и провел.

– Но должен же Денис был думать о том, чем чреват его эксперимент в случае неудачи? – вмешался Илюшин.

– Вы все никак не представите настоящего Дениса Ивановича. Поймите: он настойчив, терпелив и при этом совершенно лишен воображения. Как бы вам объяснить? Вот смотрите: я немного рисую... так, для себя... и каждый раз, когда он видел какой-нибудь из новых моих рисунков, он разглядывал его, как некую диковинку. Он знал их до деталей! Каждый из них вызывал у Крапивина такое удивление, что он даже меня расспрашивал: «А как ты вот это придумала? А вот это?» А однажды честно признался, что он не может представить, откуда все это берется у меня в голове. А ведь я почти и не фантазировала, поверьте! Обычные рисунки, немножко детские: как лошадь с сумкой гуляет по мостику, а снизу с ней разговаривают рыбы... Или идет дождь, но дождевики – не капли воды, а пузыри, в каждом из которых сидит человечек... Если бы с Колей в ту ночь все обошлось, Денису и в голову не пришло бы рассказать нам о том, что его правота подтвердилась: для него главным было доказать это самому себе. Вот Димка Ланселот – тот устроил бы настоящий вечер в

свою честь! – она против воли улыбнулась. – Хвалил бы себя, постоянно напоминал всем, что он оказался прав и что его нужно было слушать с самого начала. Ему обязательно требовалось признание.

– Почему же Силотский ничего не сказал Владиславу Захаровичу?!

– Как только я пообещала, что сейчас же поговорю с дедушкой, он меня остановил. Дима сказал: «Что бы ни придумал Денис, это не снимает с меня ответственности. Так что – какая разница?» А я сама не смогла признаться деду, что из троих людей, в которых он так верил, двое оказались недостойными его доверия.

– Знаете, мне все-таки плохо верится в эту историю, – заявил Сергей.

– По-моему, здесь имеет место незамысловатое перекалывание вины, – согласился Илюшин.

Полина покачала головой.

– Я разговаривала и с ней, и с ним. Приехала в мастерскую к Томше, попросила ее быть со мной откровенной. Знаете, она не испытывала ни малейших угрызений совести и очень спокойно рассказала мне о Денисе и Диме. Добавила, правда, что ей жаль, что так все вышло, но при этом смотрела на меня, словно... – Полина запнулась, подбирая слова, – как будто это ее забавляет.

– Томша вам подтвердила рассказ Силотского? – недоверчиво переспросил Сергей.

– Да. Но дело даже не в ней. Денис тоже ничего не отрицал. Ланселот оставил мне фотографию Томши и предложил сначала просто показать ее Крапивину, а потом уже с ним разговаривать. Я так и сделала. В общем-то, по выражению его лица, когда он увидел снимок, все уже стало ясно, но я все-таки спросила его, зачем же он это сделал.

– И что он ответил?

– Он стоял очень бледный и сначала молчал. А потом еле выдавил из себя, что он не хотел, чтобы так вышло, и просит его простить. Что он очень сожалеет. Я ушла и больше с ним не разговаривала.

– А Швейцман? – вдруг спросил Макар.

– Что – Швейцман?

– Он знает обо всей этой истории и о том, какую роль сыграл в ней его друг?

– Не могу вам сказать... – растерялась Полина. – Я не говорила об этом с Сеней. Мне... мне было очень тяжело, и я не хотела ничего ни с кем обсуждать. То, что Денис... смог сделать такое... а мы ему так верили...

В глазах ее появились слезы, и вместо того, чтобы промокнуть их, Полина с силой зажмурилась. Слезы потерялись в густых ресницах.

– Швейцарец хороший. – Она все-таки достала платок и приложила к глазам, улыбнувшись извиняющейся улыбкой. – Он порой кажется смешным, но, познакомившись с ним ближе, начинаешь его уважать. И еще он очень любит свою жену, просто до обожания, и совсем этого не скрывает. Редкая черта для мужчины, хотя... – она вдруг покраснела, смущенно улыбнулась, – я не очень-то разбираюсь в мужчинах, если честно.

Макар, прищурившись, посмотрел на нее и неожиданно спросил:

– Полина, а вам нравятся крысы?

– Крысы? – изумилась она. – Какие крысы?

– Обычные, домашние.

Она задумалась и некоторое время молчала, сосредоточенно глядя на Илюшина. Потом медленно проговорила:

– Нет... пожалуй, нет. Мы никогда не держали крыс, может быть, они бы мне и понравились. Но сейчас я представила себе крысу и подумала, что, скорее, нет. Мне нравятся птицы.

– Птицы?

– Да. Во дворе нашего дома есть голубятня, я дружу с ее хозяином, помогаю ему кормить голубей, когда выдается свободное время. Они удивительные: умные, красивые, очень ласковые. Этой голубятне, представьте, уже лет тридцать, а вокруг нее по-прежнему детишки собираются, как было когда-то в моем детстве.

Полина не стала спрашивать у Илюшина объяснения его странному вопросу о крысах, а он не стал ничего объяснять. Их разговор всплыл у Сергея в памяти, когда он увидел карандашный набросок на стене напротив: пять голубей, запряженных в тонкую упряжь, несут по воздуху хохочущую тучу.

«Он не хотел, чтобы так вышло, – повторил про себя Бабкин, сидя в гостиной у Чешкиных и вспоминая отстраненного человека, застегнутого на все пуговицы, каким показался ему Денис Крапивин. – Конечно, он не хотел, чтобы вся эта история всплыла и стала известна родным Чешкина. Бьюсь об заклад, именно оттого его так и перекосило при упоминании Марии Томши, что она заложила его с потрохами».

– Нашел, вот он. – В комнату вошел Чешкин, держа в руках тонкую школьную тетрадь. – Сам переложил в другой ящик, а после запоматовал. Коля всегда писал в тетрадях и только от руки. Пожалуйста, читайте, если угодно.

Сергей и Макар склонились над тетрадкой. Почерк был крупный, разборчивый, читать оказалось легко. Подчеркиванием Николай выделил

заголовок – «Платье короля».

– Платье короля, – вполголоса повторил Илюшин и начал читать.

Платье короля

Король недоверчиво смотрел на себя в зеркало. Он не ожидал... Не ожидал, что платье окажется – таким.

Платье было как лист, в котором на просвет видно тончайшее кружево прожилок, разбегающихся по зеленой мякоти. Платье было как лед – прозрачный хрустальный лед, из-под которого темным глазом, не мигая, смотрит лужа. А когда король повернулся вокруг себя, платье стало как ветер и закружилось вокруг короля, повеяв прохладой и нежным миндальным запахом.

Кто бы мог подумать.

Он обернулся и пристально посмотрел на портных – большеруких, нескладных, с глуповатыми овечьими лицами.

– Где вы научились так шить? – не сдержался король.

Тот, что старше, с загорелой до черноты лысиной посередине головы, неловко переступил с ноги на ногу и, запинаясь, сказал:

– Так, это... ваше величество... Ганс нас учил, ага. Старый он был, вот и взял помощников.

– И руки у него были больные, – тихо вставил второй. – Как по осени пальцы скрючило, так больше и не разогнуло.

– Начал он нас учить и все боялся, что не успеет, торопился.

– И не успел ведь. А мы... мы потом сами, потихоньку... Вот и вышло.

Первый раз за все время на лицах портных промелькнуло что-то, похожее на гордость. Но тут же исчезло, сменившись прежним овечьим выражением.

Король бросил на себя еще один взгляд в зеркало. А затем трижды хлопнул в ладоши, и из соседней залы, шелестя, потекли придворные.

Восторженный шепот... Кто-то ахнул, не веря своим глазам, а кто-то покосился на портных, не понимая, в чем дело. Король невнимательно смотрел за придворными – он и так догадывался, кто увидит платье, а кто нет.

Собираясь выходить, он задержался возле зеркала, и тотчас же люди вокруг него заволновались.

– Ваше величество, – озабоченно зашептал Первый Министр, – нельзя появляться в таком виде! Народ! Народ не поймет!

- Мы не можем не учитывать...
- Вы сами понимаете, ваше величество... настроение масс... ваше, так сказать, реноме...
- Умоляем... ни в коем случае!
- Они не оценят, не поймут.
- Слишком опрометчивый шаг...

Король нашел взглядом портных. Они прижались к стене, и лица у обоих были застывшими и обреченными. Они с самого начала знали, что король не осмелится...

– Я выйду в платье, – сказал король, одним жестом отменяя все возражения. – Люди должны его увидеть. Пусть не все... не все сразу смогут понять... оценить... Но я выйду.

Портные не улыбнулись, не обрадовались. На их лицах ничего не отразилось – они так и остались туповатыми лицами мужланов. Только младший глубоко вздохнул, как человек, завершивший трудный путь, а старший согнул и разогнул красные пальцы.

* * *

Король шел в толпе и видел, как вспыхивают среди десятков бесцветных взглядов – взгляды яркие, словно редкие цветы мха на камне. Недоверие. Изумление. Восторг. Король шел и улыбался, потому что взглядов этих было больше, чем он ожидал.

Но в толпе нарастало напряжение. Непонимающими глазами люди смотрели на голого человека, вышагивающего по стертым камням площади. Дружный вздох пронесся над толпой, когда король величавым движением откинул несуществующую мантию и расправил складку на подоле.

– Смотрите... смотрите...

В настороженном шепоте толпы не было ничего от подобострастия придворных.

– А если...

– Тс-с-с!

– Тише, тише, идет!

Король приблизился к центру площади, на которой возвышалась статуя Артемона Праведника. Он выхватил взглядом из толпы мужчину и худого синеглазого мальчишку, стоящих в двадцати шагах от него, – мужчина смотрел с притворным почтением, за которым скрывалась

хитрая насмешка крестьянина, мальчишка – ошеломленно. Косточки у него были хрупкие, как у кузнечика; острый локоть, за который придерживал его отец, торчал из огромной прорехи в рукаве.

Спокойно, величественно король прошел мимо них, скользя взглядом по серым фигурам, словно выросшим из камня мостовой. Каменный Праведник, опиравшийся на свою узловатую клюку, казался живее, чем те, кто стоял вокруг.

Толпа молчала. Король решил, что теперь можно выдохнуть, потому что половина пути пройдена. Но в этот момент тишину нарушил пронзительный и громкий детский голос.

– А король-то голый!

Король резко обернулся и поймал насмешливый взгляд отца мальчика, только что нашептавшего на ухо сыну, что нужно крикнуть.

– Голый! – недоверчиво подхватили рядом, словно только и ждали сигнала, а затем вся толпа всколыхнулась: – Голый! Голый!

– Посмотрите на него!

– Нагишом!

– А ляжки-то, ляжки!

– Королевские, одно слово!

– Ох, бесстыдник наш король...

– Король, одежду-то куда дел?

– Дыры в казне заткнул!

И завертелось, взвинтилось куда-то вверх пронзительными воплями. Но, стоя среди визжащей и гогочущей толпы, король услышал – не столько услышал, сколько прочитал по губам мальчишки, который крикнул первым – одно слово.

– Зеленое... – вдруг изумленно выдохнул мальчишка, не отрывая замороженных глаз от платья. – Пап, смотри, оно зеленое!

Взгляд огромных синих глаз встретился со взглядом короля, и мальчик радостно засмеялся.

– Зеленое! – торжествующе выкрикнул он. – Да смотрите же!

Но его крика никто не расслышал. Охрана, сдавленная толпой, по сигналу командира оцетинила пики, взяв короля в кольцо, а из дворца уже скакали гвардейцы, готовясь разогнать людей.

* * *

Переворот свершился бескровно – король согласился уйти в изгнание.

Новый король, выбранный горожанами, первым делом навел порядок во дворце, выкинув рухлядь, оставшуюся от прежнего владельца. Он придирчиво осмотрел гардероб бывшего короля и презрительно фыркнул, увидев проеденный молью серебристо-черный камзол. Прежний владелец камзола, уходя, невесть зачем позвал с собой двух простецких портных, и новый король рассмеялся в голос, представив странную троицу – толстого низенького короля и двух высоких портных, похожих на обрубки бревен, вместе бредущих по пыльной дороге. Хорошо, что я ничего не разрешил им вынести из дворца, подумал король.

Средняя полка шкафа была пуста. Король хмыкнул, пожал плечами и захлопнул дверцу. Дурак был прежний король, что ни говори.

Вечером, когда пировали в большой зале и дворец дрожал от хвалебных криков, маленький мальчик, сын нового короля, прокрался в гардеробную комнату и открыл шкаф. Он протянул руку и взял со средней полки платье – зеленое платье короля. Ткань перетекала в его руке, как вода, и была теплой, как маленькая собака.

Мальчик постоял, глядя на платье, сильно прикусив нижнюю губу. Затем сунул его за пазуху, вылез в окно, распахнутое в ночной прохладный сад, прокрался мимо уснувшего часового за ограду дворца и бросился по пыльной дороге догонять короля и портных.

* * *

– Да, – признал Макар, помолчав. – Это совсем не похоже на то, что писал Николай ранее.

Он отдал тетрадь Чешкину, который бережно взял ее, словно листы могли разлететься или рассыпаться у него в руках, положил на комод, где стояла фотография его внука – парень лет семнадцати с рассеянным лицом, обрамленным длинными черными волосами, нервным, почти красивым, если бы не заострившийся треугольником подбородок и резко очерченные скулы.

– Не похоже... – как эхо, повторил Владислав Захарович. – Да, я бы с трудом поверил, что этот текст написан Колей, если бы не его почерк. Странный отрывок – без начала, без конца... Какая-то выдумка по мотивам Андерсена. И совершенно, совершенно не его стиль! Разумеется, нелепо сравнивать стихи и прозу, но все же разница колоссальная. А я и не знал...

Он не закончил. Рассеянно переложил тетрадь с комода на стол, и Сергей с Макаром одновременно встали, прощаясь. Перед выходом Бабкин

попросил разрешения подойти к окну и внимательно осмотрел двор, отметив, что рядом с их машиной припарковали серьезный «внедорожник», возле которого остановилась женщина с ротвейлером.

– Не обращайтесь внимания, – раздался за его спиной голос Чешкина. – Они всегда гуляют по вечерам, потом еще и ночью выходить будут, и, может, не один раз. Пес, несмотря на видимую суровость, совершенно безобиден и к тому же болен, оттого его и выводят так часто. Это Виктория Ильинична, наша соседка по дому. Она... она видела, как Коля... упал.

Он замолчал, отвернулся от окна.

* * *

Когда вышли из подъезда, Бабкин направился к машине, но Илюшин, остановившись и пробормотав себе под нос что-то невнятное, пошел в глубь двора, где стояла темная постройка, похожая на двухэтажный сарай.

– Макар, ты куда? – негромко позвал Сергей, но тот уже обходил «сарай», негромко насвистывая.

Бабкин, ругаясь про себя, пошел за ним, стараясь не наступать в темнеющие на тротуаре лужи.

– Действительно, голубятня, – сообщил Илюшин, вынырнув из-за угла и разглядывая нарисованных на стене постройки белых и синих птиц.

– А ты что ожидал увидеть? – раздраженно буркнул Сергей. – Заповедник павлинов, что ли? Слушай, поехали, хватит время зря терять.

За спиной у него раздалось глуховатое ворчание, и Бабкин молниеносно обернулся, ожидая почувствовать на своей ноге собачьи клыки.

Старый потертый ротвейлер стоял возле них, понурился головой, и обнюхивал ботинки Макара.

– Джерри! – к ним вперевалку торопилась пожилая пухлая женщина в платке, в руке у нее болтался поводок. – Джерри, ко мне!

Макар присел на корточки, безбоязненно посмотрел на пса, поднявшего голову и насторожившего уши.

– Смотри-ка, ушки-то у него не купированные, – заметил он.

Подоспевшая хозяйка ротвейлера услышала его слова.

– Ох, не купировали мы, и правда, – сказала она, прицепляя к ошейнику карабин. – И хвост ему не купировали, потому что он у нас не племенной, а подобранный, потеряшка. Болеет постоянно, вот уже девять лет. Вы Джерри не бойтесь, он не укусит.

Она с опаской взглянула на двоих мужчин, вдруг сообразив, что неизвестно, кто кого должен бояться.

– А мы и не боимся, – успокаивающе проговорил Сергей. – Нам про вас Владислав Захарович рассказывал. Мы как раз от него идем.

– Ах, Владислав Захарович! – она торопливо закивала, бросила взгляд на окна Чешкина. – Дай бог ему здоровья, прекрасный он человек! И поможет всегда, и поговорит по-доброму... Он ведь бывший ученый, вы знаете?

В голосе ее звучала такая гордость, словно это она была бывшим ученым, и Макар с Сергеем подтвердили, что знают.

– Сдал в последние годы наш Владислав Захарович, – озабоченным голосом поделилась хозяйка ротвейлера. – У них такое несчастье в семье случилось, такое несчастье!

Бабкин бросил на женщину короткий неприязненный взгляд, но не увидел на ее лице упоения от истории, которую она явно собиралась им поведать. Соседка Чешкина оказалась из породы всего лишь словоохотливых женщин, а не тех, кто смакует подробности чужих смертей, болезней и разводов.

– Да, мы знаем, – сказал Бабкин, собравшись уходить, но Макар отчего-то стоял на месте, слушая болтливую старуху.

– А ведь я здесь была, – снизив голос до шепота, проговорила женщина. – В ту ночь, когда Коленька-то с собой покончил! Джерри, пакостник, снова на улицу запросился, вот я и вышла. Смотрю – у Чешкиных свет горит, у одних на весь подъезд. Поздно уж было, да... Свет горит, окна распахнуты, а за окнами – человек. Ну, я-то Колю сразу узнала, помахала ему рукой. Тут он отошел, свет погасил, вернулся. Постоял рядом с окном, потом перевесился, закричал да упал.

Она мелко перекрестилась три раза.

– Я к нему бросилась, да только за десять шагов было ясно, что он не живой. Ох, страх божий, страх божий... Хотя, сказать по правде, испугалась я, уже когда тело его увидела. А когда Коля падал – нет, не испугалась. Я словно знала, что он сейчас упадет. Ангел он был, просто ангел, – почти дословно повторила она слова самого Чешкина. – Батюшка в церкви объяснял, что про самоубийц так не говорят, но что ж поделаешь, если я своими глазами видела, как его душа ангельская от тела отделилась и исчезла! Как решил Коленька прыгать, так она его тело и покинула. Сколько его помню, хороший он был парнишка, хоть и со странностями, весь в деда – такой же доброй души человек. И сестренка у него хорошая, помогала мне ветеринара искать, когда Джерри прихрамывать стал. Ой, до

чего же жалко их – слов нет! А с другой стороны, как подумаешь, так и решишь: может, оно и к лучшему. Не судьба ему была долго жить, Коленьке-то...

* * *

Садясь в машину, Бабкин не выдержал и поинтересовался:

– Скажи мне, Макар, зачем мы потратили столько времени на эту семью? Ты хотел удостовериться, что они никак не связаны с Качковым? Тогда почему не задал о нем ни одного вопроса? Зачем мы вообще приезжали к Чешкину?

– Мой нетерпеливый друг, я искал ответ на один очень серьезный вопрос, без которого не мог двигаться дальше. Качков здесь почти ни при чем. Но только почти.

– И что же – нашел?

– Представь себе, нашел. Вся эта часть истории мне полностью ясна, мой любопытный друг, за исключением пары деталей, которые мы выясним чуть позднее.

Сергей недоверчиво взглянул на Макара, но тот усмехнулся и качнул головой, показывая, что не шутит. Он снова замотал шею шарфом до самого подбородка, и Бабкин ощутил желание слегка придушить напарника, затянув полосатые концы, чтобы сбить с него спесь и добиться правдивого ответа. «Бесполезно. Он и под дулом пистолета не станет ничего рассказывать».

– Скажи хоть, в чем именно был ответ? – попросил он, прокручивая в голове подробности визита к Чешкину.

– Отгадка заключается в последней фразе того отрывка, который написал Коля перед смертью, – не задумываясь, ответил Илюшин. – Если ты хорошенько подумаешь, то поймешь, почему. «Прокрался мимо уснувшего часового за ограду дворца, – процитировал он, – и бросился по пыльной дороге догонять короля и портных».

* * *

Никаких неожиданностей по дороге домой их не подстерегало. Только Заря Ростиславовна выглянула на скрежет ключа, вежливо поздоровалась с Бабкиным, которого знала как друга Макара, и посетовала на бессонницу.

– Ах, голубчики, время уже позднее, а у меня сна – ни в одном глазу! Все после того страшного взрыва. Поверить не могу, думала, что оборвусь, ей-богу, и костей моих старых не соберут. Больше двадцати этажей вниз лететь... – она забормотала что-то испуганно и совсем неразборчиво и вдруг взмахнула рукой, прерывая саму себя.

– Макар, голубчик, я совсем забыла, зачем вас поджидала! У меня же для вас есть удивительный травяной сбор, и как я только раньше о нем не вспомнила! Как ваше горло – лучше?

– Гораздо лучше, Заря Ростиславовна!

– Вот видите, я ведь говорила! Это все шарф. Еще покойный мой Мейельмахер... Так о чем же я? Ах да, сбор! Прошу, пожалуйста.

Она протянула Илюшину шуршащий пакетик, набитый желтой травкой, растертой почти в труху.

– Заваривайте и полощите, три раза в день после еды, и горло ваше за два дня пройдет. Это проверенное средство, я вам плохого не посоветую!

Рассыпавшись в благодарностях и обещаниях следовать рекомендациям, Макар открыл наконец дверь, и они попрощались с соседкой.

– Что будешь делать с травкой? – насмешливо поинтересовался Сергей, рассматривая пакетик.

– Что-что... полоскать горло, – к его удивлению, ответил Макар, отбирая пакет.

* * *

Пока они ужинали, Бабкин был мрачен и молчалив. Заговорить о том, что его тяготило, он решил лишь после того, как Макар, без видимой цели пошатавшись по квартире, свалился в кресло с карандашом и альбомным листом бумаги, на котором поставил точку и замер. Сергей подождал, не начнет ли Илюшин рисовать, так и не дождался и негромко спросил:

– Макар, что мы с тобой делаем?

Илюшин поднял на него рассеянный взгляд, махнул листом в воздухе:

– Ищем людей, кои были заинтересованы в том, чтобы остановить наше расследование. Которым, кстати, мы не собирались заниматься, но они об этом не знали.

– Но мы с тобой их не там ищем!

– Почему ты так решил?

Бабкин встал, возбужденно зашагал по гостиной, огибая мягкие синие кресла с кармашками, из которых торчали альбомы, заботливо приготовленные для себя ленивым Илюшиным.

– Послушай, наша с тобой основная рабочая версия следующая: Владимир Качков обокрал Дмитрия Силотского и сбежал. Поначалу, еще до кражи, он попытался воздействовать на Силотского, создавая вокруг иллюзию нового пространства, и его затея почти удалась, но затем тот что-то заподозрил и пришел к нам. Возможно, – здесь мы вступаем в область предположений, – Качков действовал в интересах конкурентов своего шефа: Ланселот, по его же признанию, подумывал о том, чтобы продать бизнес, и его нужно было подтолкнуть у этому решению. Убедившись, что «жамэ вю» не оказало на Дмитрия Арсеньевича ожидаемого эффекта, Качков его убил. У него был сообщник, который по какой-то причине здесь остался и, испугавшись нашего вмешательства, попытался нам угрожать – мне через Машку и Костю, тебе – непосредственно. Эта версия подтверждается имеющимися у нас доказательствами: как минимум тем, что невольно участвующие в создании эффекта «жамэ вю» люди опознали Качкова по фотографии. Кроме того, на тебя и Машу напали именно после того, как мы исследовали ежедневный маршрут Ланселота – очевидно, за нами наблюдали или же увидели нас случайно и сделали ошибочный вывод о нашем участии в деле.

Он помолчал, перевел дыхание, бросил взгляд на Илюшина. Тот полулежал в кресле, сцепив пальцы и с интересом глядя на напарника, и Бабкин продолжил:

– Логично предположить, что один из сообщников – кто-то из круга близких Силотскому людей, которые знали о том, что он затеял расследование с нашей помощью. Этот человек знаком с Качковым, и нашел в его лице идеальный инструмент для осуществления своих планов, потому что Дмитрий Арсеньевич, ослепленный собственным благодеянием, как ты выразился, ему полностью доверял. Наша с тобой задача – найти этого человека. Здесь я вижу два варианта: первый – это один из конкурентов Силотского, второй – это один из очень близких ему людей. Из нашей троицы – Крапивина, Ольги и Швейцмана – мотива нет только у Крапивина, поскольку не имеется ни одного свидетельства, что он хотел бы купить бизнес Силотского. Он вообще не бизнесмен. Зато такой мотив есть у Швейцарца. Но еще более вероятной кандидатурой мне кажется Ольга, которая сейчас играет роль безутешной вдовы, но после того, как дело закроют – помяни мое слово! – уедет из страны. Со смертью мужа ей перепало не самое маленькое наследство, а Владимир Качков

держит припрятанными в далеком заграничном банке пару миллионов долларов, украденных им из «Брони».

– Она показалась тебе искренне любящей мужа, – повторил Илюшин слова, сказанные им же несколько дней назад.

– Она всегда была неплохой актрисой!

Сергей сел в кресло напротив Макара, наклонился к нему.

– И что же мы делаем, вместо того, чтобы заниматься этой версией? Мы раскапываем всю эту историю с погибшим Николаем Чешкиным, ты беседуешь с его семьей, зачем-то специально едешь к ним домой, чтобы прочитать довольно бессмысленный текст, написанный им перед смертью...

– Он вовсе не бессмысленный, – возразил Илюшин.

– Хорошо, пусть будет осмысленный. Но зачем, объясни мне?! Ради чего?! Если у нас есть версия, то почему мы не работаем по ней?

Макар положил лист себе на колени и прикрыл глаза, откинувшись на спинку кресла.

– О рабочей версии говоришь ты, – неторопливо сказал он. – Ты ее для себя определил и теперь ищешь ей подтверждения. Что касается меня, то я такой версии не имею вовсе, потому что мне кажется глупым загонять себя в рамки неких представлений, которые в итоге могут оказаться весьма далеки от истины. Ты полагаешь, что идешь по тропинке в лесу; в действительности ты точно так же, как и я, шатаешься между деревьев, но разница между нами состоит в том, что я это понимаю, а ты – нет.

Сергей хотел что-то возразить, но Илюшин продолжал:

– Твоя проблема в том, что тебе требуется постоянное действие. Ты спрашиваешь: почему мы не ищем связь между Ольгой и Качковым? Но ты не хуже меня знаешь: если между ними есть эта связь, ее вычислят. Следственно-оперативная группа работает по той же схеме, что и ты, и наверняка одной из их рабочих версий будет та, которую ты мне озвучил, и что это значит?

Он открыл глаза и ответил сам себе, не дожидаясь ответа от молчавшего Бабкина.

– Это значит, что за ними будет установлено наблюдение, их телефоны поставлены на прослушивание, люди, с которыми они общаются, будут опрошены, подняты все телефонные переговоры за последние полгода, отслежено их финансовое состояние – то есть сделано все то, чем предлагаешь нам заняться ты, только они это сделают на более профессиональном уровне. Потому что силы двух людей не могут сравниться с возможностями следственной группы, и ты об этом знаешь. А самое главное – незачем их сравнивать!

Он откашлялся, встал, вышел из комнаты и спустя короткое время вернулся с шарфом, обмотанным два раза вокруг шеи. Бабкин поймал себя на том, что с шарфом Илюшин стал выглядеть для него привычнее, чем без оно, и усмехнулся.

– Так вот, – хриловатым голосом сказал Макар, снова садясь в кресло, – я говорю тебе о том, что если связь, в которой ты так уверен, есть, то ее вычислят и без нас.

– И что же, на этом основании ты предлагаешь нам сидеть, сложа руки?

– На этом основании, друг мой, я предлагаю искать те связи, которых нет.

– В каком смысле? – опешил Бабкин, не всегда готовый к странным поворотам мысли Илюшина. – Что значит – «которых нет?»

– Нам нужно искать связи, о которых не так просто узнать, прослушав телефонные переговоры. О которых тебе вряд ли сообщат свидетели и ничего не скажет слежка. В этом деле, поверь мне, все строится именно на них, а вовсе не на том, что на виду. Они выплывают одна за другой, и наша с тобой задача – выловить их, как рыбу сетью.

– И ты хочешь сказать, – нахмурился Бабкин, – что часть связей такого рода мы уже выловили?

Макар кивнул.

– Какие же, например?

– Например, любовь Полины Чешкиной к Денису Крапивину.

– Что?!

Глядя на изумленное и недоверчивое лицо друга, Макар усмехнулся.

– Не может такого быть, – протянул Сергей, вспоминая черноволосую девушку в ярко-синем свитере и суховатого бледного менеджера. – Ты видел ее? А его? Он – сухарь, клерк, похожий на зомби, а она – художница, творческий человек!

– Ничего ты не понимаешь в творческих людях, – снисходительно отозвался Илюшин. – Ты полагаешь, что творческие девушки должны влюбляться в таких же творческих юношей, рисующих улыбчивые облака и обращающих мало внимания на свою одежду? Уверяю тебя, у внушки Владислава Захаровича достаточно здравого смысла, чтобы не следовать этому. Кстати, раз уж мы заговорили о Полине Чешкиной, должен тебе сказать, что ты кое-что недооцениваешь.

– Чего же?

– Роль Дениса Крапивина в этом деле.

Глава 11

Полина вышла из школы, пересекла двор по дорожке между голыми деревьями, которые уже через месяц должны зазеленеть, остановилась возле машины, ища ключи в своей объемной сумке. Она любила просторные сумки-торбы, но у них имелся один большой недостаток: Полина вечно теряла в них разные предметы, от ключей до книжек. Сегодня ребята в кружке, где она вела занятия, иллюстрировали японскую сказку о черепахе и обезьяне, и двенадцать их работ лежали в сумке между листами толстой книги – чтобы не помялись. Но ключи... найти ключи от машины между блокнотом, бутылочкой с водой, телефоном и прочими полезными и бесполезными вещами оказалось совершенно невозможно.

– Опять ключи ищешь?

Она замерла над сумкой лишь на секунду, а затем снова принялась шарить в ней рукой, но теперь без всякого смысла, чтобы изобразить видимость действий. Рассердившись на себя за глупое притворство, Полина обернулась к Денису, оставив сумку в покое.

– Между книгой и ближней стенкой сумки, – скучным голосом сказал он.

– Что?

– Ключи, которые ты ищешь. Они всегда у тебя там, когда ты возишь с собой книгу.

Она молчала, потому что сказать ей было нечего. Он выглядел плохо, очень плохо – глаза прочерчены лопнувшими сосудиками, веки – в синих прожилках, но был так же чисто выбрит, как и всегда, и пальто сидело на нем безукоризненно. «Манекен».

– Полина...

Его голос сорвался, ушел в хрип, и ему пришлось откашляться, чтобы продолжить.

– Полина, прости меня.

Он сделал к ней шаг, но девушка непроизвольно отшатнулась, и это заставило Крапивина остановиться.

– Я... Прощу тебя, скажи, что я должен сделать, чтобы ты простила меня! – вырвалось у него, и на долю секунды она почувствовала острую жалость, отзывающуюся болью в горле. Он казался больным, он казался невероятно несчастным и жалким.

– Не могу, – одними губами сказала она, но он понял.

– Но почему? – Лицо его, и без того бледное и нездоровое, побледнело еще больше.

Она отвела глаза, глядя на выщербленный асфальт под ногами – весь в мелких лужицах, в которых отражались кусочки неба. Поймав один синий кусочек и удерживая его взглядом, Полина прошептала то, что не могла сказать, глядя на Дениса.

– Потому что ты виноват в его смерти.

Она не смотрела на Крапивина и потому не увидела, как изменилось его лицо. Ужас, отразившийся на нем, сменился тоской, и вдруг оно застыло, словно лишившись всякого выражения. Он шагнул назад, не отводя взгляда от Полины, отвернулся и пошел прочь, не оборачиваясь.

Она не поднимала глаз до тех пор, пока не почувствовала, что он исчез за углом школы. Во взгляде ее застыла безнадежность человека, лишившегося счастья и понимающего, что случилось это по его собственной вине. Пальцы замерзли, хотя день был не холодный, и ей с трудом удалось расстегнуть верхние пуговицы пальто, которое отчего-то стало тяжелым, тянущим ее вниз, давящим на плечи.

Ключи оказались там, куда она всегда их бросала, когда брала с собой книгу, – между обложкой и ближней стенкой сумки.

* * *

Полина вернулась домой, вошла в квартиру, села на корточки и привалилась к стене. Обычно дом помогал ей, но сегодня Денис Крапивин застал ее врасплох, и она никак не могла прийти в себя. Напротив висел ее рисунок – стены песочного дворца, за которыми поднимается море, – и она задержала взгляд на оплывающей башенке. Один из самых ранних ее рисунков, полудетских, очень любимый дедом.

Стоило ей вспомнить о нем, как зазвонил телефон. Она знала, что звонит дед, еще до того, как увидела номер, высветившийся на определителе.

– Поленька, Швейцарца нашего арестовали, – сказал он взволнованно, не поздоровавшись. – Ты можешь себе представить? Арестовали за убийство Димы.

* * *

Новость об аресте Семена Швейцмана разнеслась быстро. Макар с Сергеем знали о ней через час после того, как Полина, услышав об этом от деда, ахнула:

– Кого?! Семена? Не может быть! За что его арестовывать, он ни в чем не виноват!

* * *

– Не арестовали, а задержали, – уточнил Бабкин, осторожно наведя справки через Мишу Кроткого, решив, что в данном случае его интерес к делу не может им ничем повредить. – Так я и думал, что по взрывчатке выйдут на исполнителя.

Позже выяснилось, что оперативная группа, работавшая по этому направлению, нашла несколько сохранившихся фрагментов взрывного механизма. Сопоставление их с базой данных вывело следователя на другое преступление, совершенное десять лет назад аналогичным способом. Человек, отсидевший по тому делу, оказался бывшим спецназовцем, имевшим опыт работы с взрывными устройствами. Звали его Петр Петрович Арефьев.

– Заряд был заложен в двух местах: под бензобаком и в шлеме, – объяснял Сергей Илюшину. – Сработал от дистанционного сигнала. Устройство кустарное, исполнитель перестарался с тем зарядом, что был в самом мотоцикле, и оттого взрыв получился слишком мощным. Много ли там нужно...

Для того чтобы спрятать вторую часть заряда в шлеме, требовался доступ к нему. Это означало, что со шлемом поработал кто-то из тех, кого Силотский хорошо знал и кто мог беспрепятственно взять его шлем минимум на час, не вызывая подозрений.

– Внутри шлема есть так называемый слой безопасности, в нем-то и замаскировали взрывчатку. Под «скорлупой», то есть под внешней оболочкой шлема. Но для этого, как ты понимаешь, требовалось разрезать внутренний наполнитель, а потом аккуратно зашить его снова. Логично предположить, что один человек – знакомый Силотского – воспользовавшись подвернувшейся ситуацией, взял его шлем, а второй проделал всю работу.

Выйдя на предполагаемого изготовителя взрывчатки, следственно-оперативная группа выяснила, что он ходил в тот же спортивный зал, где занимались Силотский и Швейцман. Свидетели показали, что он был

знаком с обоими и не раз беседовал с Семеном Давыдовичем. После проверки телефонных звонков бывшего спецназовца установили, что спустя полчаса после взрыва им был сделан телефонный звонок – единственный, на номер, который был зарегистрирован на Семена Швейцмана.

– Этого было бы недостаточно для задержания, – говорил Бабкин. – Но нашлись свидетели, которые подтвердили: Швейцарец хотел приобрести бизнес Силотского, и наш Ланселот даже собирался продать ему «Броню», но потом отчего-то передумал. Его маленький друг выразил Дмитрию Арсеньевичу крайнее неодобрение такими действиями.

– Неужели угрожал?

– Как ты догадался? – усмехнулся Сергей. – Именно так.

Секретарша Дмитрия Силотского показала на допросе, что Семен Давыдович приезжал в «Броню» примерно за два месяца до гибели ее шефа. У него состоялся разговор с Силотским, и девушка через дверь слышала, как Швейцман, повысив голос, заявил о том, что Дмитрий Арсеньевич нарушает предыдущие договоренности.

«Потом он стал говорить тихо, – рассказала она, – и я ничего не могла расслышать, но Дмитрий Арсеньевич ответил ему немного удивленно: „Сенька, ты угрожаешь мне, что ли?“ Его друг снова что-то пробубнил в ответ, а Дмитрий Арсеньевич рассмеялся и сказал: „А вот убивать меня не надо. Я тебе живым еще пригожусь“. Я запомнила, потому что через несколько секунд его друг выскочил из кабинета очень рассерженный и хлопнул дверью, а потом шеф попросил меня принести ему кофе, и вид у него был встревоженный».

Нашлись и другие свидетели, подтвердившие намерение Семена Швейцмана приобрести фирму Дмитрия Силотского, а также намерение самого Силотского продать ее. Причина, по которой владелец «Брони» передумал, осталась неизвестной, но реакция Швейцмана оказалась очень резкой.

Семена Давыдовича Швейцмана задержали, продержали двое суток, допрашивая.

И отпустили.

Задержанный спецназовец молчал, не отвечая ни на один вопрос. В его доме не нашли ни единого доказательства, свидетельствующего о том, что он изготовил взрывное устройство, аналогичное тому, что было использовано им десять лет назад.

Сам Швейцман, полностью отрицая связь со взрывником, не мог объяснить, зачем тот звонил ему в день убийства, и не помнил, о чем они

разговаривали. Алиби его не подтверждалось свидетелями, но это не имело значения: оснований для ареста не было.

– Тебе не кажется странным, что Швейцарца не арестовали? – спросил Макар у Бабкина двумя днями позднее, когда стало известно, что Семен вернулся домой.

– А что ему могли предъявить в качестве обвинения? – вопросом на вопрос ответил тот. – Голый мотив? Этого недостаточно. Тот факт, что Арефьев звонил ему в день убийства? Это легко можно объяснить совпадением: они занимаются в одном зале, обменялись номерами телефонов, и тот, к примеру, хотел узнать что-нибудь о расписании работы тренеров. То, что Швейцман не помнит, о чем они разговаривали, не преступление.

– А угрозы?

– Угрозы – это еще не убийство. Как привязать Швейцмана к взрыву или хотя бы к тому, что он оплатил этот взрыв, – вот в чем загвоздка. Это, мой охрипший друг, куда сложнее, чем кажется со стороны.

Несмотря на насмешки, Сергей про себя сочувствовал Макару. Последние два дня он казался выбитым из колеи и даже несколько растерянным, чего с Илюшиным почти никогда не случалось. На рисунках он изображал одно и то же – скачущего всадника с копьем наперевес. Вокруг всадника оставалось пустое пространство – сколько Макар ни сидел в задумчивости над листом, на бумаге не появлялось ни единого штриха. Он выкидывал лист, брал новый, и снова безрезультатно.

Сергей, пользуясь вынужденным бездействием, работал над тем, что Макар считал знать излишним, – над связями Владимира Качкова. Бабкин пытался поговорить с его женой, Анной Леонидовной, с которой в первый раз встречался Илюшин, но наткнулся на неприкрытую агрессию. «Я знаю, где эта сволочь! – визжала женщина, загораживая ему вход в квартиру. За спиной ее маячили две любопытные мальчишеские рожицы, мальцов крик матери ничуть не пугал. – С проституткой своей укатил! Как детей ему рожать – так Анюта, как кормить-поить – опять Анюта, а как развлекаться с денежками – так чужая баба! Чтоб его нашли, скота такого, и посадили!»

Бабкин попробовал объяснить, что он как раз и хочет найти ее сбежавшего супруга, но Качкова тут же замолчала, насторожилась и зло сверкнула глазами. По ее лицу он легко мог прочесть нехитрые мысли. «А вдруг Володька за мной вернется? – размышляла Анна Леонидовна. – И не дура ли я буду, если сдам его? Останусь и без мужа, и без денег».

Она захлопнула дверь перед носом Сергея, и он услышал ее визгливый голос, обращенный к детям.

– Не вызывает у меня доверия эта дамочка, – сказал он, вернувшись к Макару несолоно хлебавши. – Она может и притворяться. Слишком уж агрессивна и напориста: агрессию легко изобразить.

Илюшин кивнул, но ничего не ответил. Очередной всадник с копьем отправился в мусорную корзину.

* * *

– Денис, поговори со мной.

Голос Швейцарца в трубке звучал вымученно. Крапивин подумал, что он делает над собой усилие, чтобы говорить.

– От меня шарахаются, как от зачумленного, – жалобно продолжал Сенька. – Риты дома нет, в офис ехать не могу, сам себя ощущаю преступником. Давай встретимся, поговорим... Или у тебя много дел?

Последнюю фразу Швейцман произнес совсем другим голосом, более сдержанным и собранным. «Боится, что я не захочу с ним встречаться, – подумал Крапивин. – Оставляет мне место для маневра. Хороший человек Сенька, заботится о друзьях. Точнее, о друге».

Кривая улыбка появилась на его лице, и усилием воли Денис заставил ее исчезнуть. Всего полчаса назад он вернулся со встречи с Ольгой Силотской, продолжавшей цепляться за него, искавшей успокоения в разговорах с ним – воплощенным здравомыслием, и вот следующий на очереди. Ольга не знала, как вести себя с Семеном, и, кажется, уже не была уверена ни в чем, в том числе и в его невинности. «Я убедил ее. Я хороший друг».

– Давай там же, где и в прошлый раз, – сказал Денис. – Через час, хорошо?

* * *

Он ожидал, что Сенька начнет подробно рассказывать о последних двух днях, попросит его совета, но Швейцарец молча пил кофе, не глядя на него. Крапивин немного растерялся. Он привык, что из них двоих первым всегда заговаривает Сенька: вываливает все свои новости, передает впечатления, делится наболевшим, а он, Денис, в конце концов только подытоживает то, что ему самому кажется главным. Но сегодня Швейцман молчал, и это было непривычным и неправильным.

– Плохо выглядишь. – Швейцарец прервал молчание, и снова не той фразой, которую ожидал услышать Крапивин. – Что с тобой?

– Не выспался.

– Заметно. Отдохнуть бы тебе, Денис. Отпуск можешь взять?

– Отпуск? Как-то не задумывался...

– А ты задумайся. Хочешь, вместе куда-нибудь поедem?

Крапивин поднял на него потухший взгляд, в котором вдруг что-то промелькнуло.

– Вместе? – тихо повторил он, подумав, что они со Швейцарцем и в самом деле могли бы поехать куда-нибудь вместе. Не в Турцию или Египет, а на Байкал или в Карелию... Он уже не помнит, когда последний раз был в отпуске, к тому же он совершенно не умеет отдыхать. Смешно, что человек, привыкший к одиночеству, не умеет отдыхать один.

– Ну да, вдвоем. Ритка меня отпустит, и махнули бы мы с тобой на недельку куда-нибудь... Попозже, когда этот дурдом закончится.

Крапивин хотел ответить, что согласен, но открыл рот и чуть не поперхнулся: он увидел, что по правой щеке Швейцмана – небритой, с мелкими черными колючками – стекает струйка крови. Она вытекала из уха, и Денис, ужаснувшись, подумал, что Сеньку били на допросах и этим объясняется его молчание.

– У тебя кровь течет, – сказал он как можно более спокойным тоном, доставая из кармана платок и протягивая Швейцарцу. – Приложи к уху.

Семен растерянно взял у него платок, машинально провел по левой щеке.

– По другой.

Швейцарец прижал платок к правой скуле, и Крапивину показалось, что вокруг них в кафе воцарилась убийственная тишина. Словно все – посетители и официанты – только и ждали, чтобы Швейцман увидел кровь на платке, закричал от ужаса – в том, что он закричит, не было никакого сомнения, – и тогда они тоже закричали бы, как по сигналу, и набросились бы на них обоих, обзывая их убийцами. Крапивин усилием воли попытался остановить застывающее, словно засахаривающийся мед, время, будто хотел пальцами задержать стрелки часов, но они выскользнули, изогнувшись, как на картинах Дали, и беспощадно отсчитали положенные секунды. Сенька провел по щеке и взглянул на платок.

– Да нет вроде крови... – непонимающе сказал он. – Денис, где?

Уставившись на его лицо, Крапивин обнаружил, что кровь и впрямь исчезла, сменившись желтой вязкой дорожкой, от которой пахло ладаном.

– Ошибся, – моргнув, сказал он. – Не кровь, воск.

– Какой воск?! Где?

Положив платок на стол, Швейцарец озабоченно ощупывал лицо, пытаясь понять, в чем же он испачкался и почему Крапивин смотрит на него таким диковатым взглядом. Денис хотел сам стереть восковой ручей, но увидел, что перед ним сидит вовсе не Сенька, а его восковая кукла, похожая на тех, что он видел в музее, только куда более грубая. Одна рука у куклы казалась толще другой, волосы неестественными пружинками торчали из головы, а искусственные растопыренные ресницы загибались в обратную сторону, целясь в глазное яблоко. И клоунский румянец на щеках был намалеван яблочными кружками, слишком густо и ярко.

Подделка выглядела так неубедительно, что Крапивину стало смешно. Кого они пытаются обмануть!

– Как где? – смеясь, спросил он. – Везде! Вот же он – воск! Разве ты сам не восковой?

Кукла перед ним моргнула, накренилась и стала падать – Денис испугался, что она опрокинет чашку с кофе и привлечет всеобщее внимание, а этого ему не хотелось. Он торопливо отодвинул чашку, и восковая фигура выровнялась, встала и вдруг потекла. Янтарные, пахнущие ладаном слои, словно от жара, стекали один за другим, и под ними частями обнажался Швейцман – сначала грудь, затем плечи и в последнюю очередь – лицо, на котором застыло глупое выражение. «Ему было неприятно под воском».

Дрожащей рукой Швейцман нащупал в кармане несколько купюр, бросил смятые деньги на стол и быстро вышел, стирая со лба остатки воска.

* * *

Рита сидела на диване – напряженная, сцепив руки, и смотрела в спину мужа. Он вернулся домой со встречи очень скоро и не стал ей ничего рассказывать. Выложив жене все, что он пережил за два последних дня, Сеня словно обессилел, и Рита полагала, что встреча с Крапивиным пойдет ему на пользу, однако поведение мужа говорило скорее о противоположном. Она гнала от себя гнетущую мысль, что причина заключалась в нежелании Дениса Крапивина общаться с другом после того, как нашлось столько свидетельств его причастности к гибели Ланселота.

Теперь Семен сидел перед компьютером, читая новости, в которых говорилось об аресте возможного убийцы Дмитрия Силотского.

– Врут, все врут, – пробормотал он. – Какой арест? Чертовы журналюги, хоть бы терминологию освоили, раз уж пишут на такие темы. Бездари!

Рита хотела пожалеть его, прижать курчавую голову к своей груди, но ей мешало то, в чем следовало признаться сразу, как только они пришли в себя после его возвращения. Она не сказала тогда, а следовало бы, потому что невысказанное мучило ее... и пугало.

– Сеня! – позвала она, решив, что может воспользоваться и своим правом на сочувствие. – Сенечка, послушай меня!

– Да, слушаю... – Он не отвернулся от компьютера, но так ей было даже легче.

– Сенька, – жалобно проговорила Рита. – Мне ночью без тебя снились крысы. У меня был кошмар!

– Знаешь, – помолчав, отозвался муж, – у меня последнее время ощущение, что вокруг меня одни сумасшедшие. Следовательно этот... а теперь еще...

– Что?!

Он обернулся, удивленный ее криком, но Рита уже вскочила, выбежала из комнаты и бросилась в их спальню. Швейцман заторопился за ней, но дверь перед ним захлопнулась, в ней повернулся ключ.

– Рита, Риточка! – взволнованно позвал он, не понимая, что случилось. – Хорошая моя, девочка! Девочка, я что-то не то сказал? Что случилось, ласточка?! Рита, да открой же!

Заткнув уши, Рита повалилась на кровать, пораженная тем, что сказал ей муж, не задумываясь. Сумасшедшая?! Он считает, что она сходит с ума?! И может говорить об этом так просто, между делом, изучая касающиеся его новости?

Швейцман скребся под дверью, прислушиваясь, но не слышал ни звука. У него даже мелькнула мысль выбить дверь, но он понимал, что будет смешно: его сил не хватит на это, а если и хватит, вспышка обиды и ярости у жены не повод для того, чтобы ломать хорошую дверь.

– Девочка моя! – позвал он еще раз. – Прошу тебя, выйди, поговори со мной! Чем я тебя обидел?!

Тишина.

Швейцарец сел на пол, обхватил руками голову. Мысли его путались, и от невозможности посоветоваться с женой, как он делал в таких случаях, он почувствовал себя совсем плохо. Он чем-то обидел ее... чем? Сидел за столом, смотрел новости, не видя ничего, кроме заголовков, вспоминал Крапивина, от которого бежал, бежал в прямом смысле слова, забыв в кафе

кашне, подаренное Ритой, напуганный выражением его лица, на котором глаза с остановившимся взглядом и кривящийся рот жили отдельно друг от друга. Рита что-то сказала, и он ответил – не ей, а своим мыслям. Что она сказала?

Это было важно. Концентрация на одной мысли помогла Семену прийти в себя, и он, приложив ладонь к горячему вспотевшему лбу – он всегда легко потел, от малейшего волнения покрывался капельками, которые, высыхая, оставляли за собой неприятное ощущение влажного озноба, – сосредоточился на воспоминании о том, что же сказала Рита.

Теперь молчание жены в комнате помогало ему – если бы она плакала, Швейцман не смог бы думать ни о чем ином, кроме ее слез. Рита плакала так редко, что он каждый раз пугался до полусмерти, как будто она могла умереть от плача, сам понимал, что это глупость, но ничего не мог с собой поделать. Он встал, постоял, напряженно вспоминая и постепенно убеждаясь, что не может вытащить из своей памяти ничего, кроме лица Крапивина, о котором он думал в ту минуту, когда жена что-то робко сказала за его спиной.

Поколебавшись, Швейцман вернулся в комнату, уселся перед компьютером, по экрану которого летели в далекую черную глубину вращающиеся цветные октаэдры, и постарался мысленно вернуться на пятнадцать минут назад. Октаэдры, переливаясь, навевали сонливость, он чувствовал, что от напряжения последних дней проваливается в неглубокие сонные ямы, окончательно теряя связность мыслей. Но очередная такая яма помогла ему – неожиданно один из октаэдров словно зацепил синим краем ушедшее ощущение, потащил его за собой, вытаскивая все остальное: и шуршание Ритиногo платья, и звук ее голоса, и – самое главное! – смысл ее слов.

«Что-то про крыс... Кажется, что ей приснились крысы... или она снова их испугалась».

Швейцарец вскочил, сон слетел с него. Он подошел к двери, за которой на кровати лежала Рита, содрогаясь в беззвучных рыданиях, постоял, обдумывая что-то.

И попятился назад, приняв окончательное решение.

* * *

Узнав о том, что Семена Швейцмана отпустили, Макар тотчас вышел из своего полусонного состояния. Он рысцой пробежался по комнатам,

высматривая неизвестно что, а несколько ошеломленный его быстрым преображением Сергей ходил за ним следом, соображая, что же может искать Илюшин.

– Где же, где же он... – повторял тот, отмахиваясь от предложений Бабкина помочь ему в поисках. – А, нашел!

Он вытащил из шкафа за хвост серо-зеленый шарф и торжественно помахал им перед носом Сергея.

– Зачем он тебе? – удивился Бабкин. – Ты больше не кашляешь, и горло у тебя не болит...

– Для антуражу, – туманно объяснил Макар, наматывая шарф на шею. – Кроме того, он мне нравится.

Сергей пожал плечами в знак того, что не может разделить симпатию Илюшина, и поинтересовался, куда решил отправиться его друг.

– Думаю, ты не собираешься сидеть в квартире, обмотанный шарфом, как тот инспектор из фильма?

– Я собираюсь наконец познакомиться с дамой, с которой, кажется, знакомы все, кроме меня.

– С Томшей? А ты знаешь, где она живет?

– Имея под рукой Интернет, это не так сложно выяснить. Набери, пожалуйста, в поисковике запрос по ее фамилии и слову «скульптор».

До квартиры-мастерской Томши, находившейся на другом конце города, они добрались довольно быстро, потому что по настоянию Бабкина поехали не на машине, а на метро. Макар только одобрил смену транспорта – он любил метро, и его, в отличие от Сергея, не угнетали толпы людей и постоянный шум. Бабкин же руководствовался соображениями безопасности: его преследовала мысль, что в машине их подловят в тот момент, когда они меньше всего будут этого ожидать.

Решение оказалось правильным: центральные улицы и Кольцевая стояли в пробке, и они застряли бы надолго. Тем не менее, выбравшись из метро, Сергей вздохнул свободнее.

Нужный им пятиэтажный дом они нашли быстро и, поднявшись по лестнице на верхний этаж, позвонили в дверь с табличкой в виде длинного питона, надпись на боку которого удостоверяла, что скульптор Мария Сергеевна Томша проживает именно здесь. Сергей, в противоположность Макару, вовсе не был уверен, что хозяйка окажется дома, но дверь им открыли очень быстро. На пороге стояла небрежно одетая сутулая девица с желтыми волосами и неприязненно разглядывала визитеров.

– Анька, кто там? – крикнули из квартиры, и Бабкин узнал голос.

– Вы кто? – хрипло спросила девица.

– Мы к Марии Сергеевне.

Девушка, поколебавшись, пустила их внутрь, и Сергей с Макаром оказались в просторной комнате, по-видимому, объединенной из двух. Узкий темный коридор уводил в глубь квартиры, оттуда доносился запах плова. В комнате не было никакой мебели, кроме двух стульев; чисто вымытые окна беспрепятственно пропускали свет, падавший на многочисленные скульптуры.

– Анька, дура, подгорело! – бросила Томша, появляясь из коридора, и осеклась, увидев мужчин.

Но тут же на лице ее появилась улыбка узнавания, и она шутовски поклонилась Бабкину, бросив оценивающий взгляд на Илюшина. Тот учтиво поздоровался, представился, но прежде чем назвать цель их визита, покосился на желтоволосую девушку, повернувшуюся к ним спиной. Томша отреагировала немедленно:

– Слышала, что я сказал? – она подтолкнула девушку в сторону коридора. – Иди, следи за пловом.

Та ушла, шаркая дырявыми тапочками по паркету.

– Ну что, хотите посмотреть? – с двусмысленной улыбкой спросила Томша, махнув рукой в сторону скульптур и не сводя глаз с Макара.

– Сначала я хотел вас кое о чем спросить. Если вы не против, конечно.

Томша, пожав плечами, указала на стулья, а сама, не дожидаясь, пока они сядут, опустилась на пол, приняв непринужденную позу. Излишне непринужденную, как показалось Сергею: на скульпторше была мужская фланелевая рубашка, доходившая невысокой Томше до колен, и когда она села, полы рубашки распахнулись, обнажив полные смуглые ноги, которые Мария Сергеевна поджала под себя по-турецки. Они лоснились, словно их намазали маслом, и, уловив еле слышный запах сандала и каких-то незнакомых ему восточных пряностей, Сергей подумал, что так оно и есть.

Сегодня ее глаза в щелочках опухших век казались еще меньше, как будто она не выспалась. Волосы по-прежнему висели неаккуратными прядями вдоль лица, пухлые губы блестели, словно их смазали чем-то жирным, и Бабкин вспомнил про плов на кухне. Он не мог объяснить себе, в чем притягательность этой женщины – она скорее отталкивала его, но в ее развязной непринужденности, полном пренебрежении к внешности и в бесстыдном внимании к мужчинам было что-то влекущее.

Макар подумал, что так мог бы выглядеть божок сластолюбия. Но в следующую секунду Томша перевела взгляд с Сергея на него, и то, что он прочитал в этом взгляде, заставило его прибавить «и гордыни». Старый Чешкин был прав.

Не пытаясь выдавать себя и Бабкина за покупателей, Илюшин рассказал, чем вызван их визит, упомянув в качестве причины рассказ Полины Чешкиной. Услышав о девушке, Мария Сергеевна раздвинула толстые губы в довольной улыбке.

– Помню эту дурочку, – насмешливо протянула она. – Приходила, бедненькая, зубками у меня стучала – то ли от страха, то ли от холода, уж не знаю. Не поверила Димке Силотскому, красавчику моему, решила сама спросить у Маши, правду ли ей сказали.

– И вы ей подтвердили слова Силотского, – утвердительно произнес Макар.

– Не подтвердила, – поправила его Томша, – а рассказала то, что было. Может, мой рассказ с Димочкиным и не во всем совпал – он фантазер был тот еще, мог и придумать ерунды для красоты сюжета. Я ведь не в курсе, что он ей плел.

Она потянулась нарочито медленным движением, исполненным звериной грации, зевнула. Несмотря на нелепое телосложение, двигалась она пластично, как танцовщица.

– Дениска Крапивин хотел, чтобы я его друга выманила из дома, – равнодушно проговорила она. – Мне что, жалко, что ли? Во-первых, не чужой человек попросил, а во-вторых, он мне за такое развлечение заплатить обещал.

– Заплатил?

– А как же! Дениска мальчик не бедный, ему мелочиться незачем.

– А вы знали, чем вызвана его просьба? – спросил Сергей, стараясь скрыть неприязнь.

– Зачем мне об этом знать? Он сам не говорил, а я не спрашивала. Может, Дениска хотел другу подарок сделать?

Мария снова призывно улыбнулась Сергею.

– Подарок получился на славу, – промурлыкала она с довольным видом. – Димка примчался, как будто его за ниточку потянули. Мы ведь с ним до этого расстались – надоел он мне немножко, решила отдохнуть от мальчика...

В том, что она называла тридцатипятилетнего мужчину мальчиком, тоже было что-то дразнящее и одновременно противное.

– А тут и самой стало любопытно! Я его по-хорошему встретила: белую сорочку надела, с эдакими прорезьями... вот тут и вот тут, – она показала, где именно были прорези, откровенно потешаясь над сыщиками. – Очень она Димочке пришлась по вкусу. Я его не с пустыми руками встретила, а за вином спустилась, конфет-фруктов прикупила, и

пока ходила, он и примчался, сокол мой. Вот удивился-то, что ему не открывают! – она рассмеялась от воспоминаний. – А тут я поднимаюсь, с вином и фруктами. В пальто. А под пальто у меня... – она подмигнула Бабкину, – только та самая белая сорочка. Знала я, что Димочка оценит! Жаль, конечно, что потом ему нелегко пришлось, друзья-то совсем от него отвернулись. Дениска Крапивин, хитрец такой, и руку ему перестал подавать при встрече, и Сеньку-Швейцарца на это подговорил. Димку я жалела, да...

– А ведь вы были знакомы и с Николаем Чешкиным, – не задумываясь, заметил Бабкин. – Его вам совсем не жалко?

Лицо Томши неуловимо изменилось. Исчезла веселость, глаза помрачнели, и ее улыбка стала похожа на гримасу.

– Не тогда, так на день позже, – отрезала она. – Хотите, чтобы я причитала, как остальные: «Ах, какой талантливый мальчик погиб»? Не смешите меня! Видела я их талантливого мальчика – больной он был, законченный шизофреник. Его бы лечить надо, а вместо этого с ним возились, как с недоношенным. А уж как старый дурак над ним трясся – смотреть смешно было.

– Под старым дураком вы, надо полагать, подразумеваете Владислава Захаровича? – осведомился Макар.

– Именно так и надо полагать, – передразнила Томша. – Как еще его назвать? Не уберег внука-то, как ни старался.

– Вы тоже сыграли в этом некоторую роль, – не удержался Сергей.

– Бросьте! Не я, так другая баба оказалась бы на моем месте. Димочка был известный ходок, мужской силой его бог не обидел. Да и Дениска Крапивин постарался бы, и не получишь у него в тот раз, получилось бы в другой. Он, Дениска, человек упрямый: если что в голову себе вбил, так добьется непременно.

– Кое-что не сходится... – протянул Бабкин. – Если Крапивин все это придумал, так зачем же ему нужно было прекращать общение с Силотским? Раз он сам его подставил?

– Вы что, не знаете, что ли – Димка Силотский на внуку Чешкина глаз положил. А глаз у него был... – Томша хихикнула, – как у жеребца. Если приглядел себе кобылку, так покрыл бы ее, не сомневайтесь. А Денис – мальчик умненький, решил так: раз не получилось, выставим Силотского виноватым. Он всегда оказывался в белом, наш Дениска, что бы ни происходило.

– А что еще происходило? – тут же спросил Макар.

Томша помолчала, без выражения посмотрела на него.

– А мне ведь работать надо, – наконец сказала она, поднимаясь на ноги. – Так что, мальчики мои сладкие, извините, в следующий раз побеседуем.

Илюшин с Бабкиным вынуждены были подняться вслед за ней. У Сергея заиграл телефон в кармане, он достал его и, пристально глядя на экран, нажал на кнопку.

– Да? – произнес он, отходя чуть в сторону от Макара и Томши. – Что? Хорошо, скоро будем.

Он закрыл телефон и вернулся к ним.

– Может, посмотрите что-нибудь? – Томша указала подбородком на скульптуры. – Мало ли... вдруг заинтересуетесь?

Макар кивнул и стал обходить комнату, вглядываясь в безглазых гипсовых сов, в искореженные головы, по воле скульптора приобретшие расплюсченную форму, отчего нос наезжал на глаза, а несоразмерно увеличенное ухо закрывало рот, в абстракции, дополненные фрагментами человеческого тела, выпиравшими из куба или шара с вмятинами. Увиденное произвело на него удручающее впечатление. «Пора выбираться из этого мертвого царства. То, зачем мы приезжали, уже сделано».

– Нравится, красивый ты мой? – со смешком спросила сзади Мария Сергеевна. – Или ты в этом ничего не понимаешь?

– Владислав Захарович говорил о ваших... скульптурах, – уклоняясь от прямого ответа, сказал Макар, сделав крошечную паузу перед словом «скульптурах».

Пауза эта не осталась незамеченной. Женщина вскинула голову, губы ее изогнулись, отражая презрение к мнению Чешкина. «Вот кого лепить надо», – подумал Илюшин, обернувшись к ней.

– Анька! – крикнула Томша. – Поди сюда!

Девушка вышла из темноты коридора, уставилась на скульпторшу блеклыми глазами.

– Проводи гостей, они все посмотрели, – приказала та и, не прощаясь, ушла из мастерской.

* * *

– Зачем ты ее спровоцировал? – негромко сказал Бабкин, когда они спускались по лестнице. – Разозлилась она не на шутку...Тьфу, противная баба!

– Во-первых, потому что она – противная баба, как ты верно заметил.

Мне хотелось напоследок вывести ее из себя, и я не мог отказать себе в этом маленьком удовольствии. Во-вторых, я хотел убедиться в том, что она знает, какого мнения о ней и ее скульптурах Чешкин. И я в этом убедился. Знает, знает Мария Сергеевна, что Владислав Захарович называет ее творчество поделками, и ее это очень задевает. Старик был прав.

Они вышли из подъезда, остановились под козырьком, закрытые от желающих посмотреть на них из окон. Сергей достал телефон.

– Успешно? – осведомился Макар, глядя через его плечо на экран.

– Более чем. Хорошая игрушка, надо было раньше такую приобрести.

Он нажал одну за другой несколько кнопок, и маленький фотоаппарат, замаскированный под мобильный телефон, послушно вывел на экран крупную фотографию Марии Сергеевны Томши.

* * *

В «Броню» они приехали к обеду, позвонив по дороге нужному им человеку. Начальник службы безопасности встретил их в дверях, проводил в свой кабинет. Сотрудников не было видно – то ли они ушли обедать, то ли постепенно разбегались в поисках новой работы, и в коридорах стояла тишина, нарушаемая негромким женским голосом за одной из дверей, повторявшим, словно заведенный: «Да, я вас слушаю. Да. Да. Я вас слушаю».

– Взгляните.

Бабкин протянул включенный фотоаппарат, на экране которого высветился последний сделанный им снимок.

– Можем на монитор компьютера вывести, если хотите, – предложил Макар, но мужчина покачал головой.

– Не надо выводить, хорошо видно. Да, это одна из баб, встречавших Качкова. Я ее частенько с ним видел, она обычно дожидалась его неподалеку, в кафе.

Глава 12

– Итак, Крапивин подговорил Марию Томшу выманить Дмитрия Силотского из квартиры Николая Чешкина, который, оставшись в одиночестве, покончил с собой. Затем Денис Иванович, недолго думая, свалил всю вину на Силотского, а заодно убедил третьего из приятелей, Швейцарца, не подавать руки мерзавцу.

Бабкин сидел в одном из синих кресел Макара, проговаривая вслух то, что было им известно, и делая короткие пометки в блокноте. Макар слушал его, полуприкрыв глаза. Раннее апрельское утро било в окна – Илюшин убедил Бабкина открыть шторы, и тот неохотно согласился, поддавшись на доводы Макара, что снайпер, если уж такого наймут, сможет пристрелить их и на улице, и шторы не станут ему помехой. Солнечные лучи заставляли Сергея щуриться и буквы расплывались перед его глазами.

– Сама Томша, как мы выяснили накануне, хорошо знакома с Владимиром Качковым и, вероятно, является его любовницей. Что из этого следует?

– Ничего, – тут же отозвался Илюшин. – Кроме разве что правоты Анны Леонидовны, обвинявшей своего мужа в изменах. Твоя бывшая жена тоже знакома с Качковым – и что из этого следует?

Сергей хмуро посмотрел в его сторону и закрыл блокнот.

– Что они объединились с Томшей и прикончили Ланселота, – брякнул он в расстройстве. – Макар Андреевич, мы работать будем? Оперативно-следственная группа, напомню тебе, отпустила Швейцмана – значит, у них нет серьезных доказательств. Мы с тобой занимаемся какой-то ерундой, удовлетворяя твое любопытство и выявляя «невидимые связи». Все это, конечно, очень интересно, но Машка с Костей по-прежнему сидят за пятьдесят километров отсюда, и не могут же они прятаться там до бесконечности!

Он вскочил, рассерженно прошелся по гостиной.

– Впору вытаскивать признания вручную из этого подрывника – бывшего спецназовца! Макар, я на полном серьезе!

– Попрошу без криминала. Я сам могу дать новую информацию к размышлению, без применения тобою грубой физической силы.

– Какую информацию? – Бабкин остановился посреди комнаты, подозрительно глядя на Илюшина.

– Я уже говорил тебе и повторю снова: ты недооцениваешь роль

Крапивина в этом деле. Особенно если учесть, что Денис Иванович некоторое время ходил в тот же спортзал, что и Ланселот со Швейцманом.

– Откуда ты знаешь? – недоверчиво спросил Сергей.

Макар пожал плечами и объяснил, что об этом упомянул Швейцман в разговоре.

– И ты молчал?!

– Вот сейчас говорю, – ухмыльнулся Илюшин. – Если хочешь, можешь съездить к Денису Крапивину и спросить, не он ли является сообщником Владимира Качкова и где сейчас заместитель Ланселота.

Бабкин посмотрел на Макара и убедился, что тот не шутит.

– Тогда чего мы ждем? – спросил он, открывая записную книжку и листая ее в поисках телефона Крапивина.

– Я с тобой не поеду, мой торопливый друг. Отправляйся один.

Озадаченный Сергей захлопнул блокнот.

– Макар, я тебя не понимаю. Кто обосновывал необходимость общения со всеми лицами, участвующими в деле? Ты разговаривал с Крапивиним один раз – на похоронах, и то, что он рассказал тебе, оказалось верным лишь отчасти. Ты не хочешь встречаться с ним, потому что он один раз убедительно солгал, одурачив тебя? Но лгут все, Денис Иванович – не исключение...

– Дело не в этом. Нет никакой необходимости встречаться с Крапивиним, потому что у нас уже есть все данные, необходимые для раскрытия этого дела.

– Неужели?

– Именно так. Мы просто не можем ими воспользоваться. Мне не хватает какой-то ерунды, которая расставила бы все по своим местам, и я допускаю, что эта ерунда отыщется именно у Дениса Ивановича по прозвищу Пресноводное.

Он достал из кармашка кресла альбом, вырвал лист и пошарил в кармане, ища огрызок карандаша и всем видом показывая, что не сдвинется с места.

– Замечательно, – пробурчал Бабкин, выходя в прихожую, – значит, я еду за ерундой, а ты остаешься рисовать свои дикие рисунки.

– Серега, будь с ним очень осторожен, – крикнул Илюшин ему вслед. – Насчет прямых вопросов я пошутил, не стоит спрашивать его, зачем он подставил кролика Роджера!

– Какого... Черт возьми, Макар, какого кролика?!

– Эх ты... – донесся из гостиной снисходительный голос. – Классику не знаешь.

Бабкин постоял полминуты, ожидая продолжения, но из комнаты не донеслось больше ни звука. Обозлившийся Сергей мысленно обругал Илюшина и вышел из квартиры, не забыв предварительно осмотреть лестничную клетку в глазок.

* * *

Петр Петрович Арефьев, приземистый мужчина с доброжелательным лицом землистого цвета и перекаченными буграми бицепсов, которые он обычно прятал под рубашкой с коротким рукавом, вышел из подъезда со спортивной сумкой в ту самую секунду, когда Сергей Бабкин предлагал Макару к нему наведаться. Мягко улыбнувшись детям, игравшим у подъезда, Петр Петрович обошел их рисунки на подсохшем асфальте и сел в машину – неброскую грязно-серую «пятерку», припаркованную под окнами. Затем прикрыл глаза и прислушался к окружающему пространству.

В том, что нанявший его человек попытается его убить, Арефьев с некоторых пор не сомневался. Он являлся единственной ниточкой, ведущей к нему, а заказчик поставил на карту слишком многое, чтобы не перерезать эту ниточку. И к тому же был слишком умен и опасен.

Петр Петрович сидел в машине, прикрыв глаза, и казался со стороны расслабленным и умиротворенным человеком, слушавшим любимую музыку. Например, джаз. На самом деле в машине стояла тишина, джаза Арефьев не любил, а слушал он самого себя.

Предчувствие опасности не оставляло его последние три дня, а это означало, что заказчик подбирается к нему. Интуиция зверя, какой мог бы позавидовать Макар Илюшин, была одним из самых ценных качеств Петра Петровича, и он делал все, чтобы ее развивать. Последние сутки он ничего не ел, и сейчас голова была ясной. «Ясность ума против слабости тела... не самый приятный выбор, но другого нам не предлагают». Петр Петрович усмехнулся и сунул ключ в замок зажигания.

– Тронулся, – сказал один из оперативников, следивших за неброской «пятеркой»

– Два дня сидел как сыч в норе, – отозвался второй. – Пора бы ему хоть за продуктами съездить.

– У него магазин под боком...

Арефьев выехал из двора и неторопливо поехал в сторону Ленинградского шоссе, выбирая небольшие улочки для того, чтобы срезать дорогу. Он негромко насвистывал, иногда с сожалением поглядывая на

мобильный телефон, брошенный на соседнем сиденье, – с новой дорогой игрушкой предстояло расстаться. Как, впрочем, и со многим другим.

«Жизнь важнее, правда, Петр Петрович?» – риторически спросил Арефьев, у которого была привычка уважительно обращаться к самому себе по имени-отчеству. Он считал, что заслужил право на уважение.

В намеченном дворе он остановился и вышел из машины другим человеком. Этот другой ничем не отличался от Петра Петровича внешне, но движения его были стремительными, а показное дружелюбие исчезло с лица, сменившись напряженным вниманием. Он пересек двор, сел в стоящий за гаражом-«ракушкой» темно-синий «Гетц», и машина рванула с места, набирая скорость.

Заранее подготовленный план не дал сбоя ни в одном пункте, и час спустя Арефьев выехал из Москвы с комплектом новых документов и уверенностью в том, что теперь его никто не найдет – ни заказчик, ни оперативники, злобно матерящие спецназовца, так легко вышедшего из-под наблюдения.

* * *

Денис Крапивин проснулся очень рано, и первым его побуждением было позвонить на работу и сообщить, что он заболел и потому не придет. Но он тут же вспомнил, что сегодня суббота и не нужно никому звонить, ни перед кем отчитываться... Можно остаться дома, позавтракать, потом ждать звонка от Ольги. В том, что она позвонит, Крапивин не сомневался: ей тяжело находиться в одиночестве, она никак не может привыкнуть к пустой квартире, не может ужинать одна. При мысли о том, что в какой-то степени заменяет ей покойного мужа, Денис прикрыл глаза и внятно проговорил про себя: «С этой высоты лес был как пышная пятнистая пена; как огромная, на весь мир рыхлая губка; как животное, которое затаилось когда-то в ожидании, а потом заснуло и проросло грубым мхом». Это помогло. Пока он произносил цитату, Ланселот исчез из его мыслей, и в них воцарился лес.

Голова Дениса была на удивление ясной. Он не помнил, как уснул, вернувшись из кафе, но, судя по тому, что брюки и джемпер висели на своих вешалках, а не были небрежно брошены на кровати, его аккуратность ему не изменила. «Если я доживу до старости, то превращусь в отвратительного педанта. Впрочем, я уже и сейчас, по мнению многих, отвратительный педант».

Он пошевелился под одеялом, ощущая неприятную тяжесть в ногах, словно накануне много ходил, и принял решение не вылезать из постели, но тут утреннюю тишину квартиры нарушил негромкий звонок телефона. «Ольга».

Но это оказалась не Ольга, а тот самый сыщик, с которым его и Швейцарца познакомили накануне похорон Ланселота. Он хотел встретиться, и Крапивин согласился, подумав, что визит малознакомого человека заставит его собраться, вылезти из кровати, перестать ощущать собственные ступни как тяжелый груз, который приходится волочить за собой. Умывшись и посмотрев на свое осунувшееся лицо, Денис поймал себя на том, что ожидает приезда Бабкина с некоторым тревожным возбуждением и страхом, и когда телефон зазвонил второй раз, почти обрадовался, решив, что сыщик по какой-то причине отменяет или переносит свой визит.

Но на этот раз звонила Ольга. Судя по ее голосу, она, как и Крапивин, только что проснулась.

– Денис, я потеряла фотографии, – жалобно сказала она. – Побоялась беспокоить тебя вчера, думала, что ты уже спишь.

– Какие фотографии?

– Старые, еще не цифровые, а бумажные. У меня хранился старенький альбом с Димкиными снимками, я вчера решила его разыскать – и не нашла. У тебя ведь их много, правда? Прости, что я беспокою тебя с утра такой ерундой, но я вчера так расстроилась...

Она чуть слышно всхлипнула.

– Может быть, они в летнем домике? – продолжила Ольга, справившись со слезами. – Я, наверное, поеду туда сегодня, поищу альбом. Знаешь, Денис, теперь я поняла, почему ты печатаешь все фотографии. Бумажные – они совершенно не такие, как на экране компьютера.

Крапивин убедил ее, что найдет фотографии и привезет ей, когда она вернется в город. Положив трубку, он подумал, что для него цифровые снимки на экране ноутбука ничем не отличаются от бумажных фотографий, матовых или глянцевых, разложенных в хронологическом порядке в толстом альбоме, которого ему хватило бы до конца жизни. Все снимки Денис распечатывал в фотомастерской в соседнем доме, подписывал, засовывал под магнитную пленку, под которой скапливались пузырьки воздуха, искажавшие изображение, и проглаживал их рукой. Друзья думали, что он настолько консервативен, что избегает цифровых фотографий, или же настолько предусмотрителен, что опасается хранить их только на электронных носителях. Но причина заключалась в другом, и

знал о ней только Крапивин.

Он вынул альбом из шкафа с книгами, провел рукой по обложке, открыл первую страницу, на которой в середину листа была вставлена одна-единственная фотография. Общий снимок, сделанный старым Чешкиным на одном из дней рождения внука: хохочущий Швейцарец в вечных своих подтяжках со львами, сам Денис, принужденно улыбающийся Владиславу Захаровичу, обнявший их обоих могучими ручищами Ланселот в нелепом пиджаке, застегнутом под горло, – такие были в моде в те годы. И невероятно похожие друг на друга Полина с Колькой, даром что разница у обоих в восемь лет – оба с комической важностью смотрят на деда, оба кажутся мелкими на фоне здоровяка Димки. Впрочем, они и были мелкими – даже Колька не выше Швейцарца, что хорошо видно на снимке, да и щуплый к тому же. «Болезный», как говорила тетка Крапивина.

Звонок домофона прозвучал так некстати, что Денис вздрогнул. Он и не заметил, что прошло столько времени, пока сидел над фотоальбомом – точнее, над одной фотографией. Впустив сыщика, он провел его в комнату с искусственным камином, заметив, что квартира произвела впечатление на гостя. Крапивину хотелось позавтракать, но он помнил, что когда открывал холодильник в последний раз, тот сверкнул на него стерильной пустотой, а предлагать сыщику чашку кофе ему было неловко.

К тому же Крапивин уже сожалел, что согласился на эту встречу. Ему хотелось поскорее ответить на все вопросы и остаться одному, вернуться в постель, закрыть глаза, чтобы не видеть окружающей его обстановки, выверенной до мелочей. Он сдержанно сказал, что готов помочь Сергею, но не совсем понимает, каким именно образом он может.. и так далее.... Сыщик терпеливо дождался, пока Крапивин закончит необходимую вводную фразу, заверил Дениса, что его расспросы не будут долгими, и вытащил блокнот.

Бабкин ожидал, что ответы Крапивина будут уклончивыми, но собеседник превзошел все его ожидания. Следуя совету Макара, Сергей не задал ни одного вопроса «в лоб», но по мере разговора проникался уверенностью, что это ни к чему и не привело бы. Денис Крапивин не хотел отвечать на его вопросы; он не хотел ничего рассказывать о Марии Томше; он не хотел говорить о подробностях знакомства с Качковым. Через двадцать минут после начала разговора у Бабкина на языке вертелся основной вопрос: зачем Денис Иванович вообще согласился на эту встречу.

Крапивин чувствовал все возрастающую неприязнь к расспрашивающему его человеку, потому что каждый вопрос касался

неприятной ему темы. Он со страхом ощутил приближение головной боли. Ему казалось, что Сергей Бабкин смотрит на него с нескрываемым подозрением, что вот-вот он ударит по столу, и стеклянная столешница под его ударом, расколется на две части, а вместе с ней расколется что-то в затылке у Дениса, освободив дорогу боли. Мешала сухость во рту, и он чувствовал, что язык ему не повинуется.

– Прошу прощения, – в конце концов сказал Крапивин, не выдержав. – Я на одну минуту.

Он вышел, бесшумно ступая по тонкому ковру, думая о том, что графин цветного стекла – еще одна удачная находка дизайнера – будет резать ему взгляд своей синевой с всплесками оранжевого. Но в нем была вода, а пить Денису хотелось невыносимо.

Оставшись один, Сергей увидел на столе фотоальбом и удивился, что не заметил его раньше. Необычная вещь: в обложке, обтянутой темно-синим, почти черным бархатом, были проколоты дырочки, под которыми проступал белый фон; поначалу ему показалось, что проколы сделаны хаотично, но он отодвинул альбом чуть подальше, и они сложились в рисунок. Стены замка или крепости, над которыми летела стая голубей. Может быть, это были другие птицы, не голуби, но Бабкин проникся уверенностью, что это именно они, стоило ему вспомнить рисунки в квартире Владислава Захаровича Чешкина.

Секунду он колебался, но затем его неуверенность была побеждена несколько парадоксальным соображением, что Крапивин не разрешил бы ему посмотреть снимки. «Значит, нужно посмотреть без его разрешения». Так же бесшумно, как Денис Иванович, Бабкин подошел к арке, ведущей из гостиной в коридор, прислушался и различил слабое звяканье стекла. «Понятно. Похмелье у Здравомысла, вот он и мучается».

Он вернулся, открыл альбом. Задержал взгляд на первой странице, торопливо пролистал следующие, где повторялись одни и те же лица, незаметно взрослеющие от снимка к снимку. Больше всего здесь было фотографий Полины Чешкиной, и Сергей подумал, что снимал ее брат: на них она казалась красавицей, чего в жизни не было. Промелькнули несколько снимков самого Дениса, и вдруг, перекинув очередной твердый лист, Бабкин уткнулся взглядом в поразительно знакомую и в то же время шокирующую фотографию.

На ней были сняты его бывшая жена и Крапивин. Знакома она была для Бабкина оттого, что он хорошо помнил тело Ольги – ладное, женственное, с тонкой талией, выпуклым животом, рыхловатыми нежными ягодицами. Шокирующей – потому что рядом с ней на кровати был голый

Крапивин, забросивший ногу на бедро Ольги, смеющийся Крапивин, ласкающий худой рукой ее грудь, зажав длинный сосок между указательным и средним пальцем.

Они явно не позировали фотографу, а снимали себя сами – такое откровенное удовольствие и расслабленность были написаны на лице Дениса, каких не было ни на одном из предыдущих снимков. Присвистнув от изумления, Бабкин пролистнул еще несколько страниц. Все они оказались заполнены похожими снимками «семейного ню». Откровенно порнографических фотографий не было, но на каждой бросались в глаза переплетения тел, нагота, подчеркнутая каким-нибудь нарочито нелепым предметом гардероба вроде галстука на Крапивине или шарфика на Ольге. Эти двое занимались любовью, фотографировали сами себя, принимали вызывающие позы, хохотали, ласкали друг друга... Бабкин заставил себя досмотреть альбом до конца, но серией этих совместных кадров он заканчивался.

– Вот, значит, в чем дело, Денис Иванович, – протянул Сергей, вернувшись к самой первой фотографии и намереваясь ее достать, чтобы посмотреть число. Число – это важно. Если снимки относятся к тому времени, когда еще жив был Силотский, тогда можно будет...

– Что вы делаете? Кто вам позволил?!

Он резко окрика Бабкин вздрогнул и выронил альбом. В комнате стоял Крапивин, и Сергей недобрым словом помянул ковры, позволявшие бесшумно ходить по всему дому.

– Вы что, не знаете...

Денис стремительно подошел к нему, выхватил альбом, опустил глаза на фотографию. Несколько секунд молчания – и он перевел взгляд на сыщика; сказать, что именно отразилось в этом взгляде, Бабкин бы не смог, но по его спине прошла волна холода.

Оба замерли. Напряжение, повисшее в комнате, казалось Сергею почти осязаемым: еще чуть-чуть – и оно лопнет, взорвется, заполнив пространство ядовитым содержимым. Крапивин вздернул верхнюю губу – по-звериному, оскалив мелкие зубы, и Бабкин вспомнил о крысах, испугавших жену Швейцмана. Он знал, что сильнее стоявшего напротив мужчины, знал, что физически более подготовлен к драке, но в эту секунду его охватил иррациональный страх, и он почувствовал желание бежать из этого пропитанного яростью дома.

– Уходите, – беззвучно произнес Крапивин.

– Денис Иванович...

Крапивин сделал шаг к Сергею, и тот отступил, вышел, пятясь, из

комнаты, не сводя настороженных глаз с застывшего на месте человека, по-прежнему скалившего верхние зубы. Он не решился повернуться спиной и тогда, когда оказался в прихожей. Лишь выйдя на улицу и вдохнув свежий воздух, Бабкин сбросил с себя морок, очумело посмотрел на охранника и быстро пошел к своей машине.

Крапивин некоторое время стоял, не двигаясь, затем захлопнул альбом и вздрогнул от звука, прозвучавшего, как глухой выстрел.

– Да! – сказал он в пустое пространство притихшего дома. – Конечно же! Именно этого от меня и ждут.

Вернул альбом на столик, задержался взглядом на густо-синей обложке, из-под которой проглядывал белый замок с птицами над ним, и вдруг, застонав, изо всей силы обрушил сжатый кулак на тонкое стекло.

По столешнице пробежала трещина, стекло расколосось, но не упало, как он ожидал, стеклянными брызгами на ковер, а со звоном провалилось вниз двумя половинами. В ту же секунду боль, словно ждавшая, притаившись, именно этого, ввинтилась ему в затылок осколком стекла.

Но Денис ее почти не заметил. Сознанием его овладела одна-единственная идея, вытеснившая все, даже боль. Подумав и мысленно расставив все по своим местам, Крапивин вытер ладонь, с которой стекала кровь, о рубашку, и криво улыбнулся синей обложке альбома.

* * *

Макар прошелся по комнате, подошел к окну, посмотрел с двадцать пятого этажа вниз, во двор, который пересекала маленькая фигурка. Поднимался ветер – порывистый весенний ветер, гнувший к земле голые стволы деревьев, а здесь, на этой высоте, врезающийся с разлета в стены и окна домов, качающий натянутые провода, подхватывающий одиноких птиц, пролетавших над городом. Илюшин открыл окно, и обрадованный ветер ворвался в комнату, обдав человека холодом, взмел листы, вырванные из альбома, прошелся сквозняком по квартире. Солнце светило все ярче, но тепло его было обманчивым; ветер быстро разрушал иллюзию скорого лета, которой так легко было проникнуться здесь, на двадцать пятом этаже, если смотреть не вниз, а только в синее небо с жарким солнцем. До лета было еще далеко.

– До лета еще далеко, – сказал Макар вслух, обернулся и посмотрел на лист бумаги, снесенный ветром с кресла на пол.

Захлопнул окно, вернулся на свое место. Картина смерти Ланселота

ярко встала у него перед глазами, и он почти услышал звук взрыва, а следом за ним – громкий женский крик.

Швейцарец. Крапивин. Владимир Качков. Его жена. Семья Чешкиных во главе с проницательным Владиславом Захаровичем, заслонившим собой тень внука. Мария Томша в окружении скульптур. Ольга Силотская в черном платке. Все эти люди не хотели поддаваться логике Макара, становиться в его рисунках на отведенные им места. Они разбегались, а когда Илюшин позволял им вставать туда, куда они хотели, это тоже не приводило ни к чему хорошему: фигуры не связывались в целую картинку, и нити, которые рисовал Макар, объединяли лишь нескольких из них, оставляя других в стороне.

Илюшин закрыл глаза, слушая рассерженный весенний ветер за окном. В голос ветра вплелись другие голоса – живые голоса людей, которые его память воспроизводила с необычайной точностью, словно включалась грампластинка, сопровождая фразы тихим шуршанием иглы.

«Я, знаете, с юности чувствовал, что не могу долго на одном месте находиться, душно мне становится, тяжело», – объяснял Силотский низким уверенным голосом.

«Да, забыл вам сказать – в ту ночь, перед смертью, Коля написал один отрывок... – негромко рассказывал Владислав Захарович, делая большие паузы между словами. – Он успел написать его за те десять-пятнадцать минут, что оставался один, либо же начал раньше, а в этот промежуток времени закончил. Я сохранил его, потому что это последний Колин текст».

«Спросите сами у Дениса Крапивина, – с горечью советовала Полина Чешкина. – Он гораздо больше остальных знает о Колиной смерти».

«Дениска упрямый, как осел, это точно... – с тихим смешком говорил Швейцман. – В школе, случалось, чуть до драки не доходило из-за того, что он отказывался сбегать с химии. А потом мы узнали, что химичка – родная сестра его матери. Правда, жила она не с ними, но какое это имеет значение...»

«А Швейцарец хороший, – из голоса Полины исчезла горечь, она рассказывала спокойно, с улыбкой. – Он порой кажется смешным, но, познакомившись с ним ближе, начинаешь его уважать. И еще он очень любит свою жену, до обожания, и совсем этого не скрывает».

«Хотите, чтобы я стала причитать, как остальные: „Ах, какой талантливый мальчик погиб?“ – издевательски смеялась Томша. – Видела я их талантливого мальчика – больной он был, законченный шизофреник. Его бы лечить надо, а вместо этого с ним возились, как с недоношенным».

«Я бы даже не стал называть ее поделки скульптурами. Именно

поделки, игра умелых пальцев, но игра, в которую не вложено ни искры таланта».

Отрешившись от всего, что происходило вокруг, вслушиваясь в голоса, Макар начал стремительно зарисовывать персонажей, о которых они говорили. Теперь люди располагались не так, как прежде, хотя рыцарь с копьем наперевес по-прежнему остался на середине листа. Илюшин ни о чем не думал, голова его заполнилась сочетанием цветов и звуков, с которыми у него ассоциировались эти люди, перед глазами был не лист бумаги, а череда сменяющих друг друга образов, далеких от реальных. Они смешивались друг с другом, соединяясь в невообразимые фигуры, из них вырастали дороги и тропинки, превращаясь в деревья, в переплетение ветвей, и в этом переплетении отчетливо читались знакомые силуэты: Мария Томша в шляпе, Полина Чешкина в пальто, которое было ей велико, Крапивин в костюме... Из-под карандаша Макара они выходили преображенными до неузнаваемости, но, потеряв все свойственные им внешние черты, вдруг становились для него живыми и словно концентрированными.

Илюшин закончил рисовать, откинул голову на спинку кресла, закрыл глаза. Затем резко открыл их и уставился на рисунок. Пару секунд он смотрел молча, затем дернулся.

– Но как же... – пробормотал он. – Как такое возможно? Если мы видели...

Словно в ответ на его вопрос, среди пения ветра раздался новый голос, до этого молчавший. Немного дребезжащий старческий голос проговорил торопливо и испуганно, заглушив остальные голоса: «Поверить не могу, думала, что оборвусь, ей-богу, и костей моих старых не соберут».

Илюшин вскочил, ненужный лист упал на пол. Стремительными пружинистыми шагами он вышел из квартиры и позвонил в соседнюю дверь.

* * *

Денис Крапивин включил компьютер, бездумно уставился в монитор. Карта... ему нужна карта. Он помнил дорогу, но хотел убедиться, что ничего не забыл и не перепутал.

Пока загружалась картинка, он нажал на ярлык почты, следуя привычке проверять все, что только можно проверить. Несколько секунд спустя на панели замигал желтый конверт, и Денис открыл письмо,

мимолетно удивившись, что Ольга написала ему, хотя могла бы позвонить.

«Я не могу слышать твой голос».

– Вопрос со звонком снят с повестки дня, – безжизненным голосом произнес Крапивин.

«Мне только что прислали то, после чего у меня не может быть никаких сомнений в том, что это ты убил Диму. Я долго не хотела в это верить. Я на все закрывала глаза. Говорила себе, что это невозможно.

Я не могу сдать тебя в милицию. Ты знаешь об этом, и знаешь почему. Я слишком сильно тебя люблю. Любила. Ты убил во мне все.

Единственное, чего я хочу, – чтобы ты навсегда исчез из моей жизни. Я пишу тебе, чтобы предупредить: если ты еще раз появишься, то я передам все улики против тебя в прокуратуру. Если ты захочешь меня убить, как убил моего мужа, то знай: я позабочусь о том, чтобы после моей смерти документы оказались у людей, до которых ты никогда не доберешься, а уж они распорядятся ими так, как нужно.

Не пытайся меня переубедить. Все это время ты врал так убедительно, что, похоже, сам поверил в свою ложь».

Крапивин перечитал письмо еще раз, закрыл его, огляделся вокруг в поисках крысы – отчего-то у него возникло ощущение, что она должна быть неподалеку. Но крысы не было – должно быть, ушла на второй этаж.

Перед его мысленным взглядом встал восковой Швейцман с пластиковыми глазами дешевой куклы. Денис почувствовал, что правый глаз задергался, и сильно надавил на него пальцем, чтобы прогнать омерзительное ощущение. Он искал в памяти подходящую цитату, которая помогла бы ему успокоиться, но нашел не сразу. Правда, когда нашел, стал действовать гораздо спокойнее – и оделся, и взял все необходимое уже без нервного тика, совершенно выводившего его из равновесия. «Кандид встал, вытащил из-за пазухи скальпель и зашагал к окраине», – повторял он до тех пор, пока не выехал со двора.

* * *

Заря Ростиславовна вышла в прихожую, опасливо посмотрела в глазок, но, увидев за ним соседа, тут же открыла, обрадованно улыбнувшись.

– Макар! – воодушевленно начала она. – Здравствуйте! Как ваше горло, голубчик? Я как раз хотела...

– Заря Ростиславовна, – перебил ее Илюшин. – Почему вы сказали, что во время взрыва думали, будто оборветесь и костей ваших не соберут?

– Что? – старушка нахмурилась, и от досады, что ее прервали, ее лицо стало обиженным и недовольным.

– Пожалуйста, ответьте мне, это важно! Почему вы сказали...

– Можете не повторять, я еще не в маразме. Я же вам говорила: я застряла в лифте в тот ужасный день и дожидалась механика, а тут вдруг этот страшный взрыв! Я боялась, что тросы оборвутся и я упаду! Такой страх, господи боже мой, любая на моем месте испугалась бы... Окна на первом этаже вылетели, и Светлана Петровна рассказывала, что...

Она замолчала, глядя на изменившееся лицо своего соседа.

– Вы мне не говорили... – покачал головой Илюшин. – Если бы говорили, все встало бы на свои места гораздо раньше.

– Ну как же не говорила! – возмутилась Лепицкая-Мейельмахер, тряхнув редкими сиреневыми кудельками. – Я неоднократно жаловалась вам...

– Да-да, вы совершенно правы. Это я, дурак, не услышал вас! Простите, Заря Ростиславовна, мне нужно идти!

Неожиданно для старушки Илюшин поцеловал ей руку и бросился к своей двери, но тут двери лифта открылись, и на площадку вывалился взбудораженный Сергей.

– Макар, где тебя носит, почему твой телефон не отвечает?!

Не дав Илюшину ничего сказать, не заметив его соседку, он втолкнул Макара в квартиру и захлопнул дверь.

– В альбоме Крапивина я нашел откровенные эротические фотоснимки, на которых он вместе с Ольгой, – выпалил Бабкин. – Они любовники, понимаешь? Вот тебе и мотив, которого я не мог найти, и для него, и для нее! Видел бы ты его лицо, когда он понял, что я нашел фотографии.

Макар молчал, словно пораженный какой-то мыслью. Наконец он встрепенулся, раздосадованно щелкнул пальцами.

– Сейчас же звони Крапивину, – приказал он. – Сергей, быстрее!

– Черт возьми, вот чего я не учел... – бормотал Илюшин, пока Бабкин набирал номер. – Мы слишком долго тянули, а твой визит его наверняка подтолкнул, и он станет действовать быстро, пока все сходится так, как ему нужно ...

– Он не берет трубку!

– Тогда звони Ольге. Звони, говори, что ты приедешь, постарайся вытащить ее из дома любыми способами. Она должна уйти из квартиры до прихода Крапивина.

– У нее автоответчик! – Сергей выругался.

– Как – автоответчик? Она должна быть...

Макар оборвал фразу на полуслове, нахмурился.

– Конечно! Она должна быть...

Он замолчал, прикрыл глаза, покачался на носках. Ничего не понимающий Сергей спросил «Что ты делаешь?», но Илюшин сделал короткий жест, означающий «Не мешать!», и тот подчинился. Полминуты Макар стоял с напряженным лицом, сомкнув брови, затем хлопнул в ладоши.

– Крылецкое!

– Что такое Крылецкое? – осторожно спросил Бабкин.

– Место, где у Силотского загородный дом! О нем упоминала жена Качкова, когда показывала мне снимки. Уверен, что Ольга должна быть там, а Крапивин наверняка поехал за нею следом!

– А ты знаешь номер дома? Как мы его найдем?

– Говорю тебе, я видел его на фотографии! – Макар уже стоял в коридоре, тянул с полки шарф. – Серега, быстрее, быстрее! Из-за моей глупой ошибки мы и так потеряли кучу времени.

Карту Бабкин всегда держал в машине, и пока он гнал по шоссе, Илюшин объяснял, как проехать.

– Сорок километров, – пробормотал он. – Не очень далеко...

– Главное, чтобы пробок не было, – бросил Сергей, объезжая по обочине несколько машин, пристроившихся за медленно движущимся грузовичком.

– Пробки, пробки... – Макар провел пальцем по карте и вдруг скомандовал: – Уходи в поворот! Направо, давай, сворачивай!

Проглотив ругательства, бешено просигналив машине справа и подрезав ее самым безбожным образом, Бабкин вылетел в поворот, попал колесом в яму, отчего их с Илюшиным сильно тряхнуло, и понесся по узкой дороге, с одной стороны которой выстроились старые серые пятиэтажки, а с другой лежало покрытое талым серым снегом поле.

– Куда мы?.. – сквозь зубы процедил он.

– Здесь есть объездная дорога, – объяснил Илюшин, снова уткнувшись в карту. – Ехать чуть дальше, но мы объедем основной поток машин. Я уверен, что Крапивин поехал именно этим путем.

– Почему?

– Потому что он очень точно все рассчитывает, – мрачно ответил Макар.

Денис Крапивин вышел из машины, посмотрел на дом, стоявший в глубине участка. Он бывал в Крылецком несколько раз, каждый раз летом, но сейчас все выглядело иначе. Весна, разбудившая город, здесь только коснулась домов и садов: мягкой теплой рукой стерла снег с крыш, разрыхлила его на улице, пустила вдоль главной дороги почти невидимый прозрачный ручей. Но под ногами еще лежал снег, и сырой ветер носился вдоль улицы, морща поверхность маленьких лужиц в ледяных лунках.

Крапивин толкнул калитку, и она отворилась. Слева, возле гаража, стояла красная Ольгина машина, на заднем сиденье Денис различил большую сумку. Он сделал шаг к машине, но тут же понял, что внутри никого нет. К дому вела узенькая тропинка, по которой он и пошел, пытаясь угадать: действительно кто-то движется за окном или ему кажется.

Поднявшись на крыльцо, он постучал в дверь и громко позвал:

– Оля! Оля, это я, Денис!

Ему показалось, что позади дома возле бани что-то скрипнуло, но когда он, неловко перевесившись через крыльцо, посмотрел в ту сторону, то никого не увидел. Вокруг бани снег был утоптан, но Крапивин сомневался, что Ольга побежала от него в баню.

– Оля, я хочу поговорить! – крикнул он снова.

Ответа не было.

Крапивин знал, что Ольга здесь. Поколебавшись, он толкнул дверь, уверенный, что она заперта, но дверь подалась, и он вошел в холодный, выстуженный дом.

Лестница вела на второй этаж, но Денис не стал подниматься. Тень он видел на первом этаже, и вряд ли Ольга успела бы убежать наверх, пока он звал ее на крыльце. К тому же выхода со второго этажа не было, а из нижней половины дома, как он хорошо помнил, можно было пройти черным ходом и оказаться во дворе.

Войдя в комнату, Крапивин остановился и попросил:

– Прошу тебя, поговори со мной! Оружия у меня нет, а ты наверняка вооружена. Я помню, что у Димы хранился револьвер. Ты умеешь с ним обращаться. Оля, клянусь, я не причиню тебе зла!

Молчание. Ему стало казаться, что он и впрямь в доме один. «Убежала через черный ход... Это ее я слышал возле бани. Но зачем? За баней – овраг, а за ним начинается лес. Она побежит от меня в лес?»

И тут же, едва успев задать себе последний вопрос, понял, что

побежит.

Крапивин почти решился выйти из дома и поискать Ольгу в бане, но заметил на краю стола возле окна несколько листов. Он подошел, взял верхний, одновременно стараясь боковым зрением наблюдать за соседней комнатой, и оттого ему не сразу удалось сосредоточиться на содержании текста. Только пробежав глазами первый лист, он понял, что держит в руках и отчего Ольга не сомневается в его причастности к убийству Ланселота.

Это была распечатка телефонных переговоров – не просто дата и время звонков, а расшифровка диалогов. «Кто-то подслушивал мои переговоры, – отстраненно подумал Денис. – Интересно, кто именно?»

Он читал, как просил человека с инициалами П.П. ускорить работу, говорил о повышенном вознаграждении, а П.П. ссылался на возникшие трудности. В следующем разговоре уже без намеков Крапивин спрашивал, хватит ли мощности взрыва на то, чтобы уничтожить «известный объект», и добавлял, что не должно быть даже мизерной вероятности промашки. «Если он выживет и останется калекой, можете считать, что сделка расторгнута».

Остальные разговоры были еще откровеннее. «Что, Петр Петрович, – мысленно сказал Крапивин, вспомнив бывшего спецназовца, – поймали нас с вами?»

Он дочитал расшифровку до конца, хотя в том не было нужды: с первого разговора любому стала бы очевидной и подоплека его действий, и основательность, с которой разворачивалась подготовка к покушению, и ненависть Крапивина к его жертве.

Денис бросил листы обратно на стол. Кончено. Все кончено.

Последний лист, на котором ничего не было написано, лежал чуть поодаль от остальных, скомканный, будто неудачный черновик. Крапивин поднял его и увидел тот самый револьвер, которым так хвастался и гордился Ланселот.

«Забыла. Приготовила, чтобы выстрелить в меня, продумала сцену с обвинением, а потом испугалась, убежала, а оружие забыла. Глупая женщина».

Немного поразмыслив, Денис проверил наличие патронов, сел на стул, положил револьвер рядом и подвинул к себе мятый лист. Несколько раз с силой провел по нему ребром ладони, пытаясь разгладить, затем достал из кармана ручку и написал записку, не останавливаясь, не задумываясь над словами. То, что Ольга оставила оружие в доме, давало ему большое преимущество, и этим преимуществом он собирался воспользоваться.

Поставив дату и четкую подпись, Крапивин встал, глубоко вдохнул и

выдохнул, выпустив маленькое облачко пара. Все. Осталось сделать только одно дело. Но в ту секунду, когда он вставил дуло револьвера в рот, ощутив омерзительную солоноватость ледяного металла и раздражающий ноздри запах, хлопнула дверь, раздались торопливые шаги, и знакомый голос, запыхавшись, сказал:

– Не стоит этого делать, Денис Иванович.

Вынув изо рта липнувший к губам и языку пистолет, Крапивин обернулся и увидел в дверях одного из двух сыщиков, которого успел возненавидеть на похоронах, – младшего, нахального, с насмешливым взглядом. Он и сейчас смотрел насмешливо, и по какой-то причине именно это выражение его лица остановило Дениса от того, чтобы спустить курок.

– Уходите, – без эмоций сказал Денис. – Уходите!

Парень покачал головой.

– Вы не все знаете, – сказал он, и Крапивину показалось, что парень усмехается. – Сказать по правде, вы ничего не знаете.

Денис подумал, что нужно выстрелить, выстрелить немедленно, пока не появились еще люди, но его останавливала насмешка в глазах и голосе Илюшина. Он с детства не переносил, когда над ним смеялись, а он не понимал причины.

– Чего я не знаю?

– Вы не знаете человека, по вине которого оказались здесь с пистолетом во рту.

Крапивин рассмеялся высоко и тоненько. Ему и в самом деле стало смешно.

– Знаю. Вот он! – с внезапной яростью он ткнул дулом в зеркало, висевшее на противоположной стене и отражавшее его самого и окно за спиной. – Вот он, слышите?! Вот он!

Его голос сорвался, и Денис закашлялся.

– Вы ошибаетесь. Я легко могу вам это доказать.

– Уходите! Оставьте меня одного!

– Не раньше, чем вы обернетесь. Обернитесь! Что вы теряете? Я не двинусь с места, обещаю вам.

– Вы выстрелите в меня! – выкрикнул Денис севшим голосом, понимая, что его загоняют в ловушку, но не понимая, в какую именно.

– Не глупите! Единственное оружие – у вас в руках, и я не вижу ни малейшего смысла в вас стрелять, раз уж вы сами собрались это делать!

Логика последней фразы неожиданно убедила Крапивина. Настороженно глядя на Илюшина, он опустил револьвер, не спуская палец с курка. Взгляд его снова упал на зеркало, и, вздрогнув, он увидел в

отражении, что двор перед домом больше не был пустым. Там стояли два человека.

Одного он узнал сразу – Сергей Бабкин, другой сыщик, уехавший от него всего лишь несколько часов назад. Но второго он узнать не мог, словно зеркальная поверхность, покрытая рябью подобно воде, искажала знакомые черты, и они никак не желали складываться в лицо, которое он видел тысячу раз.

– Обернитесь, – спокойно повторил Илюшин. – Денис Иванович, это морок, болезнь, ее надо сбросить.

Крапивин вглядывался в зеркало, которое лишь подтверждало то, что он понял давно, – что он болен, болен тяжело и неизлечимо. Он проваливался туда, в снежную зеркальную глубину, где кровавым пятном пылала Ольгина машина, и два человека качались, как темные водоросли. Остальное было белым.

Он не мог отвести взгляда от отражения. Второе лицо... Он никогда его не видел!

– Я никогда его не видел, – прошептал Денис.

– В таком образе, думаю, не видели, – согласился Илюшин, не двигаясь с места. – Стрижка сильно меняет человека.

Заставив себя оторваться от зеркала и кинув на Макара потрясенный взгляд, Крапивин наконец обернулся к окну, и там, за стеклом, это лицо предстало перед ним без всяких искажений.

Сергей Бабкин сжимал в руках пистолет, держа на прицеле стоявшего на снегу человека со связанными руками. Человек был коротко стрижен, не осталось ни рыжих бакенбард, ни курчавой бороды, но и без них со странным ощущением, похожим на повторяющийся наяву кошмар, Крапивин узнал Дмитрия Силотского.

Глава 13

– Все это дело построено на стереотипах, – сказал Макар, обращаясь к Маше.

Они находились у него в квартире, на этот раз – все вместе: Маша, Сергей, Костя, пасущийся на кухне, у мясного пирога, остывавшего под полотенцем (его испек Бабкин), и сам Илюшин, расставшийся, наконец, с полосатым шарфом Зари Ростиславовны. После ареста Силотских они с Сергеем долго давали показания, а потом дожидались Дениса Крапивина: сначала он слушал их историю, затем рассказывал свою.

Сергей поднял с пола лист бумаги с последней зарисовкой Макара. На картинке скачущий всадник прикалывал копьём к дереву дергающегося человечка; человечек был то ли шестируким, то ли шестиногим, и напоминал неумело нарисованного жука. Вокруг него парили три существа с короткими копьями, но, приглядевшись, Бабкин понял, что это не копья, а кисточки.

– Расскажи с самого начала, – попросила Маша Макара.

– Я же тебе все по дороге объяснил! – возмутился Сергей.

– Ты изложил факты, а о причинах я так ничего и не поняла. Объясняли Крапивину – теперь объясняйте мне.

– И мне! – пискнул из-за двери подслушивающий Костя, которого тут же прогнали обратно на кухню.

– Так вот, самым сложным, – сказал Макар, забрав у Сергея свой рисунок и рассматривая его, – оказалось понять, на чем построено это дело. А оно, как я уже сказал, построено на стереотипах. Первый стереотип: если человек плох, то он плох во всем. Владимир Олегович Качков был действительно таким, как описывали знающие его люди: мрачным, злобным, угрюмым типом, изменявшим жене и тиранившим сотрудников. Однако при этом, в нарушение всех стереотипов, он был абсолютно предан Силотскому и никогда бы не воспользовался его доверием в собственных корыстных интересах. Силотскому не удалось бы найти более подходящего человека на роль своего двойника, чем Качков.

– Дмитрию Арсеньевичу даже не потребовалось врать, когда он описывал заместителя, – недобро усмехнулся Бабкин.

– Да, он лишь не сказал о Качкове всего, что думал. Владимир был из тех людей, для которых мир делится на своих и чужих, и чужими в его мире были почти все, а своих было очень немного. Возможно, им был

только Силотский. Но для этих *своих* он готов был сделать все.

Он был искренне благодарен шефу и без всяких сомнений поступил так, как тот попросил. Тем более что просьба, как мы думаем, была пустяковой: помочь Ланселоту выиграть какое-нибудь дурацкое пари. Меня преследовал не Качков, а его призрак, потому что останки Владимира Олеговича похоронены в могиле под крестом, на котором написано имя Силотского.

– Мы так долго охотились за мертвым человеком... – вслух подумал Сергей. – Он казался таким живым... Словно постоянно оставался рядом, наблюдал за нами.

– Да, меня это тоже ввело в заблуждение, – согласился Илюшин. – Сплошные иллюзии и неправильные вопросы! Мы спрашивали себя, почему на нас больше никто не нападает, в то время как надо было спрашивать, почему на нас напали в первый раз! Надо было искать свой ответ, а не довольствоваться готовым, предложенным на блюдечке теми, кто угрожал тебе, Маш, и мне. Ведь мы продолжали работать по делу Ланселота и Качкова, ни от кого не скрываясь, и при желании остановить нас было несложно. Наши меры предосторожности – уж прости, Сергей, но это именно так, – могли защитить лишь от мелких хулиганов, от нападения в подворотне, и не более.

Бабкин согласно кивнул.

– Почему же никто не нападал на нас, не угрожал, не звонил? Да потому, что требовалось лишь одно нападение, целью которого было спровоцировать нас на расследование, за которое в противном случае мы никогда бы не взялись! Только своей болезнью могу объяснить, что я не осознал этого сразу, а ведь все было так очевидно: *мы не собирались братья за дело Силотского*. Я был разозлен его смертью, Сергей был огорчен его смертью, но у нас не было причин ввязываться в поиск убийцы. Однако *мы все-таки ввязались* – и что же послужило причиной? Страх Сергея за тебя и Костю и мое недовольство, – он усмехнулся, – пребыванием в яме, где меня забрасывали снегом и мокрой землей.

– Кстати, мы ошибочно связали нападение с нашим появлением возле дома Силотских, – вставил Сергей. – Но Макара заманили бы в ловушку, а тебя с Костей поймали в подъезде в любом случае, даже если бы мы к Силотским не совались.

– Верно. Мы обнаружили причинно-следственную связь там, где ее не было. И в этом заслуга Дмитрия Арсеньевича, который лишний раз подтвердил, что он – отличный психолог. У него имелось досье на нас, к тому же он беседовал с нами обоими и понял, что следует предпринять,

чтобы подтолкнуть нас к нужным ему действиям.

– Между прочим, меня по-прежнему терзает вопрос, как именно Силотский провернул нападение. Если он прятался на даче, то у него не было возможности найти столь подготовленную группу, организовать все четко и почти по-военному...

– Ты сам сказал ключевое слово – «по-военному», – заметил Макар. – Не забывай, что у Силотского было два сообщника – жена и Арефьев, который, как стало известно совсем недавно, сбежал. Мы не сможем проверить мою гипотезу, но я уверен, что нападение – его рук дело.

– А где он взял такую банду?

Илюшин пожал плечами.

– Мог завербовать каких-нибудь подростков из криминальной организации, прикрывающейся ультра-патриотическими лозунгами, – их сейчас много. Мог держать в резерве людей именно на такой случай и использовать их, когда это понадобилось Дмитрию Арсеньевичу. Не сомневаюсь, что эта работа оплачивалась, хотя не знаю, насколько Арефьев был посвящен во все подробности замысла Силотского.

– Но зачем Силотскому понадобились именно вы? – недоуменно спросила Маша. – Из-за Ольги? Сережа, это ее затея? Неужели она до сих пор тебя ненавидит?

Сергей покачал головой.

– Дело не в этом, – вместо него ответил Илюшин. – Мнение жены для Дмитрия Арсеньевича было очень важным, но руководствовался он иными соображениями. Во-первых, ему требовались свидетели взрыва, которые могли бы подтвердить, что видели не кого-нибудь, а именно его, Силотского, садящегося на мотоцикл. Следует признать, что мы попались в самую элементарную ловушку, какую только можно себе представить. Рыжий мужчина в косухе покинул мою квартиру, и спустя две минуты он же вышел из подъезда, сел на мотоцикл и взорвался. Но кто сказал, что это был *один и тот же* человек? Яркую внешность так просто повторить: для этого не нужно соблюдать точность, ведь с двадцать пятого этажа лица не разглядеть, и для нас с Сергеем оказалось достаточно внешних признаков вроде походки, одежды, телосложения. Качков был ниже Силотского, но таким же крепким и коренастым, а разница в росте с нашего этажа была не заметна.

– Конечно же, – добавил Бабкин, – опознание Ольги сыграло свою роль. Имелся риск, что следователь назначит экспертизу останков, но мы с Макаром показали, что видели сверху своего клиента, а Ольга заявила, что шрам на ноге принадлежит ее мужу. Точнее, принадлежал. Думаю, она

изучила тело Качкова не хуже, чем тело супруга, чтобы иметь возможность сказать о «том самом» шраме, родинке или другой отметине.

– Или, что еще вероятнее, это сделал Силотский, – поправил его Макар. – Они вместе ходили в сауну, и ему было легче легкого сфотографировать собственного заместителя или же просто запомнить приметы, а потом рассказать о них жене.

– Значит, первая причина – в том, что ему нужны были свидетели его собственной смерти, – сказала Маша. – А еще?

– Ему нужны были исполнители его воли, которые шли бы по следу Крапивина и в конце концов привели бы его к закономерному финалу – к самоубийству. Уверен, что Ольга Силотская испытывала чувство глубокого удовлетворения, представляя, как оставит когда-то бросившего ее мужа в дураках, причем в том, что имело для него особенную значимость, – в его профессиональной сфере. Может быть, именно в этом она и оказала влияние на Силотского: если у него на примете было несколько кандидатур частных сыщиков, то в итоге он остановился на тех, обмануть которых доставило бы ему и его жене особое, изощренное удовольствие.

Должен признать, что обманул он нас довольно легко, играючи. Впрочем, как и всех остальных.

Второй стереотип строился на всеобщем мнении о трезвом холодном уме Дениса Крапивина. Этот клерк был идеальным кандидатом на роль убийцы, оставалось подыскать ему мало-мальски подходящий мотив. Разве может такой человек пойти на поводу у эмоций? Разве может он легко сойти с ума? Конечно, нет – для это он слишком рационален.

Но нет ничего проще, чем свести с ума здравомыслящего человека. Там, где человек с фантазией отыщет объяснение самых невероятных происшествий столь же невероятными причинами, здравомыслящий попытается искать логические объяснения, не найдет их и начнет терять почву под ногами. Не у всех, знаешь ли, хватает фантазии использовать здравый смысл максимально широко. Большинство людей ограничивается лишь отрицанием сверхъестественного, мистического, а когда сверхъестественное лезет к ним в окна и двери, они пасуют, не находя логического объяснения происходящему.

Денис Крапивин не видел реального объяснения происходившим вокруг него событиям. Он не покупал крыс, однако чек на покупку лежал у него на столе. Мозг под воздействием наркотика, который приносила с собой и подсыпала ему в еду или питье Ольга при частых встречах, выдавал бредовые видения – Крапивин рассказал, что видел крысу на своем столе; крыса-то, я уверен, была галлюцинацией, зато чек был

реальным. Мир вокруг него менялся так, что у Дениса Ивановича оставалось лишь одно объяснение происходящему, последний аргумент здравомыслящих людей, к которому они прибегают при столкновении с тем, что не укладывается в рамки их выверенного, *объяснимого* мира, – «я сошел с ума». К нему он и прибегнул.

Я подумал о том, что все мы следуем за стереотипами, когда неожиданно понял, что близкие люди тянулись к Денису Ивановичу в сложных ситуациях. Первым человеком, к которому побежал советоваться Швейцман после задержания и бесед в прокуратуре, оказался Крапивин, которого он сам назвал скучнейшим Пресноводным. А Чешкин и вовсе рассердился, когда Серега критически отозвался о Денисе, потому что ему нравился Крапивин, и он расстраивался из-за того, что его внучка прекратила с ним всякие отношения. После его слов нам стоило бы задуматься над тем, что мы не совсем правильно оцениваем Дениса Ивановича, потому что Владислав Захарович отличается известной проницательностью, помноженной на жизненный опыт, – во всяком случае, о Ланселоте он судил верно.

Крапивин и в самом деле из тех, кого принято называть «правильными», и он регулярно излагает прописные истины, но кто сказал, что прописные истины ошибочны? За строгим костюмом и вытянутым лицом как-то потерялось, что Денис Иванович очень надежен, советы его часто оказываются верны, и он был единственным из четырех друзей, кто успокаивал и подставлял плечо любому из них.

– Кроме Ланселота.

– Да, кроме Ланселота. Дениса потряс поступок друга, оставившего Чешкина одного ради Марии Томши, и он отказался с ним общаться. Это может показаться странным, но Силотский ожидал от друзей поддержки – по его мнению, хоть он и был виноват, но не меньше них переживал смерть Коли, – а вместо этого получил их презрение и разрыв отношений. Принципиальность Крапивина сослужила Денису Ивановичу плохую службу.

И здесь мы упираемся в третий стереотип, который не менее примитивен, чем предыдущие. Веселый открытый человек – это, конечно же, хороший человек. Весельчак Ланселот необидно подшучивает над сотрудниками, вовремя платит им зарплату и гоняет на мотоцикле, значит, он замечательный парень. Что дружно подтвердили сотрудники его фирмы, никогда не задумывающиеся – да и зачем бы им задумываться, правда? – о том, на какую ярость способен их шеф, если задеть его гордость.

– Я до сих пор этого не понимаю, – призналась Маша.

– А между тем все очевидно, если не позволять себе обманываться видимым благородством, широтой души и внешней веселостью. По его вине погиб один из четверых друзей – самый талантливый и самый уязвимый. Дмитрий Арсеньевич готов был признать свою вину, но он не готов был расплачиваться за свой поступок. Он всегда считал себя самым лучшим, самым умным, самым интересным из четверых, и талант Чешкина не имел для него особого значения – ведь Коля жил в своем мире, далеком от реального, а в реальном был всего лишь малоизвестным поэтом с отклонениями в психике. Швейцмана и Крапивина, с точки зрения Силотского, смешно было даже сравнивать с ним – успешным бизнесменом, нестандартным человеком, обожателем женщин и всеобщим любимцем. И быть униженным людьми, которые ему в подметки не годились, отвергнуть его дружбу, которой, как считал Силотский, он великодушно их одаривал, быть обвиненным ими – ничтожествами! – в смерти их общего друга... Невероятная гордыня этого человека сделала свое дело: он возненавидел обоих и задался целью отомстить. Он вынашивал свой план долго, исподволь, не торопясь, чтобы не ошибиться, и наконец все сложилось так, как ему требовалось.

То, что Силотский преисполнен гордыни, мне следовало понять после его первого визита, когда он рассказывал о смене профессий, по словам Силотского, ему тяжело было находиться долгое время на одном месте. В действительности Дмитрий Арсеньевич не уставал доказывать себе и окружающим, что он будет успешен всегда и везде, за что бы ни взялся. Меня лишь немного насторожило то, что в юности он устроился официантом: по моим впечатлениям, подобные люди не могут работать «прислугой», для них это потеря статуса, даже в молодости, но когда я прямо сказал ему об этом, он вывернулся, заверив меня в том, что якобы «испытывал» себя.

– Ты думаешь, объяснение было лживым? – удивился Бабкин. – По моему, звучит убедительно.

– Не для Силотского. Помнишь, ты мне рассказывал о беседе с Крапивинным и Швейцманом? Первый заметил, что укрощение себя было не в характере Дмитрия... Это правда.

– Тогда что же могло заставить Ланселота работать официантом?

– Власть.

Видя непонимание на лицах Маши и Сергея, Илюшин расшифровал:

– Если вы смотрели фильм «Бойцовский клуб», то поймете, о чем я говорю. Это иллюзия, что официант полностью зависит от капризов клиента, – в действительности клиент ничуть не меньше зависит от

капризов официанта.

– Налить в суп грязной воды... – протянул Бабкин, вспомнив фильм.

– Именно так. Возможность всласть поиздеваться над клиентами, пренебрежительно щелкающими пальцами, чтобы подозвать официанта, – вот что держало Силотского! Люди для него имеют значение лишь постольку, поскольку они подчеркивают его превосходство над ними, оттого он и общался с Колей Чешкиным.

И Владимир Качков, слепо доверявший Силотскому, был для него всего лишь пешкой. Будто бы демонстрируя заместителю степень своего доверия, Силотский дал ему возможность распорядиться всеми денежными средствами фирмы без обязательной подписи директора и бухгалтера. Нет никаких сомнений в том, что деньги в подставную фирму Качков перевел по его указанию, но выглядело это так, как будто он сам их украл. Затем Владимир Олегович исчез на несколько дней – полагаю, он находился либо в квартире Дмитрия Арсеньевича, либо в его загородном доме. Что сказал ему Силотский – неизвестно: возможно, предложил отдохнуть от работы. Но я более чем уверен, что он придумал историю о каком-нибудь пари для того, чтобы Качков исполнил все, чего требовала идея «жамэ вю». Владимир договаривался с жителями подъезда, платил за изменение рекламного плаката, а в нужный момент по сигналу Силотского вышел из подъезда и сел на его мотоцикл, надев шлем со взрывчаткой. Взрыв, опознание тела, похороны – и все, включая нас с Сергеем, начинают искать Качкова, укравшего несколько миллионов у собственного шефа, а затем уничтожившего его. А в действительности сам Силотский одним ударом убирает человека, руками которого была проделана вся грязная работа, а заодно убеждает всех в своей смерти.

Я не мог понять, почему Качков не предложил девушкам из салона денег за молчание, и предположил, что это должен был сделать его сообщник. Мне в голову не пришло, что заметать следы не станет тот, кто ничего противозаконного в своих действиях не видит.

Для Дмитрия Арсеньевича сошлись в одной точке несколько возможностей, которые можно было реализовать одним ходом. А он по натуре – игрок, азартный игрок.

– Первую возможность я вижу – месть бывшим друзьям, – сказала Маша. – А вторая?

– У Ланселота были все шансы потерять свое дело, оттого он и торопился увести деньги, пока не станет поздно.

– Подожди, Макар... как же так? Ты говорил, он успешен в бизнесе?

– Это сам Силотский так говорил. Однако оперативники из

следственной группы, с которыми мы беседовали, поделились некоторыми подробностями. Дело в том, что у Силотского – практически полный цикл производства: несколько лет назад в Пензенской области им был куплен небольшой завод, на котором и клепают двери. Он закупает сырье, изготавливает двери, затем продает.

– А за последние два года выросли цены на металл, – понимающе протянул Бабкин.

– Да, но дело не только в этом. Заводик был куплен Дмитрием Арсеньевичем у государства, и еще год назад прокуратура заинтересовалась сделкой, потому что общая сумма взяток, предложенных должностным лицам Пензенской области, превышает ту сумму, которую Силотский выложил за завод. Сейчас сделка оспаривается в суде, и, судя по всему, Дмитрий Арсеньевич проиграет процесс. Он – бизнесмен, умеет просчитывать ситуацию, а в данном случае не нужно обладать особыми способностями, чтобы понять, что он останется ни с чем. Его собственная смерть решила бы все проблемы, следовало лишь правильно ее обставить: с помощью Качкова украсть часть денег на собственное безбедное проживание, а, может быть, и на новый бизнес за границей, убрать самого Качкова, выдав его за себя, подставить Швейцмана, изрядно напугав его, и довести до самоубийства Крапивина, заодно свалив на него вину в собственном убийстве. Да, забыл еще приятный бонус: оставить в дураках бывшего мужа любимой жены. Очень, очень красивый план! – в голосе Макара звучало восхищение. – Для его воплощения Силотский умело подключил нас к расследованию в уверенности, что мы пойдем по ложному пути – и оказался прав.

Дмитрий Арсеньевич не зря заканчивал театральное училище. Он знал, что убедительность – в деталях. Поэтому Ольга не ухаживала за ногтями, не убиралась в квартире – это мелочи, которые работали на образ, на иллюзию, возникавшую у всех, кто встречался с ней. Ланселот не без оснований боялся, что она переиграет, поэтому они выбрали самый выигрышный вариант сдержанной скорби – женщина не рыдает, не рвет на себе волосы, но забывает, что нужно ухаживать за руками, и ей в голову не приходит убраться в квартире. Точно так же из незначительных на первый взгляд событий и фактов должна была сложиться картина виновности Дениса, а мы с Сергеем предназначались на роль изобличителей преступника. Мелочь здесь, мелочь там – слова Полины Чешкиной, брошенная Марией Сергеевной фраза... Ланселот не подговаривал ее, о нет! Как и все остальные, она считала его мертвым. Но, не забывайте, он отлично разбирается в людях. Дмитрий Арсеньевич был уверен в том, что

Томша не упустит такую возможность отомстить несостоявшемуся любовнику. И оказался прав.

– Подожди... – прервала его Маша. – Любовнику? Сергей говорил, что Крапивин влюблен в сестру этого несчастного поэта, покончившего с собой.

– Я сказал – несостоявшемуся любовнику, – поправил Илюшин. – Томше удалось соблазнить Крапивина, но только она не пополнила им свою коллекцию поклонников. Денис Иванович, по его же собственному признанию, после этого испытывал невероятный стыд перед девушкой, которую любил, и отвращение к Марии Томше. Однако он панически боялся, что она вздумает шантажировать его их одноразовой связью. Он ошибся совсем ненамного – эту связь использовал в своих целях Силотский, а не Томша.

Именно он заплатил денег Марии Сергеевне, а вовсе не Крапивин, – заплатил за то, чтобы она подтвердила его версию Полине Чешкиной, если та вздумает проверить его рассказ. А затем «признался» девушке, будто во всем виноват Крапивин, и отдал ей фотографию Томши, предложив показать ее Крапивину и оценить его реакцию. Все понимают, что произошло потом?

Маша, слушавшая Илюшина, точно замороженная, кивнула.

– Я не понимаю, – нахмурился Сергей. – Полина Чешкина сказала, что Денис ей во всем признался.

– Нет, друг мой, она этого вовсе не говорила. Это мы так услышали – а мы услышали потому, что она и сама так думала. Силотский и здесь все точно рассчитал. Она показала снимок Крапивину, и тот, в полной уверенности, что его обвиняют в измене, не смог ничего ответить. Он действительно считал себя виноватым – но виноватым, конечно же, не в смерти Коли, а в том, что переспал с Томшей. А Полина решила, что ему нечего сказать, потому что Ланселот не соврал. Дмитрий Арсеньевич и здесь блестяще сыграл свою роль перед подходящим зрителем. Чего стоит одна игра в благородство со старым Чешкиным: якобы он не хочет оправдываться перед ним, потому что и в самом деле виновен в смерти его внука. Разумеется, Владислав Захарович – не Полина, с ним не прошло бы предложение молча показать Крапивину фотографию Томши и посмотреть на его реакцию. Оно и с Полиной-то могло не пройти, но здесь Силотскому повезло: влюбленные додумывают больше, чем говорят, и Полина так и не задала вопроса «Зачем ты придумал оставить Колю одного?» Они с Крапивиним разговаривали каждый о своем: она спрашивала, как он мог пойти на такое, имея в виду смерть своего брата, а он отвечал о своей

любовной связи с Томшей, мучаясь от стыда перед девушкой, в которую был влюблен.

– И, значит, затем, когда он пришел просить у нее прощения...

– Он просил простить его за то, что считал изменой, – подтвердил Макар, вспомнив исчерпывающий, долгий рассказ Крапивина. – Полина ответила, что не сможет простить ему убийство, – и снова она имела в виду одно, а он другое: она вспомнила самоубийство брата, а Денис к этому моменту почти проникся уверенностью, что именно он убил Силотского, но это стерлось из его памяти, потому что он сумасшедший.

– Подожди, Макар! – перебила Маша. – А если бы Полина все-таки задала вопрос открыто, и Крапивин стал отрицать, что придумал оставить ее брата одного, чтобы доказать, что он здоров?

– Вот на этот случай Силотский и заплатил Томше. Слово Крапивина против слова Марии Сергеевны... Неизвестно, кому поверила бы Полина, но крови бы он попортил Денису Ивановичу немало. А Томша оказалась хорошей сообщницей, потому что сильно невзлюбила Крапивина – по понятным причинам.

При встрече Мария Сергеевна забросила нам и свой собственный крючок – фразу о том, что Крапивин всегда оказывался в белом, что бы ни происходило. Я спросил ее, что это значит, но она отказалась дать объяснения, надеясь, что этим только разожжет наше любопытство. В какой-то степени так и случилось, но... Но мы знали о Крапивине со слов Полины Чешкиной, Ланселота и Швейцарца, о нем рассказывала Ольга Силотская – и ни один из них не упомянул ничего, за что можно было бы уцепиться. Это могло означать, что никто из них не осведомлен о какой-то нечистой истории, случившейся в прошлом (что казалось мне довольно сомнительным), или же Томша врал.

Я говорил с Крапивиним на кладбище, и он показался мне нездоровым человеком. Он и был нездоровым: при встречах с ним Ольга подкладывала ему в пищу наркотик, который вызывал у него нетипичную реакцию. Мы только вчера вечером узнали, что в подростковом возрасте все трое – Швейцарец, Крапивин и Ланселот – с подачи последнего попробовали ЛСД, и Денис оказался единственным, не ощутившим ни эйфории, ни просветленности сознания. Наоборот: у него начались галлюцинации, он впал в тревожно-депрессивное состояние, и больше никогда не пробовал наркотиков, помня о том опыте. Димка и Сенька посмеивались над ним, затем об этом случае забыли. Но Ланселот вспомнил и в нужный момент сумел использовать это в своих целях.

Он не мог, конечно же, ручаться за то, что ЛСД подействует так, как

ему надо, и потому щедро подбрасывал реальные доказательства, убивавшие несчастного Крапивина. Что именно вплеталось в его воспаленное сознание – действительные факты или то, что представлялось больному мозгу под воздействием наркотика, – сейчас определить сложно. Денис Иванович рассказывал вчера о том, что видел крысу на своем столе спустя несколько часов после происшествия с женой Швейцарца... Она могла быть реальностью, а могла быть и галлюцинацией. Но вот чек о покупке крыс существовал, и он стал бы доказательством причастности Крапивина к этому случаю.

Ольга Силотская заезжала к Денису, чтобы вместе с ним поехать на ужин или прогуляться. Крапивин говорит, что она поднималась к нему в квартиру – якобы каждый раз приносила либо книгу, либо что-то еще... Я допускаю, что у нее имелась копия ключей от его квартиры, и Ольга могла приходить туда в его отсутствие, чтобы не торопясь фабриковать псевдодоказательства причастности Крапивина к смерти ее мужа. Доказательства эти были рассчитаны на одного-единственного человека – самого Крапивина, но в том случае, если бы он вздумал обратиться к кому-нибудь за помощью, они выставили бы его в очень невыгодном свете. Взять хоть тех же крыс, испугавших Риту Швейцман.

– Значит, эту идею тоже придумал Силотский? – спросила Маша, поморщившись.

– Конечно. Он, как и все остальные, знал о фобии Риты. У него не было причин мстить женщине – пугая ее, он хотел как можно сильнее уязвить Швейцарца, и это ему удалось. А вторым ударом, направленным непосредственно на Семена, стало его задержание на основании звонка, который сделал исполнитель по указке Ланселота сразу после взрыва. Свою роль сыграл и их диалог, подслушанный секретарем: может быть, Швейцман и в самом деле был в ярости, и наверняка Дмитрий спровоцировал его, сначала раздражив заманчивым предложением, а затем без видимых причин отказавшись соблюдать договоренность... Но секретарь слышала только ответы своего шефа, специально сказанные громким голосом. Конечно, Семен Давыдович сердился, но ему и в голову не пришло бы угрожать другу убийством. Сам он не помнит подробностей их разговора; может, в пылу ссоры он бросил что-то вроде «придушил бы я тебя, обормота», и Ланселот тут же обыграл это так, как ему требовалось. Да, Швейцману тоже от него досталось – хотя, конечно, меньше, чем Денису Крапивину, чуть не убившему себя. Честно говоря, я думал, что мы не успеем.

– А я вообще считал, что мы едем спасать Ольгу, – буркнул Бабкин,

вспомнив, как накануне, вбежав во двор дачи, которую они с Макаром нашли очень быстро, заметил смутно знакомую фигуру, прячущуюся от них за невысокой баней, и, не задумываясь, бросился за ней следом.

Человек, за которым он бежал, скатился в овраг, попытался выкарабкаться из него, и здесь Сергей настиг его. Ужас и отвращение, которые он испытал, увидев искаженное ненавистью и яростью лицо Силотского, заставили его вытащить пистолет, и он готов был выстрелить в этого ожившего покойника.

– Я понял, что придется спасать Крапивина, когда ты сказал про фотографии. Но до меня никак не доходило, кто же мог ненавидеть его настолько, чтобы придумать весь этот дьявольский план. Пока я не вспомнил, что Заря Ростиславовна порывалась рассказать мне, как она испугалась взрыва.

– А что такого было в ее рассказе? – не поняла Маша.

– То, что она несколько раз произнесла слово «оборвалась». Если бы я раньше догадался, что это может относиться только к лифту, мы сэкономили бы Крапивину нервы. Но я не догадался, хотя ответ лежал на поверхности: она застряла в лифте и оттого-то испугалась после взрыва, что тросы оборвутся и она упадет.

– Подожди... как связаны лифт и Ланселот?

– А так, что Силотский, выйдя из моей квартиры, появился внизу, под окнами, спустя всего пару минут – ровно столько требовалось, чтобы съехать с двадцать пятого этажа вниз на лифте. Съехать, Маша, а не сойти пешком по лестнице! Но съехать было невозможно – лифт сломался, и в нем сидела моя прекрасная соседка госпожа Мейельмахер! А второй лифт не работает уже три недели, и я жаловался на это Сергею на следующее утро после убийства. Дмитрий Арсеньевич не стал утруждать себя проверкой работы лифта: он выждал пару минут, позвонил ожидавшему внизу Качкову, выглядевшему его подобием, а сам ушел на верхний балкон, откуда и подал дистанционный сигнал. В поднявшейся затем суматохе ему ничего не стоило уйти незамеченным, потому что он, разумеется, переоделся. Весь замысел ему испортила чистая случайность.

– А откуда он взял фотографии для Крапивина?

– Сфабриковал, разумеется. Ничего сложного в этом не было. А теперь представь: Крапивин чувствует, что сходит с ума. Он не помнит отдельные моменты своей жизни, мир вокруг него меняется страшно и убедительно. Другой человек на его месте отправился бы напрямик ко врачу, но Денис панически боится того, что может от него услышать, потому что тогда его догадка о том, что он – причина смерти Ланселота, может стать

реальностью. Он боится этого подтверждения, но и без врача все вокруг свидетельствует против него. Прибавь сюда двух частных сыщиков, которые, как ему кажется, подозревают его, – и ты поймешь, в каком страхе он жил.

Ольга часто встречается с ним, звонит, просит провести с ней время, и он списывает ее поведение на горе и одиночество после смерти мужа. Обнаружив снимки – а Крапивин не мог их не обнаружить, потому что Силотская сама попросила его найти фотографии под предлогом того, что она потеряла, – он вдруг все понимает. Все встает на свои места: и то, что она отчаянно за него цепляется, и ее тоскливые, обращенные к нему взгляды, просящие о том, о чем она не смеет просить вслух теперь, после смерти мужа. Денис, сознание которого подготовлено к любым открытиям о себе самом, решает, что они были любовниками, только он об этом забыл – ну и что же? О том, как он покупал крыс, он тоже забыл, однако доказательства в его собственной квартире говорили обратное.

Он не успевает свыкнуться с этой мыслью, как получает письмо: Ольга считает его убийцей мужа, у нее есть этому подтверждение. В отчаянии он едет к ней – не затем, чтобы ее переубедить, а затем, чтобы самому понять, что же он сделал. И находит распечатку телефонных переговоров с тем самым человеком, которого задерживали по подозрению в подготовке убийства Силотского.

Распечатка, как и все остальное, была фальшивкой – даже менее убедительной, чем фотографии, но для Крапивина это уже не имело значения: он находился в таком состоянии, что поверил бы во что угодно. Если бы он стал задавать себе вопросы, то, конечно же, у него появились бы сомнения. Как можно было здраво объяснить, почему он, не скрываясь, вел по телефону разговоры о том, как убить человека? Никак. Или – откуда у Ольги взялась распечатка, и отчего она появилась только сейчас? Но Денис этих вопросов не задал. Он увидел револьвер, оставленный специально для него, написал предсмертную записку, в которой признавался, что убил своего друга, и собрался застрелиться. После этого письмо было бы стерто из его почтового ящика, фотографии уничтожены, Силотская рассказала бы, как нашла тело, и на этом дело бы закрыли.

Да, Крапивина обложили со всех сторон. Куда бы мы ни шли, везде перед нами оказывались два человека: он или Качков. Но именно это в конце концов убедило меня, что ни тот, ни другой нам не подходят, и когда ты, Сергей, отправился к Денису Ивановичу, я уже знал, что он невиновен. Но я видел его на похоронах и был убежден, что он не в себе, потому и предупредил тебя, чтобы ты был осторожен.

– Я расценил это как намек на то, что он может быть убийцей.

– Если бы я так думал, никогда не отправил бы тебя к нему одного, – покачал головой Макар. – Нет, я лишь хотел спровоцировать Крапивина на какие-то действия, потому что был уверен, что за ними последуют и действия того, кто подставляет его. В итоге мы еле успели.

Он встал, потянулся и отправился в кухню, откуда послышался его укоризненный голос, призывающий Костю не портить пирог.

– Сережа, а что сказал Крапивин, когда вы с ним поговорили? – спросила Маша. – Представляю, какой для него был удар...

– Удар был, когда он решил, что убил Силотского. А с нами он почти не разговаривал, потому что ему было с кем общаться.

– Ты о ком?

Сдерживая ухмылку, Бабкин объяснил: первое, что сделал Илюшин, выйдя из прокуратуры, – набрал номер Полины Чешкиной и о чем-то говорил с ней минут десять, после чего девушка примчалась к ним и столкнулась с Денисом Крапивинным, как раз успевшим к этому моменту выслушать правду о том, что с ним происходило.

– И надо было видеть ее лицо! Кстати, я заметил, что они с Крапивинным очень подходят друг другу – оба белые, как бледные поганки, так что Илюшин и в этом оказался прав. Теперь я собираюсь звать его купидончиком, – закончил Сергей, удовлетворенно посмеиваясь. – Макара от этого передергивает.

Тот, кого он собирался звать купидончиком, вернулся в комнату, остановился в дверях.

– Интересно, с какими потерями выйдет из этой истории Швейцман, – задумчиво сказал он. – И, кстати, Серега, нам с тобой нужно съездить в одно место. Маш, ты не возражаешь, если я на несколько часов украду у тебя вновь обретенного супруга?

– Зачем ты собрался меня украсть? – удивился Бабкин. – В какое такое место нам необходимо ехать?

– Собирайся, раз Маша не возражает, – вместо ответа сказал Илюшин. – По дороге узнаешь.

* * *

Рита услышала шаги в коридоре и сильно сжала двумя пальцами переносицу. Нельзя бесконечно сидеть в комнате, пора выйти. В конце концов, ее поступки нелепы для взрослой женщины.

«А Сенины – необъяснимы».

Муж не оправдывался, не просил прощения. Переночевав на диване, с утра он уехал, и вернулся только сейчас.

За прошедшее время Рита решила, придя в себя и слегка успокоившись, что мужа утомила ее фобия, и он дал ей это понять способом, который так задел и обидел ее. «Надо выйти и поздороваться».

Прежде, чем она успела встать с постели, в дверь постучали, и в спальню вошел ее муж, держа в руке обувную коробку. Он сел на край кровати, не глядя на Риту, от растерянности не сообразившую, что сказать, и поставил коробку на колени.

– Сеня, я хотела...

– Подожди.

Он избегал смотреть на нее, и ей стало не по себе. В голове у нее мелькнула мысль, что он упаковывает вещи, чтобы уехать, и хотя такого не могло быть, само подозрение многое сказало о ее состоянии.

– Я встречался с Денисом и Полиной, – сказал Швейцман. – Потом тебе расскажу. А на обратном пути зашел в зоомагазин. Девочки объяснили мне, что они никогда не берут такой товар, но это были подкидыши, и они сами пытались их выкормить. Я не выдержал, забрал одного...

Он поставил коробку на стул, снял с нее крышку и, поколебавшись, вышел.

Рита осторожно обогнула кровать, подошла к коробке и с брезгливым отвращением и страхом увидела в коробке бело-розового червяка с хвостом, спавшего в углу.

Первым ее побуждением было закричать, немедленно выкинуть эту гадость, а за нею и стул, бросить в стирку покрывала с кровати, чтобы даже намек на запах этого омерзительного существа не осталось. Она сжала зубы, опустилась на край кровати, не сводя глаз с крысеныша, сцепив побелевшие пальцы. «Как он мог?! Как он мог?! Я их ненавижу... Я боюсь их!»

В душе ее взметнулась волна ярости к мужу, поднялась от груди, захлестнула целиком, как соленая вода с горьким привкусом, щиплющая все крошечные ранки, ничего не залечивающая, а лишь разъедающая кожу, оставляя за собой кратеры бело-розовых язв. В одну секунду Рита сама превратилась в такой кратер, kloчочуший и одновременно испытывающий боль, кричащий из глубины о том, что его пытаются соленой водой. Но от этого чувства женщина пришла в себя. Она не могла испытывать ненависть к Сене, что бы он ни делал. «Это мой страх испытывает ненависть, а не я. Это страх».

Рита заставила себя расцепить пальцы, ощущая боль в костяшках. Тварь, лежавшая в коробке, не была страшной. Отвратительной – да, но не страшной. «Ее не надо бояться», – пробормотала Рита про себя, ощущая, что страх и в самом деле уходит, как и паническое желание выбросить беззащитного крысиного детеныша в окно. Крошечные лапки с пальчиками, поджатые под брюшко, были тоньше спичек. «Смешно бояться существа с лапками тоньше спичек».

Настороженно прислушиваясь к собственным ощущениям, Рита неожиданно уловила одно, которого ожидала меньше всего.

Жалость.

Крысенок был жалким. Жалким, несчастным, убогим существом, обреченным без их помощи на смерть.

Она дотронулась пальцем до его спинки и вздрогнула, потому что звереныш тоже вздрогнул. Но он не открыл слипшиеся щелочки глаз, продолжая спать, и Рита подумала, что таких маленьких крысят, наверное, нельзя выходить, и бело-розовый червяк умрет.

– Сеня, сколько ему? – спросила она, не оборачиваясь.

– Около двух недель, – тотчас отозвался муж из-за полуоткрытой двери. – Обычно их отлучают от матери-крысы в месяц с небольшим...

Деятельный ум Риты заработал.

– О чем ты только думал, когда его брал? – сердито осведомилась она, вставая и закрывая крысенок крышкой, в которой только сейчас заметила дырки для вентиляции. – Так... Раз уж ты все это затеял, позвони Светке-кошководу и спроси, занимается ли ее сказочный ветеринар крысами. Найди ему – крысеньшу, не ветеринару! – другое место, я не хочу закрывать окно, а из него дует. И включи компьютер, мне нужен крысиный форум.

Пока она разговаривала по телефону с подругой, выясняя подробности выхаживания новорожденных крысят, Семен сделал странную вещь: встал перед зеркалом, подмигнул отражению и одобрительно похлопал себя по пухлой щеке.

– О чем я только думал, когда его брал? – шепотом повторил он. – Уж конечно, не о крысе.

Глава 14

Дверь Макару и Сергею открыла сама Томша.

– Зачем на этот раз пришли? – сухо спросила она, не паясничая. – Если хотите скульптуру купить – пожалуйста, а языками чесать – так чешитесь друг о друга.

– Силотского задержали, – сообщил ей Макар. – Он, оказывается, живой и относительно здоровый.

– Знаю. Новости с утра смотрела. И что? Посадят теперь красавчика, дело закроют. Мне же лучше – перестанете в мастерскую шляться.

– Это дело, конечно же, закроют, – согласился Илюшин, делая упор на слове «это». – Но ведь есть и другое, не правда ли, Мария Сергеевна?

Томша откинула голову на короткой шее, впилась в него жестким взглядом, затем посмотрела на Сергея.

Тот стоял с непроницаемым лицом. Макар рассказал ему в машине, зачем они едут, и он не поверил Илюшину – настолько диким и бессмысленным показалось ему услышанное. А главное – не подтвержденным никакими доказательствами, поскольку то, что в качестве доказательств представил ему Илюшин, таковыми для Сергея не являлось. Не могло, просто не могло оказаться так, что...

– Ну заходите, коль пришли, красавчики.

Томша отошла, пропуская их в квартиру.

В центре комнаты она встала, уставилась на Макара вызывающе. Она совсем не интересовалась Сергеем, не поглаживала его бесстыдным взглядом, все внимание устремив на Илюшина.

– Что за второе дело? Выкладывай, красивый, если есть что сказать, а нечего – так проваливай, дай поспать старой тетке.

Не обращая на нее внимания, Макар прошелся по мастерской, разглядывая скульптуры.

– Да, Владислав Захарович, конечно же, был прав, – заметил он вполголоса. – На это способен любой выпускник художественного вуза. Эпатаж без таланта превращается в насмешку над самим собой, что мы и видим из ваших так называемых работ.

Томша быстро подбежала к нему, мелко семеня, и Бабкину показалось, что она сейчас ударит Илюшина, но она не ударила, а лишь прошипела ему в лицо, почти не шевеля губами:

– Твой Чешкин – ничтожество! Бездарность! Из науки его выставили

пинком под зад, так он начал картины собирать, а сам-то ничего не умеет! Даже на поделки не способен! Все, что может, – других охаивать, плевать презрением, как верблюд. Старый кастрат!

– Поэтому вы убили его внука? – вежливо поинтересовался Илюшин.

Томша осеклась, губы плотно сомкнулись в красного червяка, так что линия между ними стала почти неразличимой. Глаза выкатились, в следующий миг губы разжались, и между ними запузырилась слюна. Сергей испугался, что сейчас она забьется в эпилептическом припадке, но Томша, сделав шаг назад, отвернулась от них, постояла неподвижно, напомним Бабкину встречу на кладбище, когда со спины он принял ее за мужчину, а затем повернулась. Лицо ее стало спокойным, расслабленным, слюна исчезла, и губы опять кривились в полуулыбке, от которой на Бабкина повеяло холодным ужасом.

– Что несешь-то, красивый? – почти весело осведомилась она у Илюшина. – Тебя твой шкаф, – она кивнула на Сергея, – по голове крепко приложил? Колька с собой покончил, это все знают.

– Ну что вы, Мария Сергеевна! – возразил Макар почти благодушным тоном. – Никак он не мог с собой покончить, это совершенно очевидно.

– С чего же тебе это очевидно?

Не дожидаясь разрешения, Илюшин сел на стул, закинув ногу на ногу, и задумчиво посмотрел на Томшу. Бабкин чувствовал, что ее выводит из себя его невозмутимая манера держаться, но она пытается это скрыть.

– Во-первых, – сказал Макар, – была свидетельница, которая видела, как Николай выпал из окна. Из ее рассказа понятно, что произошло убийство, а никак не самоубийство.

– Врешь, сволочь!

– Нет, Мария Сергеевна, не вру. Нам она сказала, что видела, как Чешкин перевалился через подоконник и упал, но до того его ангельская душа успела покинуть тело. А теперь скажите – вы где-нибудь видели ангельские души, вылетающие из тела в тот момент, когда человек только готовится покончить с собой? Ведь это, по ее словам, случилось не тогда, когда он ударился о землю и умер, а когда он решил прыгнуть. Да-да, Мария Сергеевна, белая фигура за его спиной! Она видела не ангела, она видела человека.

Томша издала короткий смешок, но Макара он не остановил.

– Я знал о том, что произошло убийство, а вовсе не самоубийство, уже тогда, когда разговаривал с ней, потому что после визита к Чешкиным у меня не осталось в этом никаких сомнений. Женщина подтвердила мою уверенность, и к тому же указала, в каком направлении искать убийцу.

– Откуда же ты мог это знать, красивый ты мой? – растянув рот в одну сторону, словно пытаясь улыбнуться половиной лица, поинтересовалась Томша.

– Я видел рассказ, который Чешкин написал перед смертью. Сергей тоже его читал. Это сказка, в основу которой положена история Андерсена о платье короля. Я не поэт и не писатель – и слава богу! – но я прочел то, что писал Чешкин, и одно могу сказать точно: *это была неоконченная история*. Вы понимаете? Он только начал ее писать, потому что пока Силотский с ним сидел, Чешкину пришла в голову какая-то мысль; он признался, что его несколько не огорчит уход друга, потому что ему не терпится сесть и писать. Чешкин так и поступил: даже не закрыв дверь за Силотским, сел за стол, потому что в голове у него созрела сказка-фантазия, требующая выхода. Он написал самое начало и оборвал его на фразе: «Побежал по пыльной дороге догонять короля и портных».

Илюшин щелкнул пальцами, словно сделав важное открытие, и Томша едва заметно вздрогнула.

– Но ведь ясно, что это не конец! Любому, читавшему этот текст, понятно, что с мальчиком потом должно что-то случиться, как и с королем, и с портными... Всего лишь завязка истории, и я удивлен, что такая очевидная мысль не пришла в голову ни Полине, ни ее деду, иначе они не стали бы винить себя в смерти Коли. Пока он писал, в квартиру поднялся убийца. Дверь после ухода Силотского осталась открытой, но для убийцы это не имело значения: он мог позвонить, и Чешкин открыл бы, потому что знал его. Убийца зашел в комнату, что-то сказал Коле – может быть, пошутил насчет своего визита и объяснил, что Ланселот стоит внизу, под Колиным окном, и у него придуман какой-то сюрприз для Чешкина. Тот выключил свет, подошел к окну, стал вглядываться в темноту, пытаясь рассмотреть своего друга. Его толкнули в спину, он закричал и упал. И разбился насмерть.

Бабкин стоял неподвижно, не сводя глаз с Томши, рот которой по-прежнему кривился на одну сторону, но это было похоже не на улыбку, а на судорогу.

– Если мы вспомним, что вы, Мария Сергеевна, вернулись домой уже *после* того, как к вам приехал Силотский, и были вы, по вашему собственному признанию, одеты в пальто, накинутое на белую сорочку, то мы получим ответ на вопрос, кто убийца.

Он развел руками, словно показывая, как это просто и очевидно.

– И вы сами только что ответили на вопрос, зачем вы убили Колю Чешкина – еще до того, как я вам его задал. Затем, что вы, как и Силотский,

полны непомерной гордыни, и в этом с ним очень похожи. Силотского отвергли его друзья, а вас – старый Владислав Захарович, не оценивший вашего таланта, пренебрежительно отозвавшийся о ваших скульптурах. Он презирал вас, запретил Силотскому знакомить вас с его внучкой, о чем вам, конечно же, стало известно от Дмитрия. Вы попробовали проверить свои силы на внуке Чешкина – но и тут вас ждало полное поражение: Коля вас не хотел, не замечал, он был слишком далек от всего, что вы ему предлагали. А ведь вы, Мария Сергеевна, полны злобы, вы любыми путями пытаетесь добиться своего, ненавидите мужчин, несмотря на свою тягу к ним – а, может быть, именно поэтому. Я помню, с каким удовольствием вы рассказывали о визите Полины Чешкиной! Думаю, про себя вы вдоволь посмеялись над ними всеми: и над Силотским, попросившим вас обмануть Чешкину и считающим, что использует вас в своих интересах, в то время как он сам был инструментом в осуществлении вашего плана, и над Полиной, и над Крапивинным, и больше всего – над Владиславом Захаровичем, оплакивающим любимого внука, считающим, что это он его не уберег.

– Бред, – проскрипела Томша.

– Нет, Мария Сергеевна, не бред! Вам, как и остальным, было известно о том, что Чешкин остался вместе с Ланселотом. Вы сами позвонили Дмитрию, зная, что тот не выдержит и приедет к вам, но звонили вы, конечно же, не из дома, а с мобильного телефона, сидя в собственной машине, стоявшей за домом Чешкиных. У вас есть машина? Не сомневаюсь ни секунды, что три года назад она у вас имелась. Силотский вышел из подъезда, вы поднялись в квартиру, с радостью обнаружили открытую дверь... Остальное я вам рассказал. Вам нужно было проделать все очень быстро, потому что в скором времени у вашей собственной квартиры должен был появиться Силотский. И вы, как ни торопились, все же приехали позже, но у вас в машине были заранее припасены вино и фрукты, и потому ваше отсутствие выглядело убедительным: спускались в магазин, купили продукты... Никто не заподозрил вас, потому что все были уверены в самоубийстве Чешкина. Но это вы его убили, и я об этом знаю.

Томша наконец перестала кривить губы. Глаза ее сощурились, и она прошептала в лицо Макару:

– А ты, поди, устройство с собой принес, сыщик? Диктофончик, а? Думаешь, я тебе сейчас во всем признаюсь, чтобы ты мои слова записал?

Илюшин молчал.

– Так я тебе признаюсь, глупенький ты мой! Смотри внимательно,

чтобы ничего не пропустить!

Томша облизнула губы языком, вытянула их дудочкой, затем сложила буквой «О» и вдруг стала шевелить ими, так что по ним отчетливо читалось каждое слово, но не производя при этом ни звука.

– Да! – беззвучно выкрикнула она в лицо Илюшину. – Да, я его убила! Я!

Зубы и десны обнажились, губы изгибались так сильно, что видна была их внутренняя влажная розовая поверхность, и вся нижняя часть лица заплясала, задвигалась в мимике сумасшедшего суфлера, скрывающегося от зрительного зала.

– Подошла! Толкнула! И он свалился, как мешок!

Она не выдержала и захохотала страшным безголосым смехом.

– Ох, мальчики, уморили вы меня, – сказала она уже нормально, вытерла с глаз воображаемые слезы. – Записали что-нибудь на диктофончик? Нет? Ну и давайте, идите, мне работать пора. Чешкину привет передавайте!

Она дернулась, расставила руки, изобразила на лице комический ужас, широко открыв рот, и стала «планировать» над полом, будто снижаясь. От этого зрелища Бабкина передернуло.

– Бам! – воскликнула Томша, взметнув руки, и снова рассмеялась. – Давайте, идите, спектакль закончился!

Последнее, что видел Сергей, выходя из мастерской, – широкую спину Томши, присевшей на корточки и разглядывающей одну из своих отталкивающих скульптур.

* * *

Они спустились вниз, пошли к припаркованной поодаль машине, не говоря ни слова. Макар первым нарушил молчание.

– Вот теперь можно считать, что дело Силотского закрыто. Бр-р-р! Я знал, что прав, но подтверждение моей правоты в этот раз не доставило мне ни малейшего удовольствия.

– Подожди, – остановился Сергей. – Мы еще не поговорили с Владиславом Захаровичем.

– Зачем с ним разговаривать?

– Ты хочешь оставить его в неведении насчет смерти его внука?

– А ты хочешь показать ему убийцу, а потом объяснить, что она избежит наказания, хотя сама призналась нам в убийстве? Что нет ни одной

улики, подтверждающей ее виновность, и потому она будет жить рядом с Владиславом Захаровичем, ходить по одним с ним улицам, есть, пить, спать с мужчинами, наслаждаться жизнью и останется безнаказанной? Ты видел: она призналась, но призналась только потому, что ей слишком хотелось восторжествовать над нами – на это я и рассчитывал. Если старый Чешкин вздумает прийти к ней, она точно так же попытается восторжествовать и над ним, и кто знает, чем это может закончиться. Неужели ты думаешь, что он будет спать спокойно, зная, что убийца его внука останется неотомщенной? Ты сам – ты сам, Серега! – смог бы жить спокойно?

Бабкин помолчал, не глядя на друга, затем негромко сказал:

– Но Чешкин и так не живет спокойно. Он живет с мыслью, что Коля погиб по его вине, что он не смог уберечь его, положился на Ланселота, а сам уехал, хотя мог бы остаться... Попробуй представить, какую ношу он несет эти три года, считая себя ответственным за все, что произошло. Но на самом-то деле Силотский оказался прав: Николай выздоравливал, или, во всяком случае, ему стало лучше. Он не собирался себя убивать. И никакой вины Владислава Захаровича в том, что произошло, нет.

– Не исключено, что он захочет увидеть Томшу, и это может привести к непредсказуемым последствиям!

– Он должен решить это сам, Макар! Сам, понимаешь? Это будет его выбор, но выбор, основанный на правде, а не на лжи.

Макар подумал, посмотрел на Бабкина чуть потемневшими глазами.

– Хорошо, мы расскажем ему правду. Но я считаю, что ноша, которую ты собираешься взвалить на его плечи, может оказаться ничуть не меньше той, что он несет сейчас. Ноша безнаказанности убийцы его внука.

* * *

Владислав Захарович поговорил по телефону, затем заглянул в комнату внучки, вопросительно посмотревшей на него: звонок был поздним и встревожил ее.

– Самому удивительно... – пожал плечами Владислав Захарович, отвечая на невысказанный вопрос Полины. – Звонили те два частных сыщика, которые расследовали смерть Димы: они хотят мне что-то сообщить.

– Как, прямо сейчас?

– Да, они скоро будут. Собственно говоря, они предлагали встретиться завтра, но я решил, что поскольку мы с тобой еще не спим, можно

поговорить с ними и сегодня. Ты не возражаешь? Если возражаешь, я сейчас же отменю их визит.

Полина улыбнулась, покачала головой.

– Не надо. – Она встала, поцеловала деда, ласково провела рукой по его плечу. – Все равно я не смогу скоро уснуть: столько всего случилось за последние сутки... Пусть приезжают.

.....

Паша Еникеев увидел Полину Чешкину, когда она шла по дороге. Он как раз вылез из трамвая и собирался пересечь улицу, чтобы зайти в торговый центр, где был маленький отдел с нужными ему пастельными карандашами, но наткнулся на ее взгляд, автоматически поздоровался и застыл, глядя, как она проходит мимо него, огибает трамвай, идет наперерез «белой девятке», словно не видя машины... Водитель ударил по тормозам, остановившись в полуметре от нее, и проорал из открытого окна несколько фраз, исчерпывающе характеризующих «слепую дуру». Девушка, не остановившись ни на секунду, не повернув головы в его сторону, продолжала движение, а Паша стоял на рельсах, слушая мат и яростные вопли водителя белой «девятки» до тех пор, пока тот не уехал.

Еникеев сам не понял, что заставило его пойти за Полиной, но не пойти было невозможно: ее лицо, всегда такое живое, словно остановилось; не застыло, а именно остановилось, будто раньше бежали куда-то глаза, губы, скулы и нос Полины Чешкиной, и вдруг встали, как часы, у которых сломался маятник. Она смотрела не перед собой, а в глубь себя – Паша отчетливо увидел это за те секунды, что она шла ему навстречу. Он не мог оставить ее одну, но и не мог подойти, спросить, все ли в порядке с Владиславом Захаровичем и не может ли он чем-нибудь помочь – такая мысль просто не пришла ему в голову. Девушка не знала его; Паша в лучшем случае оставался для нее одним из посетителей галереи ее деда, а в худшем – был никем.

Он пошел за ней, напряженно вглядываясь в идущих навстречу прохожих – вдруг кто-то не захочет отойти в сторону и грубо толкнет ее на проезжую часть, в поток машин... Но прохожие расступались, уклонялись в последнюю секунду, поняв, что девушка не свернет, и Паша немного успокоился: был, был у нее ангел-хранитель, которого он даже как-то нарисовал, изобразив в виде рыцаря – рисовать ангелов с крыльями казалось ему пошлым, а пошлость не выдержала бы ни одного мига рядом с Полиной Чешкиной. Так ему казалось.

Не думая о том, как далеко ему придется за ней идти и зачем же он, собственно, идет, лишь пытаясь представить себе, где мог бы находиться

тот самый нарисованный им рыцарь (летел сверху? шел чуть поодаль, как и сам Пашка?), Еникеев пропустил тот момент, когда девушка, словно проснувшись, вскинула голову, остановилась, и чуть не налетел на нее. Это была подходящая секунда, чтобы извиниться и спросить, что же все-таки у нее случилось, но он не успел – по-прежнему не замечая его, Полина свернула к пятиэтажному дому с пыльными после зимы окнами. Лишь на верхнем этаже они были вымыты так чисто, что посверкивали от солнца, и Паша, поглядев на них, зажмурился от слепивших солнечных прорезей на стеклах.

Перед входом в подъезд он задержался, дождавшись, пока девушка войдет, и лишь потом подбежал, распахнул дверь, быстро заглянул внутрь, прислушиваясь к шагам, раздающимся все выше и выше по лестнице. Нет, ее никто не встретил, но мог встретить наверху, у квартиры, куда она шла. Внезапно его окатило страхом, что Полина поднимается вовсе не в квартиру, а на крышу, и он, обругав себя за то, что не подумал о такой страшной возможности раньше, бросился за девушкой, перепрыгивая через несколько ступенек сразу, пыхтя и обливаясь потом.

Но шаги затихли, когда он почти догнал ее, и Паша, тяжело дыша, застыл на четвертом этаже, зная, что она стоит над ним, но не слыша ни единого звука. Подъездная сонная тишина нарушилась скрежетом открываемого замка, шорохом двери, и низкий женский голос удивленно, и, как ему показалось, издевательски протянул:

– О-ой, кто к нам пришел... Тебе чего?

Шаги, скрип двери, металлический стук – и снова стало тихо.

Еникеев медленно преодолел еще один пролет, с трудом отрывая ноги от ступенек. Воротник его рубашки взмок, и он присел на корточки под дверью с табличкой в виде удава, на котором было выгравировано имя хозяйки квартиры, решив дождаться, пока девушка выйдет, и стараясь уловить, что происходит внутри.

* * *

Полина смотрела на смуглую женщину с короткими сальными волосами и молчала.

– Долго глаза на меня будешь тарашить? Чего тебе надо, спрашиваю.

Полина протянула руку и внезапно дотронулась до лица Томши, прикоснулась указательным пальцем к толстой пористой коже, будто проверяя, настоящая она, теплая, или нет. От ее прикосновения Томша

отдернула голову, словно оно могло прожечь кожу насквозь, и выругалась сквозь зубы.

– Дура больная! – бросила она. – Такая же психованная, как твой братец. Сама в окно не сиганешь? – и хохотнула удовлетворенно.

Лицо Полины Чешкиной изменилось в одну секунду: замершее – оно вдруг проснулось, ярость и боль сверкнули в расширившихся глазах, крылья тонкого носа раздулись, и она стала невероятно похожа на деда. Боль, горечь, ненависть, тоска – невыразимая тоска, поселившаяся в ней со вчерашнего вечера, когда она поняла, что Коля мог бы жить, – завывали в ней на тысячу голосов, вмиг разрушили сферу, в которую она заключила себя сама, чтобы боль не пробила ее изнутри и снаружи.

– Это вы его убили! – крикнула она высоким напряженным голосом. – Вы! Господи, и все из-за того, что вас не оценили!

Скулы Томши пошли красными пятнами с неровными краями, словно кто-то щедро швырнул на них краски с кончика кисти, нарочитое спокойствие исчезло.

– Да! – закричала она в ответ, наступая на Полину в бешенстве, исказившем и без того некрасивое лицо. – Я! Брякнулся твой братец, только и успел, что заорать перед смертью! И ни ты, ни твой дед – вы ничего мне не сделаете! Убьете меня – в тюрьму засядете, а я-то, я-то на свободе останусь! Живая останусь, здоровая, а вы – сгниете! Не будет вас больше!

В неистовстве она швыряла слова в лицо девушке, не думая о том, что выдает сама себя, что все происходящее может быть подстроено, а Полина, онемев от этого взрыва, пятилась назад, пока не наткнулась на мраморный пресс, лежавший на полу.

– Я бы и тебя убила, и деда твоего! – Томшу несло, она не в силах была остановиться. – Презирали меня? Носы воротили от Маши? Думали, все у вас будет хорошо? Порыдайте теперь на его могилке, поплачьте над его стишками!

Она ослабилась и стала похожей на жирного раскосого волка, нашедшего добычу.

– И скрываться я от вас больше не буду! Чтобы всю жизнь вы помнили, кто такая Мария Томша!

Она перевела дыхание, тыльной стороной ладони провела по губам, стирая с них слюну. Глаза ее были прикованы к лицу Полины, на котором она ожидала увидеть отчаяние и насладиться им сполна, жалея лишь о том, что нет здесь старого Чешкина, – его унижение было бы достойной наградой за все, что она перенесла. Ее вновь переполняло торжество – так же, как вчера, когда, выплеснув то, что ей давно хотелось прокричать на

весь мир, она заметила беспомощность на лице здоровяка-сыщика.

Но с Полиной, казалось, происходило что-то странное. Черты ее лица словно затвердели, в глазах мелькнуло изумление, сменившись чувством, которое Томша не смогла определить – она лишь осознала, что по непонятной причине то, что должно было стать добычей, ускользнуло от нее.

– Ошибаетесь, – тихо проговорила Полина, и Томшу неприятно поразил контраст ее негромкого голоса с прежним, зажатым, как в тисках, которым она обвиняла Марию в смерти брата: она не должна говорить таким голосом. – Ошибаетесь, – повторила Полина чуть громче. – Мы не будем вас помнить.

Полина обогнула мраморную плиту и развернулась, собираясь уходить («Уходить?! Почему она уходит?»), повернув к Томше исхудавшее нервное лицо, но глядя не на нее, а мимо – на скульптуры, расставленные за спиной Марии Сергеевны.

– Потому что вы – никто, – сказала Полина. – У Коли было все: талант, любовь, друзья... А у вас ничего нет, никогда не было и никогда не будет. Вы думали, что мстите нам? Вы себе отомстили.

Полина чуть качнула головой, будто сожалея о Марии Сергеевне, и быстро пошла к двери.

Беззвучно, как зверь, Томша прыгнула на нее, повалила, подмяла под себя, нанося удары кулаками куда придется – в лицо, в тонкое хрупкое тело, даже по разметавшимся волосам; она разбила костяшки в кровь, но боль не остановила ее, а придала сил, и вид крови на запрокинувшемся лице жертвы вызвал такой прилив бешенства, что Томша зарычала.

– А-а-а-а! – хрипела она, колотя безвольно мотающуюся голову о пол.

Краем глаза Томша заметила плиту, рывком подтащила тело девушки к ней и приподняла, намертво вцепившись пальцами в мягкую ткань пальто.

Паша, вот уже пять минут встревоженно прислушивавшийся к голосам в квартире, чувствовал себя на лестничной клетке до крайности нелепым – толстым, неповоротливым, слабым парнем, не способным решиться на что-то, кроме бессмысленной слежки за девушкой, для которой он придумал и нарисовал рыцаря. Новый звук, донесшийся до него, отличался от прежних – это был не голос, а, скорее, стон или даже всхлип. Еникеев вскочил, замер возле двери, чувствуя, как потный воротничок противно холодит шею, а затем, решившись, толкнул незапертую дверь и сделал несколько шагов.

Мастерскую заливал свет, льющийся из больших окон; на полу повсюду были расставлены странные скульптуры, которые Паша не разглядел, – взгляд его был прикован к телу Полины. Тело подергивалось,

потому что его трясла женщина с озверевшим лицом – толстая, с крепкими руками и глазами, похожими на прорези в коже. Она снова встряхнула девушку, и ее жертва, ударившись головой о глиняные черепки, валявшиеся на полу, издала тот самый всхлип, который слышал Еникеев.

Женщина с прорезями вместо глаз зарычала, легко, словно куклу, приподняла Полину над краем каменной плиты, приготовившись обрушить ее на мрамор. За долю секунды Паша наяву увидел, как из пробитого затылка хлещет темная кровь, заливая волосы, превращая их в слипшийся ком, и черный огонек исчезает, гаснет навсегда. Он дико закричал и бросился на женщину, свалил ее на пол, почувствовав под собой крепкое, будто сделанное из пластика, тело вместо живой теплой плоти.

В глазах-прорезях мелькнуло изумление, баба извернулась и сбросила Еникеева – она была сильна, куда сильнее его, и рыхлому Паше было не под силу состязаться с гуттаперчевым гибким чудовищем. Но он встал, защищая лежавшую у его ног Полину, и снова бросился на чудовище, ощерившее рот и визжавшее с яростью крысы.

Полина пришла в себя от скрежета, разрывавшего барабанные перепонки, и, с трудом подняв голову, которую разрывало от боли, увидела возле окна две сцепившиеся фигуры. Одна из них боролась молча, вторая издавала пронзительный визг, который Полина приняла за скрежет.

В первой фигуре она узнала полноватого неуклюжего парня, изредка заходившего в их галерею, написавшего ту самую акварель, которая так понравилась деду. Волосы его были всклокочены, рубашка порвана, дешевая куртка съехала на одно плечо, мешая драться. Он даже не дрался – скорее, не давал Томше вернуться к телу Полины; у него хватило сил на то, чтобы оттащить Томшу в сторону, но не хватило на то, чтобы остановить ее.

Томша, заметив движение, повернула голову, увидела, что девушка очнулась, и издала новый крик, затем толкнула противника в окно с такой силой, что Паша выбил стекло, и осколки полетели вниз, разбиваясь об асфальт. Второй удар наполовину выкинул его наружу, и он, из последних сил вцепившись руками в раму, увидел, как Томша делает шаг к девушке, стоявшей на коленях и глядевшей на него огромными провалами глаз на белом лице. Его сковал ледяной весенний ветер, он слышал крики прохожих внизу, но воспринимал их отстраненно, будто доносящиеся из другой реальности. Они и вправду были из другой, потому что его собственная реальность осталась внутри мастерской, в которой женщина с лицом убийцы готовилась закончить то, что начала делать с Полиной Чешкиной.

Он втянул себя обратно, в свою реальность, оттолкнулся ладонями от рамы, обхватил гуттаперчевое тело и дернул на себя – туда, где ледяной ветер был на его стороне. И полетел вниз, слыша не отчаянный крик Полины, не вопль женщины, летевшей вместе с ним, а насвистывание ветра, в котором рождалась старая песенка о человеке, отправившимся за солнцем в один прекрасный день.

.....

В галерее с утра было всего несколько человек. «Лето, все разъехались», – думал Чешкин, проходя мимо картин. Двое посетителей привлекли его внимание – молодые ребята в хорошо пошитых костюмах, один из них, похожий на монгола, присматривался к «Рыцарю» работы Павла Еникеева.

– Он мне нравится, между прочим, – услышал Чешкин. – Графика... детская, что ли?

– Ерунда какая-то. Хочешь графику, выбери себе что-нибудь из Твардиери, если денег хватит.

Раздался приглушенный смешок, раскосый негромко огрызнулся, и Владислав Захарович подошел ближе.

Он посмотрел на рыцаря, а рыцарь с картины посмотрел на него. Это был неправильный рыцарь: весь какой-то всклокоченный, без коня, улыбающийся детской счастливой улыбкой, как мальчишка, которому подарили доспехи. У рыцаря было пухлое расплывчатое лицо Паши Еникеева, Чешкин хорошо это видел.

За рыцарем рос сказочный лес, и туда-то он и собирался отправиться – по пыльной дороге, терявшейся под черными косматыми сводами.

– Конечно... – пробормотал Владислав Захарович. – Нужно догнать короля с портными, да и мальчишку. Вряд ли он успел далеко удрать.

– Что?

Двое у картины обернулись на него.

– Не обращайтесь внимания, – ответил Чешкин и собрался уходить, но раскосый остановил его.

– Э-э-э... послушайте! Вы консультант, да? А сколько стоит эта работа?

– Нисколько. Она не продается.

– Но, послушайте... Я ее куплю!

– Она не продается, – повторил Владислав Захарович и пошел прочь, провожаемый солнечным взглядом последнего рыцаря.

Эпилог

Год спустя.

Телефон зазвенел в кармашке, стоило только ей выйти из магазина и спрятать пшенично-золотистую, восхитительно пахнущую французскую булку в сумку. Торба была такой необъятной, что из нее выглядывал лишь аккуратно закругленный кончик хлеба. Полина еле сдержалась, чтобы не надорвать упаковку и не отломить горбушку прямо на улице – ее остановила мысль о том, что тогда она точно съест половину булки, а врач посадила ее на диету.

Когда зазвонил телефон, она обрадовалась – сможет отвлечься от мыслей о хлебе.

– Да? – пропела Полина в трубку, изучая свое отражение в витрине магазина – расплывшуюся женщину с отечным, болезненно бледным лицом.

– Как ты сегодня? – негромко спросил Крапивин.

– Я – прекрасно! – она рассмеялась, отходя от витрины, и прохожий удивленно обернулся ей вслед. – Я купила булку и собираюсь ее съесть. Нет, не так: слопать. Сожрать... – она задумалась.

– Навернуть, – дополнил муж, и по его голосу она почувствовала, что он улыбается. – Ты собираешься уплетать ее за обе щеки, чтобы крошки сыпались на стол и на пол?

– Именно! – подхватила Полина с воодушевлением, проходя под капелью с крошечных сосулечек, выдолбившей лунки в подмороженном с ночи снегу. Каждая упавшая капля поднимала мелкие брызги, и Полина не удержалась – присела на корточки, поймала ладонью прохладную водяную пыль, приложила ладонь к щеке. – Знаешь, я боюсь сглазить, но, кажется, все закончилось.

Несуеверный Крапивин вспомнил, как весь последний месяц жена бледной тенью выползала по утрам в коридор, шатаясь, шла в туалет, затем подолгу отлеживалась в постели... Как избегала продуктовых магазинов, потому что не выносила запахов продуктов, и в особенности – аромат свежесдобитого хлеба. Вспомнил – и негромко постучал три раза по своему деревянному столу, одновременно символически сплевывая через левое плечо.

– Как твои занятия? Ты пока не собираешься их отменять? – спросил

он, ловя в трубке звук ее шагов.

– Ну что ты! Ребята такие молодцы! Вечером покажу тебе рисунки, один из них должен тебе особенно понравиться.

Жена начала увлеченно рассказывать о том, что они рисовали, и кабинет вокруг Крапивина растворился. Денис шел рядом с Полиной, бережно поддерживая ее под руку, выбирая на тротуаре сухие места (всю зиму он панически боялся, что она поскользнется на льду), и слушал ее голос, вдыхал арбузный запах апреля, швырнувшего щедрой россыпью несколько ярких солнечных дней, окончательно разбудивших город.

– А день сегодня невероятный, – сказала она, огибая неуклюже забравшуюся на тротуар грязную машину, – такой звенящий, и везде солнце. Столько света... Я отвыкла от него за зиму, иду и щурюсь.

Денис Крапивин сощурился следом за Полиной, поймал в блестящей поверхности стола, словно в тонком слое подмокшего льда, отражение ее фигуры.

– А что у тебя? – спросила она, и Крапивин знал, что это не дежурный вопрос.

– Сегодня пришел довольный Паникеев и сообщил, что завел щенка, – сказал он и усмехнулся. – Показывал фотографии.

Он стал вспоминать Паникеева с его собакой, описывать в деталях, чтобы Полина ясно представила все – так же, как видел он сам. Крапивин не задумался о том, что еще год назад никому из коллег не пришло бы в голову показывать ему фотографии щенка и делиться впечатлениями о том, как тот валяется на диване, подставляя хозяину плюшевый живот.

«А выбирал он его так... – слушала Полина, идя по улице и задерживаясь взглядом на коляске, которую катила перед ней длинноволосая девушка... – Ключи уронил перед его носом, представляешь! А тот...»

Коляска завернула за угол, Полина остановилась перед светофором.

«Тогда заводчик его спросил, где он об этом прочитал...»

Она улыбалась, сама того не замечая, воспринимая несущиеся машины как длинные цветные линии, из которых складывался ежесекундно меняющийся рисунок. В голове ее, возникнув ниоткуда, негромко зазвучала мелодия песенки «Битлз», которую очень любил Коля, – о том, как кто-то пойдет за солнцем в один прекрасный день. «Однажды, проснувшись, ты не найдешь меня. Вчера был дождь, поэтому сегодня я пойду следом за солнцем», – мурлыкала она про себя, слушая Дениса.

«А потом они придумывали ему имя – укороченное, полное у него есть, но какое-то непроизносимое»...

Рисунок из цветных линий замер: машины встали. Полина перебежала дорогу, глядя на зеленого человечка на светофоре, и остановилась на островке между двумя потоками.

«Если вечером приду пораньше, можем с тобой фильм посмотреть...»

Голос мужа стал затихать, словно он отошел от нее, но по-прежнему продолжал рассказывать. В мире, окружающем беременную Полину, что-то неуловимо менялось, и она застыла на месте, прижав к себе сумку с батоном, пытаясь понять, что происходит.

«Хвалили в рецензиях... если хочешь, я куплю на обратном пути», – еле слышно сказал где-то вдалеке Крапивин.

Мир оставался солнечным, но радостное настроение Полины исчезло. На нее неожиданно накатил волна тошноты, и она судорожным жестом прижала руку к горлу. Что происходит?

«Швейцманы, – сказал далекий Денис, – приглашали нас к себе в выходные. У них очередной сабантуй по поводу...»

Негромкая песенка звала за собой. Полина качнула головой, пытаясь избавиться от нее, но мелодия не исчезла. Она заполнила собой все вокруг, и ей показалось, что даже прохожие на той стороне улицы движутся в такт мотиву. Режущий сигнал заставил ее вздрогнуть, и Полина, нервно сглотнув, посмотрела на красного человечка. Ей показалось, что она стоит на островке слишком долго, и давно пора бы загореться зеленому, но он никак не загорался, и от этого ей стало не по себе.

«Сенька говорит, Рита после защиты первым делом»...

– Денис, я тебе перезвоню, – прервала его Полина, быстро спрятала телефон в карман, непроизвольно положила руку на живот, защищая того, кто спал внутри. «Нервы, у беременных часто шалют нервы. Это бывает, сейчас пройдет».

– Сегодня я пойду следом за солнцем, – негромко произнесла она про себя на английском, глядя в зеркальную витрину торгового центра на противоположной стороне улицы.

От произнесенных ею слов что-то сдвинулось. Полина увидела две витрины: одну – реальную, вторую – призрачную, будто наложенную на нее. В реальной отражались машины, светофор, здания напротив...

В призрачной отражался рыцарь, стоящий за ее спиной.

Полина понимала, что на таком расстоянии не смогла бы разглядеть его, но, не отдавая себе отчета в том, что происходит, другим зрением видела, что в руке у рыцаря длинное хрустальное копье, а его кольчуга светится, будто вырезанная мастером из льда, в котором голубовато просвечивает солнце.

Рыцарь покачал головой – призрачный шлем напоз ему на брови и явно был великоват – и шагнул вперед. Протянул руку, провел сверху вниз, будто рисуя ладонью – и перед Полиной возник ледяной заслон; она ощутила, как взметнулась, выросла из ниоткуда зубчатая стена с остроконечными башнями, тонкая, как лист, от которой дохнуло зимним холодом. Сквозь заслон она по-прежнему видела машины, пешеходов, собравшихся на другой стороне улицы, нетерпеливо перетаптывающихся в ожидании зеленого сигнала светофора, и здание торгового центра с раздвоившейся витриной.

Полина попятилась, развернулась и так быстро, как только могла, пошла с островка, ощущая, как колотится сердце и леденеет спина. Машин почти не было, но она остановилась только тогда, когда оказалась на тротуаре. Обернулась – и заметила длинноволосую девушку с коляской, несколько минут назад свернувшую в переулок. Сейчас та стояла рядом и собиралась переходить.

– Стойте! – Полина схватила ее за руку, и девушка вздрогнула. У нее было совсем юное лицо с круглыми, как у птицы, глазами, и ярким матрешечным румянцем. – Прошу вас, постойте!

В ее умоляющем лице, обращенном к девушке, было что-то такое, отчего та подчинилась. В круглых глазах мелькнуло недоумение, девушка хотела что-то сказать, но ее отвлек громкий крик, и она отвела взгляд от странной беременной женщины с перепуганным лицом.

«Газель», на большой скорости подъезжавшая к переходу, резко затормозила, вильнула, ударившись в соседнюю машину, закрутилась на мокром асфальте и под визг тормозов, сигналы и крики вылетела на островок, где должна была стоять Полина. Фигурка водителя, словно кукольная, мотнулась вправо, и машина со страшным скрежетом врезалась в столб.

В тот же миг зубчатая стена рухнула, развалившись сверкающими осколками, и в отражении витрины Полина увидела, как тает за ее спиной рыцарь, все это время стоявший с копьём наперевес. Солнечный луч отразился в его шлеме, рыцарь дотронулся до ее плеча, улыбнулся – и исчез. С того места, где он стоял, вверх, до края крыши, протянулась тонкая дорожка – будто сотня солнечных зайчиков выстроилась друг за другом.

А в следующую секунду мир вокруг Полины вернулся в прежнее состояние. Возле машины копошились люди, на лице девушки, стоящей рядом, застыло недоверчивое удивление, словно она не могла понять, что произошло. В кармане звенел телефон.

– С тобой все в порядке?! – взволнованно спросил Крапивин, едва она

ответила. – Полина, ты меня слышишь, родная моя?

– Слышу, Денис.

– Ты отключилась, а потом я две минуты не мог до тебя дозвониться!
У тебя точно все хорошо?

– Да, – ответила Полина, не сводя глаз с выстроившихся на стене здания солнечных зайчиков. – У меня все хорошо. Я скоро буду дома, не переживай за меня. Послушай, Денис...

Она замолчала.

– Что?

– Нет, ничего... Правда, со мной все в порядке. Я жду тебя вечером, возвращайся пораньше!

Зайчики задрожали – и исчезли, слившись в одну линию. Последний задержался на долю секунды, на миг обретя очертания всадника на лошади, и помчался по солнечной дороге догонять короля и портных.

notes

Примечания

1

Жамэ (франц. – ‘*amais*) – никогда.

2

Дежа (франц. – de'a) – уже.

Об этом деле читайте в романе Е. Михалковой «Остров сбывшейся мечты».

Подробнее читайте в романе Е. Михалковой «Знак Истинного Пути» и «Водоворот чужих желаний».